Того же автора:

Исторія русской общественной мысли

Тт. I и II (LII + 900 стр.)

2-ое изд., дополненное, 1908 г.

Цѣна за оба тома 3 рубля.

Объ интеллигенціи

I. Махаевщина. II. Кающіеся разночинцы.

2-ое изд., дополненное, 1910 г.; стр. 220

Цѣна 80 коп.

О смыслѣ жизни

— Ѳ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ.

1908 г.; стр. 312

Цѣна 1 рубль.

Ивановъ-Разумникъ

Литература и общественность

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

3967

Памяти

А. И. Герцена и
Н. К. Михайловскаго

посвящаетъ эту книгу

АВТОРЪ

Оглавленіе.

Предисловіе.

Русская литература всегда была и—будемъ надѣяться—всегда останется литературой «учительной»: въ этомъ ея великая общественная заслуга. Надо только одного желать: чтобы это общественное учительство не подавляло собою отдѣльныхъ индивидуальныхъ стремленій; чтобы литература, крѣпко уйдя корнями въ соціальную почву, достигала бы вершиною высшихъ нравственныхъ, эстетическихъ, философскихъ и, въ широкомъ смыслѣ, религіозныхъ запросовъ человѣческаго духа; чтобы проповѣдь и учительство не исключали собою творчества и исканій.

Мучительныя, мятущіяся исканія всегда въ концѣ концовъ кристаллизуются въ увѣренное и твердое ученіе; и этотъ закрѣпленный результатъ намъ цѣненъ не менѣе, чѣмъ предшествующій ему періодъ творческихъ исканій. Пусть результатъ этотъ впослѣдствіи неизбѣжно будетъ отвергнутъ; но если въ немъ было зерно вѣчной истины, то рано или поздно онъ возродится, какъ Фениксъ изъ своего пепла, и возродится въ новыхъ формахъ, обновленный, углубленный. Вспомните исторію философіи: что она такое, какъ не «вѣчное возвращеніе»—вѣчное возрожденіе въ новыхъ формахъ старыхъ истинъ, испепеленныхъ огнемъ жгучихъ исканій? И что иное представляетъ изъ себя двухсотлѣтняя исторія русской общественной мысли, какъ не постоянное сожиганіе старыхъ боговъ и постоянное ихъ возрожденіе? Есть вѣчныя цѣнности, надъ которыми безсильно время.

Человѣческая личность—съ одной стороны, благо

народа — съ другой стороны, являлись съ давнихъ поръ такими вѣчными цѣнностями для русской общественности, для русской литературы; громадное и мощное теченіе русской общественной мысли — народничество, отъ Герцена и до Михайловскаго — имѣло своимъ стержнемъ эту вѣчную цѣнность. И пусть погибло старое народничество, какъ временное и преходящее общественное ученіе: оно не можетъ не возродиться въ новыхъ формахъ, углубляющихъ и расширяющихъ пониманіе вѣчной истины, лежащей въ его основѣ.

Двѣ подчеркнутыя выше идеи въ ихъ современномъ развитіи опредѣляютъ собою все содержаніе настоящаго сборника статей 1904—1909 гг. Въ сборникъ этотъ вошли и старыя статьи, уже напечатанныя раньше въ журналахъ, и новыя, появляющіяся въ печати впервые; ихъ объединяетъ однако общая идея. Намѣчая ее, авторъ лишній разъ подчеркиваетъ здѣсь ту неразрывную связь, которая существуетъ между «старымъ» и «новымъ» въ русской литературѣ и общественности. Это старое—признаніе самоцѣлью человѣческой личности, дѣйствующей въ соціальной средѣ; это новое—возрожденіе той же идеи на почвѣ современной философской мысли и современнаго реальнаго соціализма. Исторіи развитія этой идеи въ русскомъ сознаніи XIX вѣка посвящена авторомъ его двухтомная «Исторія русской общественной мысли»; попыткѣ обоснованія на этой идеѣ цѣльнаго міровоззрѣнія посвящена авторомъ книга «О смыслѣ жизни»; эта же идея, въ томъ или иномъ ея развитіи, опредѣляетъ и объединяетъ собою все содержаніе настоящаго сборника.

По мѣрѣ накопленія матеріала авторъ предполагаетъ выпускать и слѣдующіе тома «Литературы и общественности», не связывая себя опредѣленными рамками, но попрежнему объединяя содержаніе статей той главной мыслью, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ его произведеній.

И.-Р.

Н. К. Михайловскій.

(Центральный пунктъ его міровоззрѣнія).

Значеніе Н. К. Михайловскаго для русской мысли, для русскаго сознанія настолько велико, что едва ли оно выяснится въ скоромъ времени во всѣхъ своихъ подробностяхъ; въ настоящее время возможно только прежде всего вспомнить нравственный обликъ человѣка, работавшаго почти полвѣка на тяжеломъ, хотя и славномъ посту, горѣвшаго жгучей ненавистью къ лжи, насилію и обману и бодро вѣрившаго въ торжество идеаловъ—правды-истины и правды-справедливости. Справедливая оцѣнка Михайловскаго принадлежитъ будущему; мы хотимъ только въ немногихъ словахъ напомнить о томъ, что́ далъ покойный критикъ и публицистъ русскому обществу и главнымъ образомъ выяснить центральный пунктъ его міровоззрѣнія.

Критикъ и публицистъ!—какъ это узко, какъ это не охватываетъ широкой, синтетической дѣятельности Михайловскаго! Если онъ и былъ публицистомъ, то только въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ могутъ считаться публицистами и Бѣлинскій, и плеяда критиковъ шестидесятыхъ годовъ, наслѣдникомъ которыхъ былъ Михай-

ловскій. «Бѣлинскій роди Чернышевскаго, Чернышевскій роди Добролюбова, Добролюбовъ роди Писарева»—такъ беззубо насмѣхался когда-то историкъ Погодинъ надъ дѣятелями шестидесятыхъ годовъ; къ этой генеалогіи можно прибавить: «и Писаревъ роди Михайловскаго».

На литературную сцену Михайловскій выступилъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, въ 1860 г., почти одновременно съ Писаревымъ. Шестидесятые годы были эпохой выработки его міровоззрѣнія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ это время Михайловскій испыталъ на себѣ сильное вліяніе Писарева, обладавшаго тогда апогеемъ славы и извѣстности. Культъ личности перешелъ къ Михайловскому по наслѣдству прямо отъ Писарева, и будущій авторъ «Борьбы за индивидуальность» увлекался въ шестидесятыхъ годахъ проповѣдью всесторонней эмансипаціи личности. Но уже въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ Михайловскій вышелъ на собственную дорогу и, продолжая по существу дѣло Писарева, разошелся съ нимъ въ очень и очень многомъ, что и высказывалъ впослѣдствіи неоднократно. Основная ошибка Писарева (и не столько Писарева, сколько писаревщины) ярче всего вскрыта Михайловскимъ въ статьѣ «Идеализмъ, реализмъ и идолопоклонство» (1873 г.); онъ выяснилъ, что теорія «кружковщины», высказанная Писаревымъ въ статьѣ «Реалисты» и доведенная до утрировки слѣпыми его послѣдователями, логически приводитъ къ эгоизму и самодовольному самосовершенствованію; что интеллигенція, обособляясь въ кружки для саморазвитія, не выплатитъ этимъ путемъ своего долга народу, подъ которымъ Михайловскій понимаетъ всѣ трудящіеся классы общества.

Выйдя на самостоятельный путь, Михайловскій создалъ цѣльное и стройное міровоззрѣніе; онъ сталъ во главѣ русской мысли, онъ сдѣлался признаннымъ вождемъ русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ. «Народникомъ» pur sang, вродѣ Юзова-Каблица или В. В., онъ не былъ, но все-таки народъ стоялъ во главѣ угла

его міровоззрѣнія. Народъ для него — всѣ трудящіеся классы общества («Записки профана», т. III, стр. 277)*), вѣрнѣе сказать, всѣ производительно трудящіеся. Поэтому народъ надо рѣзко разграничивать отъ націи, такъ какъ ихъ интересы часто различны и даже противоположны. «Національное богатство есть нищета народа»,—неоднократно цитировалъ Михайловскій фразу одного изъ антибуржуазныхъ нѣмецкихъ экономистовъ. Благо народа (а отнюдь не націи)—вотъ тотъ критеріумъ, которымъ мы должны руководствоваться въ проведеніи общественныхъ идеаловъ въ жизнь, такъ же, какъ благо реальной личности (а отнюдь не абстрактнаго человѣка) должно быть критеріумомъ нашихъ поступковъ вообще. Но оба эти критерія совпадаютъ и могутъ быть замѣнены одинъ другимъ, доказываетъ Михайловскій въ своихъ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» (1877 г.). «Все зданіе правды должно быть построено на личности,—говоритъ онъ,—но конкретные политическіе вопросы представляются иногда въ такой сложной формѣ, что прослѣдить въ этой сѣти за интересами и судьбами личности бываетъ очень трудно. Въ такихъ случаяхъ вмѣсто интересовъ личности вы подставите интересы народа или, точнѣе, труда» (т. IV, стр. 461).

Такое положеніе Михайловскій повторяетъ неоднократно; не трудно убѣдиться, что именно этотъ двуединый критерій — центральный пунктъ всего цѣльнаго и гармоничнаго міровоззрѣнія покойнаго писателя. Взглядъ этотъ— фундаментъ всего міровоззрѣнія Михайловскаго; разрабатывая различныя теоріи, Михайловскій только вѣрно и послѣдовательно прилагалъ этотъ критерій къ разнообразнѣйшимъ житейскимъ вопросамъ. Въ политической экономіи Михайловскій былъ рѣзкимъ противникомъ какъ узкаго протекціонизма, такъ и буржуазнаго экономическаго «либерализма»: и тотъ, и другой не обращаютъ

*) Цитирую по шеститомному третьему изданію 1896—97 гг.

вниманія на интересы реальной личности трудящагося народа. Либерализмъ со своей теоріей абсолютной свободы конкуренціи (laissez faire, laissez aller) заботится объ интересахъ производства, а не личности; онъ даетъ право свободы каждому, но возможность пользоваться этой свободой имѣется только у буржуазіи; абсолютный протекціонизмъ представляетъ изъ себя другую крайность, не давая ни права, ни возможности экономической свободы, а система монополій ложится всей тяжестью на тѣ же трудящіеся классы общества (см. т. I, стр. 259—270, 437—440, 684 и др.). Михайловскій требуетъ и права, и возможности свободы: право принадлежитъ всѣмъ, возможность должно дать общество и государство. Во всемъ этомъ видно вліяніе Прудона, отчасти Чернышевскаго, но все это переработано самимъ Михайловскимъ и разсмотрѣно имъ съ точки зрѣнія двойного критеріума реальной личности и трудящагося народа.

Этимъ объясняется и взглядъ Михайловскаго на общину. Въ семидесятыхъ годахъ на общину было воздвигнуто гоненіе со стороны самыхъ реакціонныхъ отбросовъ общества. Требовали уничтоженія общины, какъ опаснаго элемента русской жизни. «Община — отрицаніе собственности—propriété c'est le vol—стоглавая гидра соціализма и нигилизма» — вотъ какова была примѣрно связь мыслей всѣхъ этихъ господъ. Михайловскій всталъ на защиту общины. Онъ ввелъ въ построеніе своей теоріи нѣкоторую «утопію», какъ онъ самъ говоритъ; утопія заключалась въ надеждѣ, что Россія, сохранивъ общину, можетъ пойти по совершенно особому пути и избѣгнуть фазиса развитія буржуазіи и роста пролетаріата,—фазиса неизбѣжнаго при уничтоженіи общины. Утопія эта не оправдалась,—мы объ этомъ скажемъ ниже,—но въ то время еще можно было надѣяться, что Россія останется при общинѣ и избѣжитъ промежуточной ступени — фабрики; это считалъ возможнымъ и самъ К. Марксъ. Критерій же Михайловскаго заставлялъ его бороться за общину, высоко стоящую по типу развитія, противъ фабрики, развитіе которой высоко по степени.

Степень и типъ—это основное противоположеніе главной теоріи Михайловскаго, его теоріи прогресса и теоріи борьбы за индивидуальность; на нихъ мы остановимся подробнѣе, такъ какъ это главное зданіе, построенное Михайловскимъ на двойномъ критеріумѣ: блага трудящагося народа и блага реальной личности.

Критерій блага реальной личности требуетъ широты этой личности. Есть типы приспособляющіеся, практическіе, а есть типы идеальные, широкіе: будучи идеальнымъ типомъ, личность будетъ жить всѣми фибрами своего существа, никогда не унизится до крайней спеціализаціи. Отсюда понятна та ненависть, которую Михайловскій питалъ къ экономическому раздѣленію труда, убивающему реальную личность во имя блага абстрактнаго общества. Вѣдь само общество,—говоритъ Михайловскій,—есть не что иное, какъ сумма реальныхъ личностей (см. т. I, стр. 54, 168, 293); такъ развѣ можно жертвовать интересами реальнаго для какой-то абстракціи общественнаго блага? Раздѣленіе труда—это смерть личности; критерій блага личности заставляетъ насъ принять вмѣсто раздѣленія труда — сложное сотрудничество, кооперацію. Всѣ эти мысли подробно и съ большой силой яркаго таланта высказаны Михайловскимъ въ одной изъ первыхъ крупныхъ его статей «Что такое прогрессъ?» (1869 г.). Въ этой статьѣ Михайловскій впервые высказалъ, что его интересуетъ реальная личность (т. I, стр. 32); вотъ почему онъ такъ горячо возсталъ противъ Спенсера и его органической теоріи общества. Для реальной личности Михайловскій требуетъ широты и гармоничности (т. I, стр. 34) и не согласенъ считать общество самодовлѣющимъ организмомъ, а личность—какимъ-то органомъ. Индивидуумъ есть всегда цѣлое, — говоритъ Михайловскій, — «и не можетъ разсматриваться, какъ

часть, въ виду только нѣкоторыхъ специальныхъ цѣлей. Поэтому онъ не можетъ приноситься въ жертву развитію идеальнаго цѣлаго, каково общество» (т. I, стр. 41). Могло бы казаться, что такое предпочтеніе личности передъ обществомъ приведетъ къ самому крайнему индивидуализму, но стоитъ только вспомнить два основныхъ критерія Михайловскаго, чтобы убѣдиться въ одинаково сильномъ уваженіи его и къ личности, и къ лучшей части общества—трудящимся классамъ; онъ не желаетъ только, чтобы миѳическіе интересы «націи» и «общества» подавляли собой реальные интересы народа и личности. Вотъ почему онъ признаетъ прогрессомъ только «приближеніе къ цѣлостности» индивидуумовъ (т.-е. приближеніе къ идеальнымъ типамъ), возможно полное физіологическое раздѣленіе труда и возможно меньшее экономическое (т. I, стр. 150). Михайловскій первый замѣтилъ всю незаконность смѣшенія этихъ двухъ видовъ раздѣленія труда: физіологическое раздѣленіе труда есть раздѣленіе труда между различными органами человѣка, экономическое—между самими людьми; но развѣ можно приравнивать человѣка органу? Въ этомъ была коренная ошибка органической теоріи общества (Блунчли, Кетле, Спенсеръ и др.), и Михайловскій первый указалъ и доказалъ наличность этой ошибки своимъ критеріумомъ блага реальной личности.

Отсюда ясенъ переходъ къ изящной и стройной теоріи «борьбы за индивидуальность». Если общество развивается съ экономическимъ раздѣленіемъ труда между индивидуумами, то для Михайловскаго очевидно, что «прогрессъ индивидуальный и развитіе общества взаимно исключаются» (т. I, стр. 41). Прогрессъ вообще Михайловскій опредѣляетъ формулой Бэра: для живого существа прогрессъ есть переходъ отъ простого къ сложному, физіологическое раздѣленіе труда (т. I, стр. 208, 280; т. III, стр. 409 и др.). Но очевидно, что такое физіологическое раздѣленіе труда въ человѣкѣ, въ реальной личности,

будетъ уничтожено раздѣленіемъ экономическимъ, якобы для пользы общества; вотъ почему развитіе личности и общества взаимно исключаютъ другъ друга. Этотъ законъ борьбы за индивидуальность Михайловскій считаетъ «теоріей, обнимающей единымъ принципомъ весь міръ», потому что ее можно усмотрѣть всюду рядомъ съ такъ называемой борьбой за существованіе (т. III, стр. 417). Ихъ не надо смѣшивать, такъ какъ онѣ различаются какъ по причинамъ, такъ и по результатамъ: во-первыхъ, борьба за существованіе есть борьба за преобладаніе вида или индивида, а борьба за индивидуальность есть борьба за цѣльность, гармоничность этого индивида (т. III, стр. 411); во-вторыхъ, «результатъ борьбы за существованіе есть приспособленіе къ исторически данной общественной средѣ. Результатъ борьбы за индивидуальность — обратный: приспособленіе среды» (т. I, стр. 532). Законъ борьбы за индивидуальность объясняетъ борьбу всякой низшей индивидуальности съ высшей, которая стремится ее поглотить; борьба реальной личности съ обществомъ — одинъ изъ частныхъ случаевъ борьбы за индивидуальность. Общество грозитъ поглотить человѣка, сдѣлать одной изъ клѣточекъ своего организма, но со своимъ критеріумомъ блага реальной личности Михайловскій объявляетъ, что будетъ бороться съ грозящей поглотить его высшей индивидуальностью, съ абстрактнымъ, миѳическимъ обществомъ: «мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее» (т III, стр. 423). Другое дѣло, если на сцену выходятъ интересы народа, какъ суммы трудящихся личностей: интересы народа не требуютъ, съ точки зрѣнія Михайловскаго, экономическаго раздѣленія труда, такъ какъ народъ есть не миѳическое общество-организмъ, а просто сумма реальныхъ личностей.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ всего этого является, во-первыхъ, пресловутый субъективный методъ въ

соціологіи и, во-вторыхъ, детально развитая теорія о степеняхъ и типахъ развитія,—теорія, заимствованная у того же Бэра и составляющая прямое продолженіе его опредѣленія прогресса (см. выше). Начнемъ съ послѣдней. Когда происходитъ раздѣленіе труда между индивидами, то часть способностей ихъ необходимо глохнетъ; послѣ этого индивидъ можетъ достигнуть весьма высокой степени развитія, хотя типъ развитія несомнѣнно сузился, понизился. Отсюда понятно указанное выше отношеніе Михайловскаго къ общинѣ и къ фабрикѣ, или, говоря шире, къ общинѣ и буржуазному капитализму: фабрика является высокой степенью развитія пониженнаго типа, а община низкой степенью развитія высокаго типа. Очевидно, что̀ могъ выбрать Михайловскій со своимъ критеріумомъ блага реальной личности и трудящагося народа: для него желательно, чтобы община, не понижаясь въ типѣ развитія, достигла бы его высокой степени (см. объ этомъ т. I, стр. 377—8, 511 и др.). Все это—дальнѣйшая разработка теоріи борьбы за индивидуальность.

Пресловутый субъективный методъ въ соціологіи является также логическимъ слѣдствіемъ изъ того же основного двуединаго критерія Михайловскаго. Соціологъ не имѣетъ права, по мнѣнію Михайловскаго, строить науку объ обществѣ безстрастно и объективно, какъ это дѣлаетъ біологъ, естествоиспытатель. Надо всегда имѣть въ виду, что соціологія имѣетъ дѣло съ чувствующимъ человѣкомъ, съ реальной личностью (т. I, стр. 55). Поэтому та цѣлесообразность, телеологія, которая изгнана по заслугамъ изъ естественныхъ наукъ, должна необходимо имѣть мѣсто въ соціологіи; болѣе того: «соціологія должна начать съ нѣкоторой утопіи» (т. III, стр. 404). Критерій блага реальной личности и является именно критеріемъ для выбора той или иной утопіи, той или иной объективной системы (т. I, стр. 59). Объективизмъ необходимъ въ построеніи теоріи, субъективизмъ въ ея

примѣненіи; критеріумомъ опять является, какъ мы видѣли, благо реальной личности. Результаты добываются объективно-научно; оцѣнка ихъ будетъ субъективной, такъ какъ отъ насъ зависитъ выбрать ту или иную изъ объективно установленныхъ теорій (см. т. III, стр. 399—406); отсюда видно—и это, кажется, еще не было отмѣчено,—что субъективизмъ Михайловскаго является окольнымъ выраженіемъ принимаемаго Михайловскимъ принципа свободы воли. Замѣчаемъ это вскользь и не особенно настаиваемъ на этомъ замѣчаніи; гораздо важнѣе то, что субъективный методъ въ соціологіи является дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ изъ принципа блага реальной личности. Здѣсь же коренится и глубокая увѣренность, прямо умилительная по своей силѣ и страстности, въ возможности совмѣщенія Правды-истины и Правды-справедливости (т.-е. опять-таки объективнаго и субъективнаго): «Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, — писалъ Михайловскій уже въ 1889 г., — чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку... Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію — правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни»... И онъ до могилы неуклонно исполнялъ эту нелегкую задачу.

Въ нашу цѣль не входитъ критика взглядовъ Михайловскаго; мы ограничиваемся ихъ изложеніемъ. За послѣдніе годы его жизни критика была изобильна и даже придирчива. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ, но нельзя не указать, что многіе даже серьезные пункты критики Михайловскій могъ обойти совершенно свободно. Ограничиваемся только однимъ примѣромъ: Михайловскаго обвиняли, что онъ въ скрытомъ видѣ принимаетъ ту самую органическую теорію общества, съ которой такъ рѣзко сражается, что̀ ярче всего проявилось будто бы въ

теоріи борьбы за индивидуальность, которая принимаетъ общество за высшую, а личность за низшую индивидуальности. Не возражая по существу (а есть возможность и по существу оспаривать это), можно замѣтить, что такое возраженіе нисколько не опровергаетъ теоріи борьбы за индивидуальность. Если Михайловскій иногда говоритъ о «соціальномъ организмѣ» (наприм., т. I, стр. 59), то это только façon de parler; пусть общество не организмъ, какъ подразумѣваетъ Михайловскій въ теоріи борьбы за индивидуальность, пусть индивидуумъ—не органъ,—это дѣло второстепенной важности. Теорія Михайловскаго разбросана клочками на протяженіи 500 печатныхъ листовъ (такое большое наслѣдіе оставилъ намъ Михайловскій), но тѣмъ не менѣе это теорія цѣльная, замѣчательно выдержанная; это широкое міровоззрѣніе, цѣнность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Мы старались, насколько это возможно въ краткомъ очеркѣ, подѣлиться съ читателемъ убѣжденіемъ въ гармоничности этого широкаго міровоззрѣнія. Мы видѣли, на чемъ стоитъ все это громадное зданіе: оно стоитъ на двуединомъ критеріи блага реальной личности и блага трудящихся классовъ—все связано съ этимъ неразрывно-сплетающимися нитями.

Михайловскій остался вѣренъ своему міровоззрѣнію до послѣднихъ дней. Центръ дѣятельности его, его главное значеніе падаютъ на семидесятые годы, но и послѣ онъ не выпустилъ оружія. Ему пришлось пережить тусклые восьмидесятые годы съ ихъ проповѣдью малыхъ дѣлъ и самосовершенствованія—онъ бодро шелъ впередъ и, какъ самъ говоритъ, ждалъ наступленія весны. Настали девяностые годы—пришелъ марксизмъ. Борьба Михайловскаго за свои идеалы обострилась: онъ принужденъ былъ защищать общину не противъ обскурантизма, какъ это было въ семидесятыхъ годахъ, но противъ передовыхъ представителей русской интеллигенціи. Всѣ мы помнимъ эту жестокую борьбу и помнимъ также, чѣмъ она кончилась. «Побѣда осталась не за г. Михайловскимъ», говорятъ его противники (Бердяевъ: «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи»),—побѣда осталась и не за его противниками, можемъ сказать мы. Михайловскій отказался, правда, отъ нѣкоторыхъ иллюзій, напримѣръ, отъ иллюзіи, что Россія пойдетъ своимъ, особымъ экономическимъ путемъ. Община разлагается теперь—это почти фактъ; буржуазія растетъ, капитализмъ усиливается—это уже совершенно несомнѣнно. Но самъ Михайловскій еще въ 1880 г. сознавалъ неисполнимость своей иллюзіи. Россія могла пойти своимъ особымъ путемъ; «это была возможность,—говоритъ Михайловскій;— теоретической возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ (1880 г.). Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства» (т. IV, стр. 962). Это же сознавалъ Михайловскій и двадцать лѣтъ спустя; борьба съ марксизмомъ не выбила его изъ прежней позиціи; наоборотъ, онъ твердо вѣровалъ, что «въ непродолжительномъ времени идеи 70-хъ годовъ вновь объединятъ значительную и, конечно, не худшую часть русскаго общества», конечно, съ неизбѣжными поправками («Русское Богатство» 1901 г., № 1).

Кончаемъ. Въ краткомъ очеркѣ нельзя охарактеризовать все значеніе такого крупнаго писателя, какимъ былъ Михайловскій. Мы, напримѣръ, не коснулись его дѣятельности какъ критика, а онъ въ этой области сдѣлалъ не мало. Онъ выяснилъ характеръ творчества Л. Толстого и еще въ серединѣ 70-хъ годовъ какъ бы предсказалъ дальнѣйшій путь развитія великаго писателя земли русской («Десница и шуйца гр. Л. Толстого», въ «Запискахъ профана» 1875 г.); ему принадлежитъ и анализъ типовъ и самыя знаменитыя выраженія: «кающійся дворянинъ» и «разночинецъ пришелъ!» (см. особенно замѣчательные

очерки «Въ перемежку» 1876—1877 гг.). И еще многое и многое, на что подробно укажетъ впослѣдствіи будущій біографъ Николая Константиновича Михайловскаго: все это еще на очереди, также какъ и полное, безъ всякихъ сокращеній, изданіе сочиненій покойнаго писателя. Задача нашего очерка скромнѣе: мы хотѣли только выяснить міровоззрѣніе Михайловскаго и выдѣлить его центральный пунктъ. Такимъ пунктомъ является, повторяемъ это еще разъ, двуединый критерій блага-реальной личности и блага народа.

При громѣ пушекъ начавшейся войны смерть Михайловскаго прошла менѣе замѣтно, чѣмъ это могло бы быть. Это обидно, потому что смерть такого человѣка въ другое время сильно встряхнула бы общественную мысль. Но еще обиднѣе, что такъ и не пришлось ему торжественно привѣтствовать приходъ той весны, которую онъ такъ страстно ждалъ за послѣднія двадцать лѣтъ. Онъ не дождался ея, но умеръ съ той же горячей вѣрой, съ которой и жилъ, съ тѣмъ же страстнымъ стремленіемъ къ правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, которое освѣщало всю его жизнь.

1904 г.

Герценъ и Михайловскій.

(*Сравнительная характеристика*).

I.

Н. К. Михайловскій былъ послѣднимъ изъ могиканъ въ славномъ ряду представителей русской публицистики и критики второй половины минувшаго вѣка. Онъ былъ послѣднимъ, но не наименѣе яркимъ; наоборотъ, на сравнительно тускломъ фонѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ онъ выступаетъ болѣе рельефно, чѣмъ его замѣчательные предшественники на яркомъ фонѣ бурной и сравнительно свѣтлой эпохи великихъ реформъ. Со своими предшественниками, дѣятелями этой эпохи, онъ связанъ неразрывно; его имя навѣки связано съ плеядой — Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ—и связано не только по времени, не только формально. Когда-то Михайловскій говорилъ о славянофилахъ и полузабытомъ теперь почвенникѣ Н. Страховѣ: «попробуйте сказать подъ рядъ: Кирѣевскіе, Аксаковы, Юрій Самаринъ, Страховъ... На имени Страхова непремѣнно запнетесь» [1])... Это же

[1]) Собр. соч., изд. 1896—7 гг., т. V, стр. 900.

самое, mutatis mutandis, можно повторить о самомъ Михайловскомъ; попробуйте сказать подъ рядъ: Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Лавровъ—и вы невольно прибавите: и Михайловскій.

Мы не собираемся теперь останавливаться на обосновании преемственной связи этихъ незабвенныхъ дѣятелей развивающагося русскаго самосознанія, что̀ сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ [2]); но намъ хотѣлось бы отмѣтить взаимоотношеніе двухъ крайнихъ именъ этого ряда, указать на тѣсную связь міровоззрѣній Герцена и Михайловскаго. Этимъ мы не хотимъ сказать, что съ промежуточными членами ряда Михайловскій связанъ менѣе тѣсно; нельзя оспаривать (да этого не оспаривалъ и самъ Михайловскій), что политико-экономическія воззрѣнія Чернышевскаго оказали свою долю вліянія при выработкѣ Михайловскимъ своего міровоззрѣнія, что эстетическія теоріи Добролюбова привзошли сюда, конечно переработанными, что индивидуализмъ Михайловскаго получилъ не одинъ импульсъ отъ «культа личности» Писарева,—такого преемственнаго вліянія странно было бы не признать. Все это такъ, но тѣмъ менѣе можно отрицать вліяніе, быть можетъ, наиболѣе яркаго, наиболѣе талантливаго изъ всѣхъ предшественниковъ Михайловскаго—геніальнаго родоначальника народничества—А. И. Герцена.

Съ Герценомъ мы еще мало знакомы. Обидная бѣдность монографій о немъ можетъ быть объяснена исключительно независящими отъ литературы условіями и обстоятельствами. Поэтому, напримѣръ, сравнительно мало затронутъ вопросъ о народничествѣ Герцена, хотя неоспоримо утвержденъ тотъ фактъ, что именно Герценъ является первымъ основателемъ народничества: это уже locus topicus, мало изслѣдованный, но единогласно принимаемый. Однако il y a fâgots et fâgots—есть народничество и народничество; народниками были и Герценъ и Чернышевскій, и Юзовъ-Каблицъ и г. В. В., и «Отечественныя Записки» и «Недѣля», и наконецъ самъ Михайловскій, отнюдь не признававшій себя народникомъ—и несомнѣнно бывшій имъ. Народничество — теченіе чрезвычайно сложное и многостороннее; оно является и идеологіей кающихся дворянъ, и своеобразнымъ синтезомъ западничества и славянофильства; оно принимаетъ формы то фурьеризма (у Чернышевскаго), то толстовства; наконецъ, оно такъ сравнительно близко отъ насъ, что аберрація историческаго зрѣнія является отчасти неустранимой. Въ этомъ вся трудность вопроса; но мы и не беремся здѣсь за его рѣшеніе:—мы ограничиваемъ нашу задачу сравнительной характеристикой перваго и послѣдняго народника. Герценъ былъ дѣйствительно первымъ по времени, Михайловскій былъ дѣйствительно послѣднимъ по занятому положенію: его народничество—критическое (терминъ этотъ давно уже установился за народничествомъ Михайловскаго), и критицизмъ этотъ составилъ тотъ Рубиконъ, черезъ который не могло перейти наивное народничество Юзова-Каблица и «Недѣли» 80-хъ годовъ. Но это между прочимъ; вообще же мы хотимъ указать на связь міровоззрѣній двухъ титановъ русской мысли и сознанія.

[2]) См. «Исторію русской общественной мысли», т. I—II.

II.

Начнемъ съ Герцена. Въ чемъ Standpunct его міровоззрѣнія — толковалось различно, на многіе лады. Мы хотимъ обратить вниманіе на ту сторону его взглядовъ, которая неизмѣнно присутствуетъ во всѣ періоды жизни Герцена, составляетъ главную причину соціологическихъ построеній, одинъ изъ поводовъ ненависти къ экономическому строю Западной Европы. Самъ Герценъ ввелъ новое слово для опредѣленія этого центральнаго изъ его понятій; слово это—*мѣщанство*.

Слово это не ново, но понятіе, выраженное имъ, было

въ то время новымъ въ русской литературѣ. Конечно, понятіе это имѣетъ не сословный смыслъ; это не переводъ и не замѣна термина «bourgeoisie», смыслъ котораго зиждется на экономической почвѣ. Буржуазія—прежде всего третье сословіе; далѣе, это общественный классъ, объединенный понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ [3]); фритредерство — экономическая идеологія развившейся буржуазіи; свобода конкуренціи — символъ ея вѣры. Совершенно другое значеніе имѣетъ введенный Герценомъ терминъ «мѣщанство» (говоримъ «введенный Герценомъ», такъ какъ только у него мы впервые встрѣчаемъ подробное и точное опредѣленіе этого понятія); буржуазія есть только частный его случай. Прежде всего—мѣщанство—понятіе внѣсословное, напримѣръ, такое же, какъ и интеллигенція; также какъ и интеллигенція, мѣщанство характеризуется своимъ отношеніемъ къ наиболѣе жгучимъ вопросамъ жизни. Реагируя на нихъ, мѣщанство оказывается безличнымъ, узкимъ и плоскимъ. «Съ мѣщанствомъ стираются личности... но стертые люди сытѣе», иронизируетъ Герценъ [4]). При наличности мѣщанства «душа убываетъ», характеризуетъ онъ мѣщанство въ другомъ мѣстѣ: когда мѣщанство торжествуетъ, то «все мельчаетъ, становится дюжинное, рядское, стертое» [5]). Буржуазія — это центръ мѣщанства, но мѣщанство—шире: эта общая безличность, эта общая узость понятій и плоскость чувствованій переступила сословную черту и разлилась широкимъ потокомъ по всей Европѣ; въ чинной и узкой средѣ мѣщанства все вянетъ, все засыхаетъ. «Чинный — это настоящее слово. У мѣщанства,

[3]) Подъ «рентой», въ условно-широкомъ смыслѣ, мы понимаемъ и собственно ренту и прибыль, т.-е. доходъ землевладѣльцевъ и доходъ предпринимателей.

[4]) «Концы и Начала», Письмо первое («Колоколъ», 1 іюля 1862 г.).

[5]) «Книга Дж. Ст. Милля о свободѣ» («Колоколъ», 15 апрѣля 1859 г.).

какъ у Молчалина, два таланта—и тѣ же самые: умѣренность и аккуратность». И это внѣсословное мѣщанство поглощаетъ все: «мѣщанство—идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна» [6]). И какъ ни грустно, но надо думать, полагаетъ Герценъ, что это мѣщанство побѣдитъ—и должно побѣдить, ибо «мѣщанство—окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе» [7]).

Не будемъ обращать пока вниманія на то, что мѣщанство пріурочивается Герценомъ исключительно къ западной цивилизаціи, къ западной Европѣ; какъ все это приложится къ Россіи—мы увидимъ ниже, теперь же намъ важно обратить вниманіе на широкій смыслъ этого термина. Мѣщанство—не сословный терминъ; это вообще воплощеніе безличности, узости и плоскости. Мѣщанство—это aurea mediocritas («сплоченная посредственность», повторяетъ Герценъ слова Милля), посредственность, лишенная индивидуальности, приспособившаяся къ жизни, съузившая свои интересы до предѣловъ возможнаго. При господствѣ мѣщанства—«въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ нѣтъ никакой необходимости», горько иронизируетъ Герценъ: «красота, талантъ—вовсе ненормальны. Это исключеніе, роскошь природы... (но и) въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго» [8]). И среди этой мѣщанской природы человѣкъ теряетъ свою индивидуальность, какъ теряются брызги водопада въ общемъ потокѣ; люди становятся «чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, де-

[6]) «Концы и Начала», Письмо первое («Колоколъ», 1 іюля 1862 г.).

[7]) «Концы и Начала», Письмо седьмое («Колоколъ», 15 января 1863 г.). Объ этомъ же см. «Съ того берега»; «Западныя арабески»; «Былое и Думы», напр. ч. II, стр. 366—367.

[8]) «Концы и Начала», Письмо первое («Колоколъ», 1 іюля 1862 г.). Подчеркнуто нами.

шевле, плоше врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ» [9]).

III.

Остановимся на минуту и обратимся къ Михайловскому. Прежде всего придется констатировать, что терминъ «мѣщанство» не имѣетъ у Михайловскаго того широкаго смысла, какой былъ приданъ ему Герценомъ; слово мѣщанство равнозначно у Михайловскаго слову буржуазія. Но дѣло не въ словахъ, а въ понятіяхъ; понятіе же «мѣщанства» (въ смыслѣ, встрѣчавшемся у Герцена) мы безъ труда найдемъ въ теоріи идеальныхъ и практическихъ типовъ, построенной Михайловскимъ подъ вліяніемъ Снелля и Геккеля. Пути были различны — результаты оказались тожественны:—всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

«Въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго», сказалъ Герценъ,—и эту, мелькомъ брошенную фразу Михайловскій развиваетъ при опредѣленіи своего отношенія къ дарвинизму. Дарвинъ для него—«геніальный буржуа-натуралистъ»; дарвинизмъ, въ его соціологическомъ примѣненіи, глубоко мѣщанская теорія [10]), и философія природы по концепціи дарвинизма является почти сплошнымъ мѣщанствомъ, ибо «стертость» личностей, отсутствіе рѣзко выраженныхъ индивидуальностей почти возводится въ научный принцицъ; выживаютъ не наиболѣе одаренные индивиды, но наиболѣе приспособленные къ средѣ (и въ этомъ смыслѣ наиболѣе одаренные); «сплоченная посредственность» губитъ все, что̀ такъ или иначе выходитъ изъ нормы. Такъ, или почти такъ, формулируетъ Михайловскій свои обвиненія противъ мѣщанства дарвинистической теоріи въ ея соціологическомъ примѣненіи [11]); особенно наглядно выступаетъ все это въ заимствованной имъ у Снелля и Геккеля теоріи идеальныхъ и практическихъ типовъ.

[9]) «Концы и Начала», Письмо седьмое («Колоколъ», 15 января 1863 г.).

[10]) Собр. Сочин., V, 635; см. также I, 416—7, 421—2, 914; III, 774 и др.

Въ узко-біологическомъ смыслѣ идеальный типъ есть типъ политропный, многосторонній, а потому и не приспособившійся ни къ какимъ спеціальнымъ условіямъ и именно потому способный къ дальнѣйшей эволюціи [12]); типъ практическій, наоборотъ, монотропенъ, односторопенъ, но зато окончательно приспособленъ къ условіямъ жизни и внѣ ихъ существовать не можетъ [13]); разумѣется, между этими двумя категоріями существуютъ переходныя степени [14]). Михайловскій согласенъ принять эту схему, какъ морфологическій принципъ; но онъ не можетъ примириться съ введеніемъ этого принципа, какъ нормы, въ соціологическія построенія, и признать, что практическій типъ, какъ приспособленный, стоитъ выше неприспособленнаго идеальнаго типа. Практическій типъ—это мѣщанство, во всей его безличности, узости и плоскости, во всей его приспособленности къ условіямъ экономической и соціальной жизни. Пусть «въ природѣ бездна мѣщанскаго», пусть практическіе типы одерживаютъ побѣду по всей линіи надъ широкими, синтетическими, идеальными типами: тѣмъ менѣе Михайловскій склоненъ примириться съ представителями практическаго типа—съ мѣщанами, заполонившими жизнь. Мѣщанинъ — это не личность, это «осколокъ личности»; это практическій типъ, который приспособляется «ко всякой обстановкѣ, какъ бы она ни была узка и душна», въ то время какъ

[11]) Ibid., I, 293—4.

[12]) Ibid., I, 230, 282.

[13]) Ibid., I, 230; см. также IV, 458—460.

[14]) Ibid, I, 279. Примѣры: практическій типъ — летучая мышь, рыбы (Teleostei); идеальный типъ — поперечноротыя (Selachia), см. I, 230.

идеальный типъ (т.-е. то, что Герценъ иногда въ отличіе отъ мѣщанина называетъ «индивидуалистомъ») является полнымъ, многостороннимъ и неумѣщающимся въ тѣсныхъ рамкахъ [15]). Не трудно усмотрѣть почти полное тождество между понятіями «мѣщанства» и «практическаго типа» у Герцена и Михайловскаго. «Практическій типъ», какъ біологическій терминъ, въ своемъ соціологическомъ примѣненіи весьма удачно поясняетъ недостаточно опредѣленное у Герцена понятіе мѣщанства; оба эти понятія играютъ весьма существенную роль въ міровоззрѣніяхъ обоихъ нашихъ народниковъ. Впрочемъ объ этомъ ниже.

Одинаковымъ отношеніемъ Герцена и Михайловскаго къ мѣщанству объясняется и почти тождественное отношеніе ихъ къ наукѣ. Это частный вопросъ, на которомъ мы не будемъ останавливаться; но нельзя не отмѣтить, что синтезъ между «диллетантизмомъ» и «буддизмомъ» въ наукѣ, желаемый и ожидаемый Герценомъ, есть именно точка зрѣнія «профана» у Михайловскаго. «Профанъ»—это представитель идеальнаго типа, широкій, многосторонній человѣкъ, которому одинаково чужды и мѣщанская узость спеціалиста, и мѣщанская плоскость диллетанта [16]). Спеціалистъ и буддистъ изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, диллетантъ—въ лѣсу не желаетъ и не умѣетъ различать отдѣльныхъ деревьевъ: «диллетанты смотрятъ въ телескопъ... ученые (спеціалисты) смотрятъ въ микроскопъ» [17]);—профанъ пользуется и микроскопомъ и телескопомъ, но хочетъ смотрѣть на жизнь простыми глазами: онъ высоко чтитъ науку, но думаетъ, что вычерпать море ретортой нельзя [18])... Однимъ словомъ, и Герценъ, и Михайловскій одинаково возстаютъ противъ «мѣщанства» въ наукѣ, въ томъ или иномъ его видѣ [19]).

Но это только между прочимъ: это частный вопросъ въ міровоззрѣніяхъ Герцена и Михайловскаго. Отношеніе ихъ къ мѣщанству привело къ гораздо болѣе крупнымъ и болѣе значительнымъ результатамъ; оно послужило у Герцена первымъ побудительнымъ толчкомъ къ созданію той теоріи народничества, геніальнымъ родоначальникомъ которой былъ именно онъ.

IV.

Герценъ попалъ въ Европу наканунѣ февральской революціи. Революція эта была кровавой битвой демократіи съ мѣщанствомъ—съ буржуазіей; окончательная и рѣшительная побѣда послѣдней въ лицѣ Кавеньяка была въ сущности пирровой побѣдой... Это намъ ясно теперь—но не могло быть яснымъ Герцену въ то время. Мы теперь знаемъ, что 1848 годъ—годъ появленія знаменитаго манифеста—былъ не годомъ похоронъ, а годомъ рожденія злѣйшаго врага буржуазіи и мѣщанства; и если умеръ

[15]) Ibid., IV, 458—460. Особенно ясно можно усмотрѣть тождество понятій «мѣщанства» (по Герцену) и «практическаго типа» (по Михайловскому) въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» (1877 г.), откуда и предыдущая цитата... Понятна связь всего этого съ «теоріей типовъ и степеней развитія (см. Ibid., I, 477, 511; III, 820, 868; см. еще I, 478; III, 499—500, 527—9, 567—571; V, 925 и др.): «практическій типъ» можетъ быть относительно выше идеальнаго по степени развитія, будучи ниже его—по типу.

[16]) Ibid., III, 354.

[17]) Герценъ, «Диллетантизмъ въ наукѣ», «Отеч. Зап.» 1843.

[18]) Михайловскій, «Литерат. Воспом.», т. I, 268; о спеціализаціи—Собр. Соч. I, 398—400; V, 72—77 и др.

[19]) Не говоримъ о мѣщанствѣ въ искусствѣ изъ-за полнѣйшей субъективности этого понятія: и Герценъ и Михайловскій склонны были видѣть мѣщанство тамъ, гдѣ лежали ихъ антипатіи. Такъ, Михайловскій видѣлъ мѣщанство (или по крайней мѣрѣ результатъ мѣщанства) въ такъ называемомъ «декадентствѣ»,—см. «Литер. Воспом.» т. II, гл. I—III; Герценъ приблизительно также относился къ «декадентству» своей эпохи—къ музыкѣ Вагнера, какъ можно видѣть изъ одного его отзыва («Колок.», 1 іюля 1862 г.); впрочемъ, по его мнѣнію, все искусство въ Европѣ XIX вѣка — сугубо мѣщанское. См. «Концы и Начала», письмо первое.

соціализмъ утопическій, то родился наиболѣе опасный для мѣщанства западной Европы — соціализмъ реальный [20]). Но чтобы убѣдиться въ этомъ, надо было заглянуть на полъ-вѣка впередъ; событія же 1848 и 1852 гг. не могли въ этомъ отношеніи служить благопріятными предзнаменованіями. Февральская революція встряхнула болото мѣщанства; но 1848 годъ покончилъ съ «утопизмомъ» надолго... если не навсегда [21]); Европа снова погрязла въ мѣщанствѣ — и нѣтъ основанія утѣшаться мыслью, что такое положеніе вещей можно измѣнить. Такъ думалъ тогда Герценъ — и написалъ свою геніальную книгу «Съ того берега».

Съ этой книги можетъ вести свою эру народничество, такъ какъ мы находимъ въ этомъ произведеніи не только отрицательную сторону — безпощадную критику западно-европейскаго мѣщанства, но и указанія на положительные идеалы—вѣру въ возможность иного, не мѣщанскаго пути развитія для Россіи.

Въ Европѣ мѣщанство окончательно побѣдило. «Мѣщанскіе вопросы — это ordre du jour, само мѣщанство — грозная могучая сила». И мѣщанство это—не только буржуазія, не только представители ренты и пропріетеры; нѣтъ, весь западно-европейскій міръ, отъ дна до вершинъ, является мѣщанскимъ: «съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой—неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ

[20]) Мы нисколько не утверждаемъ, что въ самомъ соціализмѣ не можетъ быть элементовъ мѣщанства. При широкомъ распространеніи и вульгаризаціи его, мѣщанство фатально въ него проникаетъ, и «мѣщанскій соціализмъ» фактически не есть, къ сожалѣнію, contradictio in adjecto.

[21]) См. главнымъ образомъ—«Съ того берега», а также цитированныя выше письма «Концы и Начала» — письмо 7-е («Колок.», 15 янв 1863 г.).

силы» [22]). И все это происходитъ на гнетущемъ фонѣ подавленія личности, всеобщей узости идеаловъ и плоскости взглядовъ. Все облетѣло, все приняло узкія формы. Христіанство успокоилось въ покойной гавани реформаціи, революція 1789 года — въ болотѣ умѣреннаго политическаго и экономическаго либерализма; кумиръ личной собственности привелъ къ всеобщему мѣщанству, ибо «мѣщанство — послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности» [23]). Все это горько высказывать о западной Европѣ, къ которой идеалистъ 30 — 40-хъ годовъ относился съ такимъ теплымъ, любовнымъ чувствомъ надежды; но, говоритъ Герценъ,— «amicus Plato, sed magis amica veritas». «Европа намъ нужна какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ; если она не такая — ее надо выдумать», перефразируетъ онъ знаменитыя слова Вольтера [24]); но мѣщанство не можетъ служить ни примѣромъ, ни идеаломъ. Неужели это общій законъ исторіи: — мѣщанство есть окончательная форма цивилизаціи? Да,—отвѣчаетъ Герценъ въ «Съ того берега» и въ другихъ произведеніяхъ;—какъ это ни претитъ, а приходится сознаться, «что всѣ рѣки исторіи (по крайней мѣрѣ всѣ западныя) текутъ въ мареммы мѣщанства» [25]). А мѣщанство—это смерть общества, начало его разложенія. «Міръ, въ которомъ мы живемъ — умираетъ...; никакія лѣкарства не дѣйствуютъ больше на обветшалое тѣло его...» [26]). И только одна надежда не покидаетъ Герцена—надежда на возможность особаго экономическаго и соціальнаго пути развитія Россіи, и въ этомъ — начало его народничества.

[22]) «Западныя арабески» и «Съ того берега», особенно см. стр. 1—9.

[23]) «Концы и Начала», письма 7-е и 1-е («Колок.», 15 янв. 1863 года и 1 іюля 1862 г.).

[24]) «Колоколъ», 15 апр. 1859 г.

[25]) «Письмо изъ Неаполя», 5 окт. 1863 г.

[26]) «Съ того берега», стр. 7.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, насколько это народничество является со стороны Герцена приближеніемъ къ славянофильству; самъ Герценъ склоненъ былъ смотрѣть на свое воззрѣніе, какъ на синтезъ славянофильства и западничества [27]). Для насъ интереснѣе взглянуть на вопросъ съ другой стороны и найти положительную основу народничества, какъ анти-мѣщанской теоріи.

V.

При построеніи своихъ соціологическихъ концепцій, Михайловскій какъ-то выразился, что «соціологія должна начать съ нѣкоторой утопіи» [28]). Съ «утопіи» началъ и Герценъ, вѣря, что не всѣ «рѣки исторіи» текутъ въ болота мѣщанства: онъ сдѣлалъ исключеніе для восточныхъ рѣкъ, какъ мы это видѣли выше. Это была вѣра въ дѣвственныя, незараженныя мѣщанствомъ силы русскаго народа, вѣра въ «крестьянскій тулупъ», какъ говорилъ потомъ Тургеневъ, вѣра «въ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской и калмыцкой крови», какъ иронизировалъ К. Марксъ (въ I томѣ перваго изданія «Капитала»). Пусть противники Герцена оказались правы, пусть не было суждено русскому народу «обновить Европу» своимъ анти-мѣщанствомъ; пусть совершенно наоборотъ, «крестьянскій тулупъ» оказался, по предвидѣнію Тургенева, наиболѣе мѣщанскимъ, быть можетъ, во всей Европѣ (это наглядно доказало постепенное увяданіе общины, ростъ денежнаго хозяйства, появленіе Колупаевыхъ и Разуваевыхъ en masse въ 70-хъ годахъ [29]), — все это совершенно нельзя ставить въ пассивъ міровоззрѣнію Герцена. Дѣло не въ этихъ теоретическихъ ошибкахъ утопизма, а въ томъ громадномъ практическомъ значеніи, какое имѣло воззрѣніе Герцена въ созидательную эпоху шестидесятыхъ годовъ. Значеніе «Колокола» — общеизвѣстно; роль его въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ — огромна: мы знаемъ, что статьи этого журнала принимались во вниманіе въ коммиссіяхъ, что номера его лежали на столѣ Ростовцева, что ихъ читалъ самъ Александръ II. А проповѣдь «Колокола», стремясь къ проведенію анти-мѣщанскихъ взглядовъ, была направлена (въ области экономическихъ вопросовъ) противъ либерализма и за освобожденіе крестьянъ съ землей. Къ слову сказать, реформа была произведена далеко не въ томъ объемѣ, на которомъ настаивалъ Герценъ; а онъ заранѣе отклонялъ отъ себя упрекъ въ возможныхъ послѣдствіяхъ неполной реформы: онъ предвидѣлъ обезземеленье крестьянъ, ростъ денежнаго хозяйства—и торжество теорій экономическаго либерализма.

Либерализмъ (политическій и экономическій) былъ для Герцена тѣмъ bête noire, на котораго было постоянно направлено его вниманіе. Либерализмъ этотъ, съ точки зрѣнія Герцена, только частное выраженіе общаго факта—мѣщанства. У «западныхъ доктринеровъ» и ихъ россійскихъ послѣдователей (Герценъ говоритъ главнымъ образомъ о Б. Чичеринѣ) можно найти только рубрики, трафаретки и шаблоны, вѣру во французскую централизацію и во всесиліе нѣмецкой Schul-Wissenschaft [30]). Съ этими «западными старообрядцами» Герценъ не желаетъ имѣть ничего общаго; «мы—живые», подчеркиваетъ онъ, «т.-е. измѣняю-

[27]) См. особенно некрологъ К. Аксакова («Колок.», 15 янв. 1861 года); также интересную сценку «Русскіе въ Парижѣ» и рядъ статей въ «Колок.», окт.—дек. 1859 г. подъ общимъ заглавіемъ «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе». (Объ этихъ статьяхъ—см. ниже). Серединное положеніе, занятое Герценомъ между славянофилами и западниками, указывается въ статьѣ «Насъ упрекаютъ» («Колок.», 1 ноября 1858 г.).

[28]) Собр. сочин. III, 404.

[29]) Это впослѣдствіи сознаъ и Герценъ: «идеалъ народа — буржуазное довольство», сказалъ онъ въ «Письмахъ къ старому товарищу» (1869 г.). См. «Сборникъ посмертныхъ статей» Герцена.

[30]) «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе» («Колок.», 15 окт. 1859 г.).

щіеся теченіемъ времени», либерализмъ же просто — засушенное мѣщанство: онъ привыкъ къ рубрикамъ и къ шаблону; онъ провозгласилъ въ Европѣ всеобщее право на трудъ, свободу конкуренціи—и сопровождаетъ все это refrain'омъ — laissez faire, laissez passer! И въ то время, когда казалось, что либерализмъ окончательно восторжествовалъ, когда потоки крови 1848 года окончательно залили молодое растеніе утопизма на мѣщанской почвѣ Запада—вдругъ на варварскомъ востокѣ рѣзко ставится вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землей, объ общинномъ владѣніи! [31]). Понятно отношеніе Герцена къ этому, какъ ему казалось, ярко анти-мѣщанскому факту; теперь для Герцена — ex Oriente lux! На Западѣ, иронизируетъ Герценъ, либерализмъ додумался до права каждаго на работу; въ Россіи же, даже во время крѣпостного права, каждый мужикъ былъ убѣжденъ въ правѣ каждаго на даровую землю, что̀ даетъ и самую возможность работы. «Мы господскіе, а земля наша», приводитъ Герценъ характерную крестьянскую пословицу [32]). Итакъ, община, по мнѣнію Герцена, является удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, избавляющимъ Россію отъ западнаго доктринерства и мѣщанства; однако, въ противоположность славянофильству, Герценъ не считаетъ возможнымъ обойтись безъ животворящей мысли западной науки. Возможность не мѣщанскаго развитія Россіи—не утопія, говоритъ онъ: «элементы основанія у насъ даны: народный русскій бытъ и наука Запада... Безъ предрасположеннаго народнаго быта—общественная наука теряется въ соціальномъ бредѣ; безъ всеобобщающей науки — народный русскій бытъ возводится въ бредъ славянофильства» [33]). Этотъ народный русскій бытъ и даетъ возможность Россіи пойти своимъ особымъ

[31]) Id. («Колок.», 15 ноября 1859 г.).
[32]) Id. («Колок.», 15 дек. 1859 г.).
[33]) Передовая статья («Колок.», 1 янв. 1864 г.).

экономическимъ путемъ и избѣжать мѣщанства Европы: «я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства», говоритъ Герценъ, «того устройства, къ которому Россія стремится и достигая котораго она, можетъ, пройдетъ мѣщанской полосой» [34]).

Вотъ народничество Герцена. Это прежде всего—вѣра въ небуржуазность «крестьянскаго тулупа», т.-е. народа; во-вторыхъ — это принятіе краеугольнымъ камнемъ общиннаго устройства, а потому, въ-третьихъ, и борьба съ экономическимъ либерализмомъ, съ фритредерствомъ; наконецъ, какъ слѣдствіе изъ всего этого, народничество Герцена—это вѣра въ возможность особаго пути развитія Россіи, на которомъ можно будетъ избѣжать мѣщанства, какъ окончательной формы устройства. Эти основные моменты остались въ русскомъ народничествѣ, во всѣхъ его различныхъ проявленіяхъ; мѣнялась только точка зрѣнія на то, что̀ считать центромъ системы; мѣнялась мотивировка, мѣнялись доказательства—у Герцена, Чернышевскаго, Михайловскаго и у другихъ minorum deorum народничества. Мы обратимся прямо къ Михайловскому, такъ какъ въ его критическомъ народничествѣ 70-хъ годовъ наиболѣе ясно сказались слѣдствія измѣненія экономическаго строя Россіи къ тому времени; поэтому особенно поучительно сравнить именно это критическое народничество съ довѣрчивымъ и отчасти утопичнымъ народничествомъ Герцена.

VI.

Играетъ ли въ народничествѣ и вообще въ міровоззрѣніи Михайловскаго такую же важную (хотя и чисто отрицательную) роль понятіе «мѣщанства», какъ это мы видѣли у Герцена? Конечно нѣтъ. «Практическіе типы» занимаютъ въ построеніяхъ Михайловскаго второстепен-

[34]) «Концы и Начала», письмо 8-е («Колок.», 15 февр. 1863 г.).

ное, служебное положеніе; и хотя, благодаря общей гармоничности его міровоззрѣнія, теорію практическихъ и идеальныхъ типовъ легко связать съ теоріей прогресса и теоріей борьбы за индивидуальность, а значитъ и со всѣми главными сторонами воззрѣній Михайловскаго, но тѣмъ не менѣе поставить во главу угла теорію практическихъ типовъ можно было бы только съ большой натяжкой. Отрицательное отношеніе Михайловскаго къ «практическимъ типамъ» такъ же несомнѣнно, какъ отрицательное отношеніе Герцена къ мѣщанству; но у Герцена на этомъ отрицаніи строится цѣлая анти-мѣщанская система, Михайловскій же обращаетъ все свое вниманіе на «идеальный типъ» и строитъ все свое міровоззрѣніе, исходя изъ нѣкоторыхъ положительныхъ данныхъ и предпосылокъ. Иначе говоря—при наличности одинаковыхъ симпатій и антипатій, основная точка зрѣнія Михайловскаго полярна по отношенію къ исходной точкѣ зрѣнія Герцена; хотя и у Михайловскаго есть понятіе мѣщанства (практическій типъ), но онъ предпочитаетъ оперировать съ полярнымъ ему понятіемъ идеальнаго типа, основу котораго составляютъ черты, діаметрально противоположныя мѣщанству, именно сильно развитая индивидуальность, при наличности возможной широты и наиболѣе глубокаго отношенія къ окружающимъ формамъ жизни (ср. выше, стр. 16). Такимъ образомъ во главу угла міровоззрѣнія Михайловскаго ставится понятіе личности, и самое его народничество получаетъ надлежащее освѣщеніе только при свѣтѣ этого понятія; міровоззрѣніе Михайловскаго является индивидуализмомъ, въ томъ смыслѣ, какой всегда придавался этому слову самимъ Михайловскимъ — въ смыслѣ теченія, ставящаго на первый планъ интересы реальной личности, при увѣренности, что интересы эти тождественны интересамъ цѣлаго народа. Мы, впрочемъ, еще встрѣтимся съ терминомъ «индивидуализмъ» въ пониманіи Михайловскаго.

Итакъ, понятіе личности играетъ у Михайловскаго ту

самую роль, какую у Герцена имѣло понятіе анти-мѣщанства; пути у нихъ были нѣсколько разные, но они снова привели ихъ въ Римъ—и этимъ Римомъ было одинаковое отношеніе къ общинѣ и вѣра въ особый путь развитія России: все это вытекаетъ изъ принципа личности у Михайловскаго не менѣе послѣдовательно, чѣмъ вытекало въ свое время изъ анти-мѣщанства Герцена. Интересы личности служатъ для Михайловскаго соціологическимъ и общественнымъ критеріемъ; особенно ярко и наглядно высказанъ имъ этотъ взглядъ въ знаменитыхъ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» (1877 г.). Интересы личности являются мѣриломъ достоинства всякаго союза, пусть то будетъ семья, партія, нація и проч., но личности, «разумѣется не практическаго типа», добавляетъ сейчасъ же Михайловскій [35]), подходя такимъ образомъ къ анти-мѣщанству Герцена. «Единицей мѣры при опредѣленіи относительнаго значенія различныхъ формъ общежитія можетъ быть только человѣческая личность», повторяетъ Михайловскій въ другомъ мѣстѣ [36]): «отказываясь встать на единственно плодотворную точку зрѣнія личнаго начала, мы запутаемся въ противорѣчіяхъ» [37])... И мысль эта не была случайной гостьей въ гармоническомъ міровоззрѣніи Михайловскаго; десятью годами позднѣе онъ повторяетъ ее же въ интересномъ краткомъ resumé всего своего образа мыслей (въ отвѣтѣ г. Яковенко): «человѣческая личность, ея судьбы, ея интересы,—вотъ что, повидимому, должно быть поставлено во главу угла нашей теоретической мысли въ области общественныхъ вопросовъ и нашей практической дѣятельности. Оно такъ и есть» [38]).

Какимъ образомъ изъ этого ярко индивидуалистическаго принципа могло выраcти критическое народниче-

---

[35]) Собр. сочин., IV. 460.
[36]) Ibid., VI, 300—301.
[37]) Ibid., VI, 304.
[38]) Ibid., VI, 487.

ство—это объясняетъ самъ Михайловскій, доказывая [39]), что интересы личности тождественны интересамъ труда, а значитъ и интересамъ главнаго представителя труда—народа, т.-е. всѣхъ трудящихся классовъ общества [40]). Трудъ есть такой аттрибутъ личности, который «не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій», это—единственное проявленіе личности, какъ таковой; при дальнѣйшемъ же «разотвлеченіи» (терминъ Михайловскаго) интересы труда превращаются въ интересы всего трудящагося люда, въ интересы народа [41]). Такимъ образомъ въ основаніи теоріи Михайловскаго мы имѣемъ двуединый критерій интересовъ личности (какъ идеальнаго типа) и интересовъ народа [42]), и такимъ путемъ индивидуализмъ Михайловскаго является фундаментомъ его народничества, обращающаго главное вниманіе на интересы народа, а не на его мнѣнія (что̀ и составляетъ одинъ изъ признаковъ народничества критическаго). Какимъ образомъ произошло отождествленіе понятія личности и мужика, какъ главнаго представителя труда—это Михайловскій впослѣдствіи пытался объяснить самимъ характеромъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, а именно тѣмъ, что крестьянская реформа въ то время оставляла въ тѣни всѣ остальныя [43]); несомнѣнно, отчасти и это, но несомнѣнно также, что критическое народничество 70-хъ годовъ явилось отчасти идеологіей «кающагося дворянства», и Михайловскій является однимъ изъ представителей этой группы.

---

[39]) Ibid., IV, 461; V. 537, 778; VI, 301—304, 487—492 и др.

[40]) Ibid., III, 277; VI, 392 и др.

[41]) Ibid., VI, 489—491.

[42]) См. предыдущую статью о центральномъ пунктѣ міровоззрѣнія Михайловскаго.

[43]) «Литерат. воспом.», т. I, 160.

VII.

Краеугольнымъ камнемъ народничества въ области соціальныхъ и экономическихъ отношеній былъ вопросъ объ общинномъ устройствѣ, выдвинутый впередъ славянофилами и Герценомъ. Въ этомъ вопросѣ критическое народничество Михайловскаго сказалось пессимистическимъ сознаніемъ приближающагося разложенія общины. Михайловскій настойчиво требуетъ государственнаго вмѣшательства для закрѣпленія общины [44]), но сознаетъ палліативность даже такой мѣры: въ семидесятыхъ годахъ уже выяснился въ общихъ чертахъ быстрый ростъ нашей отечественной буржуазіи, какъ слѣдствіе быстраго перехода отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому и денежному, послѣ 19 февраля 1861 г. Все это происходило, такъ сказать, на глазахъ у Михайловскаго; теперь стало ясно, что иллюзіи Герцена насчетъ небуржуазности «крестьянскаго тулупа» такъ и останутся иллюзіями и невыполнимой утопіей; вотъ почему и точка зрѣнія Михайловскаго на общину проникнута большой дозой пессимизма, все болѣе и болѣе увеличивающагося къ концу 70-хъ годовъ. Въ концѣ концовъ онъ вынужденъ къ признанію, что возможность развитія общины въ Россіи «убываетъ съ каждымъ днемъ» [45]) (1880 г.). Все это достаточно объясняетъ, почему въ критическомъ народничествѣ Михайловскаго вопросъ объ общинѣ разрабатывается главнымъ образомъ теоретически, въ то время какъ у Герцена онъ стоялъ на такой жгуче-практической почвѣ. Другая разница состоитъ въ томъ, что Герценъ стоялъ за общину, какъ за возможность избѣжанія мѣщанскаго фазиса развитія Россіи, Михайловскій же—какъ за форму устройства, наиболѣе благопріятную для развитія личности (какъ идеаль-

---

[44]) Собран. сочин., I, 704; IV, 1000 и др.

[45]) Ibid., IV, 952.

наго типа). Въ этомъ вопросѣ ему пришлось особенно ожесточенно сражаться съ экономическимъ «либерализмомъ».

Къ семидесятымъ годамъ фритредерство утратило часть своего былого значенія, но все-таки представляло еще значительную силу, и Михайловскій продолжалъ, послѣ Чернышевскаго, борьбу съ тѣми же самыми «западными доктринерами», съ которыми въ свое время сражался Герценъ (напримѣръ, съ Б. Чичеринымъ). Но Герценъ оспаривалъ «либерализмъ» съ точки зрѣнія наличности въ немъ элементовъ мѣщанства; Михайловскій же останавливается главнымъ образомъ на недостаточномъ признаніи этимъ либерализмомъ правъ и интересовъ личности: мы, знаемъ, что въ этой полярности и заключается различіе путей Герцена и Михайловскаго. Либерализмъ считался всегда наиболѣе индивидуалистической доктриной: полная свобода труда каждой личности, полное отрицаніе государственнаго вмѣшательства, казалось, оправдывали это общераспространенное мнѣніе; Михайловскій ясно доказалъ его ошибочность [46]). Дѣйствительно, и утопическій соціализмъ, и этическая школа въ политической экономіи рѣзче всего нападали на индивидуализмъ классической школы и ея эпигоновъ—либераловъ-манчестерцевъ, т.-е. на ихъ стремленіе строить науку на потребностяхъ индивидовъ, а не всего общества въ его цѣломъ, ставить на первый планъ свободу личности и личный интересъ. Но Михайловскій доказываетъ весьма убѣдительно—и въ этомъ доказательствѣ ему принадлежитъ пальма первенства—что хотя для либерализма дѣйствительно государство, община, цехъ—только фантомы, которыми нужно пожертвовать для личности, однако, у либерализма есть и свой фантомъ, которому личность приносится въ жертву:

[46]) Объ отрицательномъ отношеніи Михайловскаго къ манчестерству см. ibid., I, 259—270, 881—2; V, 796—798; VI, 14, 487—489 и др.

это—система наибольшаго производства. «Спрашивается: при чемъ тутъ индивидуализмъ? Тутъ топчется именно личность, индивидъ; личная свобода, личный интересъ, личное счастіе кладутся въ видѣ жертвоприношенія на алтарь правильно или неправильно понятой системы наибольшаго производства» [47]). Именно личности и не хочетъ знать либерализмъ, и на этотъ quasi-индивидуализмъ и вооружается Михайловскій во имя интересовъ реальной личности; съ этой точки зрѣнія онъ приводитъ аргументы, съ которыми мы познакомились у Герцена: праву на трудъ либерализма онъ противопоставляетъ возможность труда, абстрактной личности онъ противопоставляетъ реальную [48]).

Это выясняетъ отношеніе Михайловскаго къ общинѣ, о чемъ уже мы упомянули выше. При общинномъ устройствѣ личность не приносится въ жертву ни государству, ни тѣмъ паче системѣ наибольшаго производства; и подобно тому, какъ Герценъ особенно настаивалъ на томъ, что община есть путь избавленія Россіи отъ мѣщанства, такъ и Михайловскій главнымъ образомъ подчеркиваетъ, что община есть путь наиболѣе свободнаго развитія реальной личности; общинное устройство даетъ возможность свободы личности и настоящаго индивидуализма, а не того quasi-индивидуализма, который обнаружился въ либерализмѣ. «Скажутъ: община стѣсняетъ свободу личности. Это старая сказка... Личная иниціатива возможна въ экономическомъ порядкѣ вещей только для собственника. Бойтесь же прежде всего и больше всего такого общественнаго строя, который отдѣлитъ собственность отъ труда. Онъ именно лишитъ народъ возможности личной иниціативы, независимости, свободы» [49]). Итакъ, для Михайловскаго важнѣе всего то, что община даетъ свободу реальной личности; его анти-мѣщанство вытекаетъ

[47]) Собр. сочин., I, 437—8; см. еще I, 445; VI, 303 и др.
[48]) Ibid., III, 199—200 и др.
[49]) Ibid., I, 704—705; см. также VI, 301.

отсюда уже какъ слѣдствіе. Сторонники общины, говоритъ Михайловскій въ другомъ мѣстѣ, «стояли, повидимости, на почвѣ стѣсненія личной свободы, въ сущности стояли за личность, и стояли твердо» [50]). Синтезъ интересовъ личности и общества является настоящимъ индивидуализмомъ, и Михайловскій указываетъ, что то направленіе, къ которому примкнетъ онъ, «можетъ быть формулировано, какъ торжество личнаго начала при посредствѣ начала общиннаго» [51]).

Если Россія пойдетъ такимъ путемъ, то она избѣгнетъ поглощенія мѣщанствомъ. Но пойдетъ ли она особымъ путемъ развитія? И въ этомъ вопросѣ сказалась ясная разница между воззрѣніями пятидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ: экономическое развитіе Россіи за эти двадцать лѣтъ объясняетъ и оптимизмъ Герцена и пессимизмъ Михайловскаго. Герценъ вѣрилъ въ возможность особаго пути развитія Россіи; эту же вѣру мы находимъ и у Михайловскаго, но... у него далѣе слѣдуетъ весьма большое «но». Начать съ того, что Михайловскій допускаетъ особый путь развитія только какъ одну изъ вѣроятныхъ возможностей и какъ слѣдствіе отсутствія историческаго фатализма [52]). Состояніе Россіи въ 70-хъ годахъ Михайловскій считалъ «зародышевымъ», допускающимъ возможность того или иного пути развитія [53])—и его трудно винить за эту ошибку, за то, что онъ не усмотрѣлъ въ событіи 19 февр. поворотнаго пункта Россіи отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Особый путь развитія для Михайловскаго логически допустимъ [54]), но

[50]) Ibid., IV, 452.

[51]) Ibid., IV, 701.

[52]) Мы не останавливаемся, чтобы не отвлекаться въ сторону, на вопросѣ о детерминизмѣ Михайловскаго; что же касается его отрицательнаго отношенія къ историческому фатализму, то см. I, 696, 703, 900—903 и др.

[53]) Ibid., I, 902.

[54]) Ibid., VI, 350.

въ то же время—и Михайловскій настаиваетъ на этомъ—болѣе чѣмъ проблематиченъ. Еще въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ онъ возражалъ чрезмѣрнымъ оптимистамъ, утверждавшимъ, что русскій крестьянинъ не испытаетъ тяжелой участи своего европейскаго собрата, при дальнѣйшемъ развитіи промышленности: «гдѣ основанія такого оптимизма? Развѣ европейскій рабочій въ свое время не былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь еще находится нашъ?» [55]). Но въ то время это убѣжденіе у него еще не было окончательно сложившимся; ростъ денежнаго хозяйства, государственнаго и частнаго кредита, наконецъ, вообще ростъ русской буржуазіи окончательно убѣдили Михайловскаго въ томъ, что особый путь развитія Россіи былъ постепенно убывающей возможностью: «теоретической возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно»... [56]). Въ этомъ сознаніи заключался новый признакъ критическаго народничества и одинъ изъ пунктовъ отличія его отъ народничества Герцена. Дальше этого сознанія народничество идти не могло; съ этого момента мы можемъ говорить о «разложеніи народничества»... Эпигонами народничества явились въ этомъ смыслѣ и г. В. В., и Юзовъ-Каблицъ—и даже «Русское Богатство» послѣднихъ десяти лѣтъ. Старые боги были свергнуты; новые народились.

[55]) Ibid., I, 695 («Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ» 1872 г.). Интересно однако, что такое мнѣніе объ одинаковости законовъ экономическаго развитія не было у Михайловскаго въ то время достаточно твердымъ: страницею дальше онъ возвращается къ мысли о возможности особаго экономическаго пути развитія для Россіи; только къ началу 80-хъ годовъ Михайловскій почти совершенно отказывается отъ этой иллюзіи народничества (см. ниже).

[56]) Ibid., IV, 952 («Литературныя замѣтки» 1880 г.).

VIII.

Но мы не собираемся останавливаться на этомъ разложенiи народничества, тѣмъ болѣе, что это окончательно удалило бы насъ отъ Герцена, къ которому мы теперь снова возвращаемся. До сихъ поръ мы убѣждались въ полярности путей Герцена и Михайловскаго; прослѣдить эту полярность и было нашей задачей. Анти-мѣщанство Герцена и индивидуализмъ Михайловскаго оказались двумя сторонами одной и той же медали—народничества. Если это справедливо, то и обратно—отношенія Михайловскаго къ мѣщанству и Герцена—къ личности должны быть приблизительно тождественны по существу, расходясь только въ подробностяхъ. На отношеніе Михайловскаго къ мѣщанству мы уже указали, отмѣтивъ теорію идеальныхъ и практическихъ типовъ [57]), теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношенiи Герцена къ личности. Несомнѣнно, что Герценъ держался принциповъ такого же индивидуализма, какъ и Михайловскій въ отмѣченныхъ нами мѣстахъ; иначе и быть не могло: очевидно, что отрицательное отношеніе къ безличному мѣщанству должно было сопровождаться у Герцена нѣкоторымъ «культомъ индивидуальности», въ которомъ можно искать зачатковъ культа личности у Писарева и гораздо болѣе серьезныхъ теорій П. Лаврова (о «критически мыслящихъ личностяхъ») и Михайловскаго. Личность Герценъ ставитъ очень высоко—гораздо выше, чѣмъ ставитъ ее quasi-индивидуализмъ либерализма; фарисейскія разглагольствованія объ эгоистичности индивидуализма выводятъ его изъ себя: «какой смыслъ всѣхъ этихъ разглагольствованій противъ

[57]) Тождественное съ герценовскимъ отношеніе Михайловскаго къ мѣщански-буржуазному европейскому обществу ярче всего выразилось главнымъ образомъ въ блестящей статьѣ «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха» (1871 г.).

эгоизма, индивидуализма?» [58]). Почему эгоизмъ—понятіе отрицательное? Почему личность должна быть подчинена обществу? «Кто для кого, личность для общества, или общество, государство для лица?—Безъ сомнѣнія, лицо для государства, иначе что же это будетъ—эгоизмъ, своеволіе!—Я совершенно согласенъ съ вами»...—иронически оканчиваетъ Герценъ этотъ воображаемый разговоръ [59]), и дальше съ силой возстаетъ противъ этого шаблоннаго мнѣнія. Эгоизмъ—но вѣдь это—соль личности, «всего менѣе эгоизма въ камнѣ»; своволіе—но «что же (это) за нравственная обязанность быть подъ авторитетомъ чужеволья?» [60]). Вотъ почему Герценъ не могъ согласиться съ принципомъ главенства общества: «подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ—продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ»... [61]). Въ этомъ вопросѣ Герценъ категорически и радикально расходился съ западно-европейскими мыслителями, напримѣръ съ Луи Бланомъ, который такъ отрицательно относился къ принципу индивидуализма и противопоставлялъ ему принципъ братства. Герценъ разсказываетъ о характерномъ разговорѣ, когда-то происходившемъ между ними. Луи Бланъ часто высказывалъ общія мѣста объ индивидуализмѣ и братствѣ, не ожидая возраженій на такія, по его мнѣнію, очевидныя истины.

— «Жизнь человѣка—великій соціальный долгъ; человѣкъ долженъ постоянно приносить себя на жертву обществу.

— Зачѣмъ?—спросилъ я (Герценъ) вдругъ.

— Какъ зачѣмъ? Помилуйте: вся цѣль, все назначеніе лица—благосостояніе общества.

[58]) «Съ того берега», стр. 172.

[59]) «Капризы и раздумье» («Новыя варіаціи на старыя темы»), стр. 179.

[60]) Ibid., стр. 180—181.

[61]) «Съ того берега», стр. 168.

— Оно никогда не достигнется, если всѣ будутъ жертвовать и никто не будетъ наслаждаться...

— Это игра словъ.

— Варварская сбивчивость понятій,—говорилъ я, смѣясь» [62]).

Но это, конечно, не было варварской сбивчивостью понятій; это было продолженіемъ общей тенденціи русской мысли сороковыхъ годовъ къ синтезу общества и личности, при главенствѣ интересовъ послѣдней. Еще въ серединѣ тридцатыхъ годовъ Огаревъ высказывалъ, что задача общественной организаціи заключается въ сохраненіи «полной индивидуальной свободы» при «высочайшемъ развитіи общественности»; «сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ—вотъ въ чемъ дѣло, вотъ къ чему должно стремиться общественное устройство» [63]). Бѣлинскій гораздо ярче высказалъ приматъ интересовъ личности. «Я теперь въ новой крайности—это идея соціализма», писалъ онъ; но соціализмъ не помѣшалъ ему поставить «человѣческую личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества» [64]). Герценъ стоялъ на такой же точкѣ зрѣнія, но онъ понималъ, какъ и Бѣлинскій, что человѣческая личность можетъ достичь полной свободы только при синтезѣ ея съ обществомъ въ его наиболѣе развитыхъ и желательныхъ формахъ: «одно разумное, сознательное сочетаніе личности и государства приведетъ къ истинному понятію о лицѣ вообще... Сочетаніе это—труднѣйшая задача, поставленная современнымъ мышленіемъ» [65]). То или иное рѣшеніе этой задачи

[62]) Сборникъ посмертныхъ статей, «Горныя вершины», стр. 104—105.

[63]) Анненковъ: «Литературныя воспоминанія», стр. 45.

[64]) Бѣлинскій, письмо къ Боткину отъ 4 окт. 1840 г.

[65]) Герценъ: «Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести», стр. 255. Ср. со слѣдующими словами Бѣлинскаго: «во мнѣ развилась какая-то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая (свобода) возможна только

пытались дать и западники, и славянофилы, и народничество—въ лицѣ Герцена, Чернышевскаго и Михайловскаго.

Какъ Михайловскій рѣшалъ эту задачу—мы видѣли выше на частномъ вопросѣ свободы человѣческой личности въ общинѣ; выше мы подчеркнули ту роль, какую играетъ понятіе реальной личности въ построеніяхъ Михайловскаго. Мы видимъ теперь, что по существу таково же было отношеніе къ личности и у Герцена; Михайловскій только пошелъ дальше Герцена и отчасти измѣнилъ позицію: то, что у Герцена было слѣдствіемъ, стало у него основаніемъ и причиною, и наоборотъ [66]), но отъ этого не измѣнились ни причина, ни слѣдствіе: отрицательное отношеніе къ мѣщанству и его безличности привело Герцена къ своеобразному индивидуализму; индивидуализмъ Михайловскаго, его высокая оцѣнка личности привели его къ отрицательному отношенію къ мѣщанству. Интересно, что взгляды ихъ на личность и общество послужили поводомъ къ ихъ обвиненію въ принадлежности къ анархизму: противъ Герцена такое обвиненіе выставляли еще читатели «Колокола» (см. 1-ый его листъ), противъ Михайловскаго его высказалъ г. Бердяевъ въ своей книгѣ [67]). Въ этомъ есть нѣкоторая доля истины: и Герценъ, и Михайловскій отрицательно относились къ обществу, развивающемуся «по органическому типу развитія» (если пользоваться терминологіей Михайловскаго).

при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести»... (письмо къ Боткину, 28 іюня 1841 г.; см. также письма Бѣлинскаго къ нему же отъ 13 іюня, 4 октября. 25 октября 1840 г., 15 января, 1 марта, 27 іюня, 8 сентября 1841 г. и др.).

[66]) Михайловскій въ сущности далъ наиболѣе опредѣленное рѣшеніе задачи о личности и обществѣ своей теоріей борьбы за индивидуальность; рѣшеніе это однако—чисто отрицательное, такъ какъ доказываетъ невозможность какого бы то ни было синтеза между личностью и обществомъ, развивающимся по органическому типу.

[67]) «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи», гл. II.

Въ статьѣ «Что такое государство» [68]) доказывается, что въ государствѣ (особенно парламентарномъ) большинство и меньшинство народонаселенія всегда могутъ считаться составившими заговоръ другъ противъ друга; здѣсь доказывается какъ бы антиномичность самого понятія «государство». Въ другихъ своихъ статьяхъ (и особенно въ книгѣ «Съ того берега») Герценъ отрицательно относится къ государству, какъ къ кристаллизованному въ общественныхъ формахъ мѣщанству. Михайловскій отрицательно относится только къ органическому типу общества, т.-е. къ такому обществу, въ которомъ личность подавлена и индивидуумъ играетъ роль органа; критерій блага личности, сходящійся съ благомъ народа (объ этомъ критеріи мы говорили выше) побуждаетъ Михайловскаго осудить то общество, гдѣ интересы личности играютъ второстепенную роль, и все вниманіе обращено на фиктивные интересы общественнаго организма. Мы видимъ, что и здѣсь Герценъ и Михайловскій сходятся въ результатѣ, несмотря на различіе путей: одинъ отрицаетъ общество постольку, поскольку оно является мѣщанскимъ; другой борется съ нимъ въ томъ случаѣ, если видитъ подчиненіе интересовъ личности тѣмъ или инымъ фикціямъ.

IX.

Въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ мы не задавались цѣлью детально сравнить два настолько широкихъ міровоззрѣнія, какими были міровоззрѣнія Герцена и Михайловскаго: задача эта требуетъ не нѣсколькихъ страницъ, а нѣсколькихъ томовъ. Только при подробномъ разборѣ можно развить принятую нами точку зрѣнія и найти въ общественныхъ отношеніяхъ объясненіе того, почему именно Standpunct'омъ міровоззрѣнія Герцена является

[68]) «Полярная Звѣзда», 1855 г., статья Энгельсона.

отрицательное отношеніе къ мѣщанству, почему все міровоззрѣніе Михайловскаго построено на реальной личности. Это можно предполагать даже до нѣкоторой степени апріорно, имѣя въ виду, что на рубежѣ между Герценомъ и Михайловскимъ стоитъ 19 февраля 1861 г., что дѣятельность Герцена началась въ приснопамятную эпоху оффиціальной народности, начавшуюся послѣ 14-го декабря 1825 года, что Михайловскій былъ идеологомъ новыхъ общественныхъ формъ, лозунгомъ которыхъ было освобожденіе личности. Эпоха оффиціальной народности (удачный терминъ, введенный Пыпинымъ) во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ быть названной «эпохой оффиціальнаго мѣщанства», такъ какъ это было время сплошной и сѣрой безличности, бюрократической плоскости и узости казенщины; въ эту эпоху пришлось жить и дѣйствовать Герцену. Чѣмъ сильнѣе давило его окружавшее его мѣщанство, тѣмъ сильнѣе онъ реагировалъ на него; въ этой борьбѣ съ мѣщанствомъ выросло и закалилось его міровоззрѣніе. Обратно, Михайловскій началъ свою дѣятельность въ эпоху великихъ реформъ, которая оказалась и эпохой расцвѣта индивидуализма; освобожденіе крестьянъ было только однимъ изъ проявленій всеобщаго освобожденія: освобождалась личность изъ путъ мѣщанства предшествовавшей эпохи. Борьба съ мѣщанствомъ выпала на долю Герцена; провозглашеніе и теоретическая обосновка началъ индивидуализма—главнымъ образомъ на долю Михайловскаго и его непосредственныхъ предшественниковъ (отчасти Писарева и болѣе всего—Лаврова).

Интересна участь самой терминологіи, самихъ терминовъ мѣщанство и индивидуализмъ. Несмотря на то, что термины эти введены Герценомъ и Михайловскимъ полъвѣка тому назадъ, несмотря на ихъ выразительность и полную опредѣленность, они еще не получили правъ гражданства въ литературѣ. За послѣднее время терминъ «мѣщанство», въ смыслѣ, употреблявшемся Герценомъ,

на́чалъ пробивать себѣ дорогу [69]), и по всей вѣроятности установится окончательно въ литературѣ и въ разговорной рѣчи; но «индивидуализмъ» до сихъ поръ еще остается хотя и часто употребляемымъ, но совершенно неопредѣленнымъ понятіемъ: подъ нимъ готовы подразумѣвать то эгоизмъ, то нѣкоторый анти-общественный принципъ (въ смыслѣ, приданномъ Луи Бланомъ), то нѣчто положительное, какъ высокую оцѣнку личности. Выше мы держались вездѣ того пониманія этого слова, которое принято и Герценомъ и Михайловскимъ: индивидуализмъ есть діаметральная противоположность мѣщанства, положительное, созидающее понятіе—въ то время какъ мѣщанство понятіе совершенно отрицательное [70]). Индивидуализмъ является поэтому признаніемъ главенства личности и ея интересовъ, при необходимомъ синтезѣ ея съ обществомъ; онъ требуетъ широты поля дѣйствій этой личности, при глубинѣ ея содержанія. Термины эти неразрывно связаны съ дѣятельностью Михайловскаго и Герцена: послѣдній былъ настолько же яркимъ

[69]) Съ легкой руки М. Горькаго. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ были попытки упрочить терминологію Герцена (см., напр., статьи П. Ткачева «Люди будущаго и герои мѣщанства»; «Идеалистъ мѣщанства» и др.—въ «Дѣлѣ» 1868 и 1877 гг.)—но безрезультатно. М. Горькій въ своихъ «Мѣщанахъ» (и другихъ произведеніяхъ) принялъ за этимъ терминомъ приданный ему Герценомъ смыслъ и упрочилъ его въ широкой публикѣ. Впрочемъ—и это интересно отмѣтить—рецензентъ «Русскаго Богатства» (1902 г.) упрекалъ М. Горькаго за непростительный каламбуръ и обвинялъ его въ игрѣ словъ. за то, что у него терминъ «мѣщанство» имѣетъ не исключительно сословное значеніе! Этотъ «каламбуръ» полъ-вѣка тому назадъ легъ краеугольнымъ камнемъ міровоззрѣнія Герцена... Обвиненіе во всякомъ случаѣ было направлено не по адресу.

[70]) Тотъ же рецензентъ (см. предыдущее примѣчаніе) считаетъ расширеніе и обобщеніе понятія «мѣщанства» неудобнымъ, ибо мало опредѣленнымъ: ему можно будетъ противопоставить «эстетизмъ», «декадентство» и т. п. Но дѣло въ томъ, что «мѣщанству», какъ этическому понятію, можно и должно противопоставить только «индивидуализмъ».

анти-мѣщаниномъ, насколько первый былъ яркимъ индивидуалистомъ. Взаимную связь этихъ понятій въ ихъ міровоззрѣніяхъ мы старались прослѣдить выше. Мы видѣли, что понятіе «мѣщанства» является исходной базой Герцена для его отрицательнаго отношенія къ западно-европейскимъ формамъ (не говоримъ уже о формахъ русскихъ въ періодъ «эпохи оффиціальнаго мѣщанства»); отсюда родилось и народничество Герцена, какъ въ высшей степени анти-мѣщанская идеологія, въ которой «личность» необходимо занимала весьма высокое положеніе. Мы видѣли также, что у Михайловскаго основной базой явилось именно высокое понятіе о личности, что краеугольнымъ камнемъ его міровоззрѣнія былъ индивидуализмъ; поэтому и народничество Михайловскаго было глубоко индивидуалистической идеологіей; само собой разумѣется, слѣдствіемъ этого было и отрицательное отношеніе къ мѣщанству. «Полярными» путями Герценъ и Михайловскій пришли къ одной и той же конечной точкѣ.

Михайловскій какъ-то разъ замѣтилъ («Русское Богатство», 1902 г.), что существуютъ писатели, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ являются въ нашемъ представленіи ассоціированными и тѣсно связанными по парно. Таковы, напримѣръ, Вольтеръ и Руссо; одной изъ наиболѣе неразрывныхъ паръ считаются Л. Толстой и Достоевскій; изъ молодой современной литературы Михайловскій называетъ М. Горькаго и Чехова. Намъ кажется—и мы старались это доказать,—что одной изъ наиболѣе яркихъ подобныхъ паръ являются величайшіе представители «русскаго соціализма» — народничества— Герценъ и Михайловскій.

1905 г.

Жизнь и теоріи.

(*Что думаетъ «народъ»?*).

Никогда еще не бывало у насъ столь грандіозной попытки проведенія въ жизнь идеаловъ народничества, какъ въ памятные дни 1905 года; если когда-нибудь историкъ захочетъ охарактеризовать нашу «революцію» однимъ словомъ, то онъ непремѣнно назоветъ ее революціей народнической*). Всѣ группы, всѣ партіи—даже столь враждебные народнической доктринѣ соціалъ-демократы—всѣ были увлечены вѣрой въ возможность немедленнаго осуществленія старыхъ идеаловъ народничества; казалось, что не сегодня-завтра воплотится въ жизнь основной соціальный идеалъ Герцена, Чернышевскаго, Михайловскаго; казалось, что еще одинъ шагъ, еще одна черта—и на нашихъ глазахъ осуществится соціализація или национализація земли, рѣшающая основной вопросъ народнаго благосостоянія...

Чѣмъ все это кончилось—слишкомъ хорошо извѣстно и мы еще скажемъ объ этомъ ниже; во всякомъ случаѣ—все это было, прошло и быльемъ поросло: для непереживших всего этого, увлеченія и надежды тѣхъ дней имѣютъ

*) См. объ этомъ статью автора: «Характеръ русской революціи», «Критическое Обозрѣніе» 1907 г., № 2.

теперь интересъ только историческій. Но здѣсь мы хотимъ подчеркнуть другое обстоятельство: та эпоха позволила произвести широкую провѣрку тѣхъ теоретическихъ положеній, которыя съ давнихъ поръ высказывались русской интеллигенціей во имя блага народа и «якобы» отъ имени народа. Говорилъ ли устами русской интеллигенціи XIX вѣка «народъ»? Или дѣйствительно народъ и интеллигенція говорятъ на разныхъ, другъ другу непонятныхъ языкахъ? Или, быть можетъ, само это противопоставленіе «интеллигенціи» и «народа» не имѣетъ никакого внутренняго смысла? *).

На все это намъ съ ясностью отвѣтила кратковременная «эпоха свободъ» въ концѣ 1905 года. На нѣсколько мѣсяцевъ исчезла преграда штыковъ, вѣчно стоявшая между «интеллигенціей» и «народомъ». И что же случилось? Неужели правы тѣ, никогда и близко не подходившіе къ народу нынѣшніе «пророки заднимъ числомъ», которые теперь обрушиваютъ свои безвредные громы на голову «интеллигенціи» за несбывшіяся революціонныя надежды и которые смѣло заявляютъ, что «каковы мы есть, намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ—бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной...» **). Неужели же это такъ?

На это мы имѣемъ фактическій отвѣтъ самой жизни. Въ дни свободъ 1905 года штыки были отняты и «народъ» заговорилъ передъ «интеллигенціей». Что же случилось? Неужели сбылось зловѣщее карканье нашихъ кабинетныхъ пророковъ? Неужели мы—«каковы мы есть»—сдѣлались жертвою «ярости народной»? Нѣтъ, мы не стали бояться народа пуще всѣхъ казней власти, мы не

*) См. объ этомъ противопоставленіи—въ книгѣ автора: «Объ интеллигенціи», изд. 2-ое.

**) «Вѣхи». Сборникъ статей о русской интеллигенціи, стр. 88.

взывали къ этой власти, къ штыкамъ и тюрьмамъ; какъ разъ наоборотъ — на эти штыки опирались тѣ силы, которыя дѣйствовали тогда въ части «народа» противъ интеллигенціи (такъ называемые «черносотенные погромы»). Нѣтъ, мы не стали жертвами «ярости народной», мы не разувѣрились въ своихъ былыхъ идеалахъ; наоборотъ — яснѣй, чѣмъ когда-либо, мы увидѣли, какъ близки идеалы народа къ тѣмъ теоретическимъ воззрѣніямъ русской общественной мысли, которыя двигали русской интеллигенціей отъ Герцена вплоть до Михайловскаго — вплоть до 1905 года. Мы узнали отъ широкой крестьянской массы, что́ думаетъ народъ о томъ соціальномъ вопросѣ, который искони лежалъ во главѣ угла и народныхъ нуждъ и теоретическихъ построеній интеллигенціи. Мы лишній разъ убѣдились въ томъ, что устами русской интеллигенціи XIX вѣка говорилъ самъ народъ, что само это противопоставленіе «интеллигенціи» и «народа» есть чисто внѣшнее, лишенное внутренняго смысла. Мы, «интеллигентный народъ», близко познакомились съ «народной интеллигенціей» — съ тѣми иногда безграмотными крестьянами, которые силой творческаго духа иной разъ превышаютъ многихъ кабинетныхъ пророковъ. Напомнить теперь обо всемъ этомъ—современнѣе, чѣмъ когда-либо.

Автору настоящей статьи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ пришлось стоять довольно близко къ русской деревнѣ сѣверо-восточнаго района, а во вторую половину 1905 года—быть частымъ посѣтителемъ и гостемъ многихъ крестьянскихъ бесѣдъ, собраній, митинговъ, особенно частыхъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ этого года. Предлагаемая статья представляетъ изъ себя общее резюме вынесенныхъ авторомъ за это время впечатлѣній изъ глухой деревни *).

*) Все нижеслѣдующее было напечатано въ 1906 году (въ «Русскомъ Богатствѣ»).

I.

Мѣсто дѣйствія — сѣверная часть Юрьевскаго уѣзда Владимірской губерніи, глухой медвѣжій уголъ, представляющійся, однако, чрезвычайно удобнымъ для наблюденій, ибо на небольшомъ сравнительно пространствѣ трехъ-четырехъ волостей здѣсь сосредоточены самыя разнообразныя формы экономическихъ отношеній. Сѣверный уголъ Юрьевскаго уѣзда, Аньковская волость, граничитъ съ Ярославской губерніей; населеніе—типичные «ярославцы», парализующіе малоземелье отхожими промыслами и бойкими промышленными предпріятіями. Въ сосѣдней Мирславльской волости — иная картина: здѣсь малоземелье вынуждаетъ крестьянъ идти на фабрику (Иваново-Вознесенскъ) и вліяніе послѣдней уже замѣтно въ этомъ районѣ. Наконецъ, Глумовская волость отдѣлена широкой лѣсной полосой отъ двухъ предыдущихъ и опять-таки представляетъ изъ себя нѣчто совершенно иное: здѣсь типичные «владимірцы»; здѣсь хроническое малоземелье и наибольшее обостреніе аграрнаго вопроса и въ то же время здѣсь же (въ деревняхъ Грибаново, Теряево, Глумово и др.) цѣлый рядъ кулаковъ-крестьянъ, имѣющихъ по нѣскольку сотъ десятинъ, а потому и держащихъ въ рукахъ цѣлую округу. Все это разнообразіе экономическихъ условій дѣлаетъ эту мѣстность какъ нельзя болѣе удобной для знакомства съ тѣмъ, «что̀ думаетъ народъ?», что̀ думаетъ о современномъ положеніи вещей крестьянинъ изъ глухого медвѣжьяго угла.

«Бесѣды» крестьянъ начались уже съ середины лѣта 1905 года: по тридцати, по сорока человѣкъ собирались они «послушать газету», а кстати и обмѣняться всякими вѣстями, предположеніями, слухами, которыми полна была атмосфера. Когда вмѣстѣ съ осенью пришли въ деревню извѣстія о какихъ-то «митингахъ» въ Москвѣ и Петербургѣ, то сами собой начали организоваться и большія

крестьянскія собранія по селамъ и деревнямъ. Именно, сами собою: ничто не можетъ быть ошибочнѣе мнѣнія рептильной прессы, по которому всѣ крестьянскіе митинги устраивались по наущенію крамольной интеллигенціи... Первые митинги въ началѣ октября (въ селѣ Бережкѣ) организовались такъ: по воскресеньямъ къ обѣднѣ народъ собирался изо всей «вотчины», т.-е. церковнаго прихода, изъ 6 - 7 деревень; послѣ обѣдни въ чайной и около нея собиралось 300 — 400 человѣкъ, обсуждавшихъ новости дня (начало первой всеобщей забастовки въ Москвѣ, перерывъ сообщенія, забастовки и пр.). Недѣлю-другую спустя крестьяне стали уже устраивать спеціальные митинги и собранія.

Первое спеціальное собраніе, на которомъ пришлось автору быть, происходило 22-го октября и было особенно интересно тѣмъ, что крестьянская молодежь и крестьяне, затронутые вліяніемъ фабрики, были здѣсь въ меньшинствѣ; громадное большинство составляла сѣрая масса, старики, люди стараго закала, сначала вполнѣ враждебно относившіеся къ самому факту собраній и даже къ манифесту 17-го октября: «какая такая свобода? что за союзы и собранія? ничего намъ этого не нужно. Намъ прежде всего земли бы побольше... да чтобъ земскихъ начальниковъ всѣхъ отставить»... Въ отвѣтъ на это одинъ «сознательный» крестьянинъ объяснилъ, что всѣ эти требованія осуществимы только на почвѣ началъ манифеста 17-го октября. Его выслушали съ большимъ вниманіемъ и немедленно послѣ этого загорѣлись споры—конечно, по вопросу о землѣ.

Прежде всего выступилъ ораторомъ одинъ изъ молодыхъ крестьянъ села Бережка, побывавшій незадолго передъ тѣмъ во Владимірѣ и попавшій тамъ случайно на одно собраніе интеллигенціи и рабочихъ, обсуждавшихъ вопросъ о булыгинской думѣ въ связи съ выясненіемъ партійныхъ программъ. Онъ объяснилъ значеніе выборной системы, пользу всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія

и вредъ для широкой массы крестьянства четырехстепенной булыгинской системы; затѣмъ разсказалъ о разныхъ партіяхъ и объ ихъ отношеніи къ крестьянскому вопросу. «Вотъ когда я былъ во Владимірѣ на собраніи, то вышелъ говорить одинъ человѣкъ: я, говоритъ, соціалистъ, и наша партія стоитъ за то-то и за то-то; всю землю, говоритъ, надо отдать всѣмъ трудящимся земледѣльцамъ и подѣлить между ними уравнительно по справедливости; пусть земля будетъ общая, а пользоваться ей будутъ всѣ трудящіеся. А потомъ вышелъ другой человѣкъ: я, говоритъ, тоже соціалистъ, и наша партія думаетъ совсѣмъ иначе; не въ землѣ, говоритъ, дѣло, а въ фабрикѣ... Ну, словомъ сказать, этотъ совсѣмъ противъ нашего брата говорилъ! Я думаю такъ: не былъ ли онъ отъ партіи помѣщиковъ? А тоже говоритъ—соціалистъ!»... Тутъ одинъ изъ интеллигентовъ разъяснилъ собранію существующую разницу между двумя партіями, соціалъ-демократовъ и соціалъ-народниковъ, послѣ чего собраніе занялось подробной разработкой земельнаго вопроса.

Интересно, что наиболѣе консервативные «старики» давали на этотъ вопросъ наиболѣе радикальные отвѣты; такъ, напримѣръ, какой бы то ни было выкупъ за землю они отвергали совершенно. Крестьянинъ села Скомова заявилъ, что при общей разверсткѣ всей земли каждый помѣщикъ получитъ свою долю, такъ какъ разверстка будетъ всесословная; старикъ крестьянинъ села Лобцова высказалъ наиболѣе крайнее мнѣніе: «никакой земли при разверсткѣ помѣщикамъ давать нечего—довольно они насосались! А вотъ какъ надо сдѣлать: землю—отобрать у помѣщиковъ и дать крестьянамъ, а всѣ налоги—съ крестьянъ сложить на помѣщиковъ»... Однако столь радикальный проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ собраніи даже среди крайнихъ лѣвыхъ его элементовъ. Какъ бы то ни было, но идея принадлежности всей земли трудящемуся на ней классу—идея вѣковая, не погасшая даже при апогеѣ крѣпостного права («мы господскіе, а земля

наша»—характерная крестьянская поговорка тѣхъ временъ, часто приводимая Герценомъ). На томъ собраніи, однако, о которомъ идетъ рѣчь, идея эта не обсуждалась подробно, такъ какъ время заняли дебаты на болѣе практическую тему—какую землю нужно взять крестьянамъ, на какихъ условіяхъ и сколько этой земли нужно на душу? По заявленію самихъ крестьянъ $3^1/_2$ дес. на душу составляютъ въ нашихъ мѣстахъ тотъ максимумъ, для обработки котораго нужно уже работать сверхъ силъ; при нормальномъ, не сверхсильномъ, «человѣческомъ» трудѣ средняя семья изъ пяти душъ (отецъ, мать, взрослые сынъ и дочь и малолѣтокъ) обработаетъ не болѣе 10-ти десятинъ въ случаѣ посѣва льна и не болѣе 13-ти дес. при посѣвѣ овса. Предлагалось поэтому добиваться надѣленія всѣхъ крестьянъ землей по 3 дес. на душу (пахотной); однако большинство возстало противъ такой нормировки по количеству, указывая на разницу земель по качеству. Поэтому въ томъ пунктѣ приговора, составлявшагося на этомъ собраніи, который относился къ земельному вопросу, было высказано только слѣдующее: «требуемъ безвозмездной передачи намъ, крестьянамъ, и всѣмъ трудящимся на землѣ въ потѣ лица—всѣхъ казенныхъ, государственныхъ, церковныхъ и имъ подобныхъ земель, а также и помѣщичьихъ, чтобы въ общемъ у каждаго было столько земли, чтобы она давала возможность жить безбѣдно и оправдывать наши семейства». Послѣднее выраженіе означаетъ собою въ нашемъ углу возможность всю зиму питаться своимъ хлѣбомъ и отъ стараго хлѣба до новаго ни у кого его не занимать и не покупать; какъ извѣстно, въ настоящее время «оправдывать свои семейства» даже въ урожайные годы могутъ только зажиточные крестьяне.

Это собраніе длилось шесть часовъ подъ рядъ; уже поздно вечеромъ народъ разошелся по своимъ деревнямъ, намѣтивъ предварительно мѣсто и время слѣдующаго собранія.

Слѣдующее собраніе привлекло массу народа изъ дальнихъ деревень, верстъ за 20—25; было больше молодежи фабричнаго района, но не мало и старозавѣтныхъ стариковъ. На этомъ собраніи земельный вопросъ обсуждался крестьянами уже съ чисто теоретической точки зрѣнія, и дебаты были особенно интересны тѣмъ, что «сознательные» крестьяне въ нихъ почти не принимали участія, а высказывала свои наболѣвшія и годами складывавшіяся мысли лишь «сѣрая» масса. Земля—ничья, земля—Божья: эту идею русскій крестьянинъ всасываетъ въ себя съ молокомъ матери; нарушеніе этого принципа онъ дѣйствительно считаетъ «великимъ грѣхомъ», и потому всякая соціальная революція въ русской крестьянской массѣ всегда будетъ основываться на религіозномъ—въ широкомъ смыслѣ—фундаментѣ. Слишкомъ долго было бы приводить всѣ собранные мною по этому вопросу матеріалы—крестьянскія письма, записи рѣчей, отдѣльныя статьи крестьянъ, написанныя ими же самими. Ограничусь только сообщеніемъ трехъ статей по этому вопросу одного стараго крестьянина, типичнаго русскаго самородка, уже давно (по его словамъ, лѣтъ 10—15 тому назадъ) «своимъ умомъ» пришедшаго къ ниже изложеннымъ мыслямъ. Это — крестьянинъ Владимірской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, Глумовской волости, деревни Зубатова — Иванъ Максимовичъ Назаровъ; ему теперь за 50-тъ лѣтъ; за всю жизнь никуда не выѣзжалъ дальше ближайшаго уѣзднаго города; за послѣднее время много читалъ, все безъ разбора, начиная съ исторіи Иловайскаго и кончая исторіей философіи Фулье (!). Это безпорядочное чтеніе, отразившееся на внѣшней формѣ его статей (терминологія и т. п.), натолкнуло его на мысль—попытаться самому изложить свои давно выношенныя мысли въ связной формѣ Въ результатѣ появились три статьи по земельному вопросу; первая написана въ октябрѣ, вторая—въ ноябрѣ и третья—въ концѣ декабря 1905-го года. Статьи эти были неоднократно читаны мною на крестьянскихъ собраніяхъ и

всегда сопровождались шумными одобреніями слушателей и замѣчаніями въ родѣ: «вотъ вѣрно сказалъ Иванъ Максимовъ!..» «Что у насъ на умѣ, то у него на языкѣ!..» и т. п. Намъ кажется, что излагаемыя ниже эти три статьи являются цѣннымъ историческимъ документомъ: въ нихъ ярко и вѣрно отражена коллективная мысль милліоновъ неизвѣстныхъ намъ Назаровыхъ; ихъ можно поэтому считать показателемъ того, какъ настроена и что думаетъ теперь о землѣ «сѣрая» русская деревня.

II.

Первая статья озаглавлена «Остатокъ варварства» и разсматриваетъ вопросъ о частной земельной собственности съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, экономической. «Было время,—такъ начинаетъ Иванъ Назаровъ эту статью—когда человѣкъ былъ собственностью другого человѣка. То было время варварства, но это отошло въ исторію прошлаго: теперь человѣкъ не можетъ прiобрѣсть въ собственность другого человѣка. Но остатокъ варварства существуетъ до сихъ поръ: это—въ частной земельной собственности». Чтобы доказать это основное положеніе своей статьи, Назаровъ разсматриваетъ отношеніе между не имѣющимъ (или имѣющимъ мало) земли земледѣльцемъ и имѣющимъ пахотную землю, покосъ или лѣсное угодье землевладѣльцемъ. Первый изъ нихъ—лишенъ «благихъ даровъ природы», а потому и принужденъ покупать ихъ у второго по очень высокой цѣнѣ, «напримѣръ, пахотную землю покупать по двадцати рублей за одну десятину» (здѣсь, конечно, «покупать» имѣетъ значеніе арендовать). Допустимъ, что первый арендуетъ у второго одну десятину пашни и предоставимъ продолжать Назарову: «но вотъ владѣлецъ земли и пахарь написали условіе: «цѣна двадцать рублей, срокъ платежа—такой-то мѣсяцъ, такой-то день»,—но пахарь съ урожаемъ

и рынкомъ или базаромъ договориться не можетъ. Въ концѣ концовъ пахарю приходится собрать все то, что дала ему земля, и продать и отдать землевладѣльцу, да еще прибавить свой трудъ, пашню и сѣмена ему же. Стало быть, пахарь во все то время, въ которое обрабатывалъ эту землю, состоялъ рабомъ землевладѣльца, землевладѣлецъ же въ это время состоялъ рабовладѣльцемъ, злымъ варваромъ».

Болѣе подробно Назаровъ останавливается на покосѣ, относительно котораго приводитъ слѣдующую небезъинтересную расцѣнку: покосъ заарендованъ людьми, не имѣющими своей пашни и покоса, за извѣстную цѣну, напримѣръ, такая-то пожня за тридцать рублей, предположимъ, что накошено десять возовъ (надо замѣтить, что всѣ приводимыя далѣе цифры вполнѣ точно соотвѣтствуютъ экономическимъ условіямъ Глумовской волости). «Стоимость воза три рубля — трава на корню; срѣзать траву, высушить и поднять въ стога—работа эта будетъ стоить за каждый возъ два рубля; значитъ, за возъ три рубля деньгами и два рубля добавляется работой, итого пять рублей. Разстояніе отъ базара или рынка двадцать пять верстъ; все равно—везти ли на рынокъ сѣномъ, или кормить скотину на рынокъ: какъ по тому, такъ и по другому съ базаромъ договоръ заранѣе не сдѣлаешь. А между тѣмъ съ покосовладѣльцемъ уже сдѣланъ договоръ—ему отдай тридцать рублей за пожню; его цѣна устойчива, а твоя нѣтъ. Въ такомъ случаѣ покосонанимателю придется отправить сѣно на базаръ, продать возъ по пяти рублей, а можетъ быть и дешевле, а можетъ быть и по шесть рублей. Пусть по шесть. Тогда покосонаниматель получитъ обратно три рубля, отданные имъ за траву, и два за уборку и одинъ рубль за провозъ на рынокъ». Тутъ повторяется та же исторія: «покосовладѣлецъ состоитъ рабовладѣльцемъ, покосонаниматель—рабомъ, такъ какъ онъ получаетъ три рубля отъ воза сѣна за счетъ своего личнаго труда, а покосовладѣлецъ получаетъ три рубля отъ воза сѣна за счетъ чужого

труда. Если бы покосонаниматель имѣлъ свое луговое угодье, тогда онъ получилъ бы за свой личный трудъ цѣликомъ по шесть рублей отъ воза сѣна; покосовладѣлецъ тогда принужденъ бы былъ приложить свой личный трудъ или не получить ничего за чужой трудъ»...

Наконецъ, то же самое повторяется и относительно лѣсныхъ угодій; о нихъ, по мнѣнію Назарова, не стоитъ даже и говорить, ибо всякій знаетъ «какъ владѣльцы лѣсовъ высасываютъ кровь изъ населенія. Лѣсные рабочіе это—первые рабы лѣсовладѣльцевъ; они тяжело работаютъ и получаютъ небольшую заработную плату, а кромѣ того принуждены брать у хозяина въ счетъ заработка предметы потребленія по очень высокой цѣнѣ, терпѣть штрафы, недополучки и всякій произволъ лѣсовладѣльца; установить законность нѣтъ никакой возможности: всю эту мѣстную бѣдноту матеріальныя условія заставляютъ гнуться передъ жестокой волей лѣсовладѣльца. Все остальное мѣстное населеніе должно ѣхать къ лѣсовладѣльцу за предметами необходимости—за дровами и лѣсными матеріалами, везти добытыя кровавымъ потомъ денежки, послѣ чего оставаться полубосыми, полунагими, полуголодными. Что же послѣ этого представляютъ изъ себя лѣсовладѣльцы или частные землевладѣльцы, какъ не варваровъ-поработителей, захватывающихъ чужой трудъ? Это все равно, какъ отвратительные пауки съ кровожаднымъ злорадствомъ выжидаютъ неизбѣжныхъ своихъ жертвъ»...

Вотъ въ чемъ заключается, по мнѣнію Назарова, «остатокъ варварства» въ частной земельной собственности: всякая частная земельная собственность есть по его выраженію, «замаскированное рабство», превосходящее по своей жестокости открытое рабство недавняго прошлаго. Дѣйствительно, продолжаетъ Назаровъ, прежде «рабъ утрачивалъ свой трудъ на рабовладѣльца, но послѣдній же и содержалъ его, хотя рубищемъ, но все же покрывалъ его тѣло, а также и кормилъ его, хотя бы гнилымъ

хлѣбомъ или даже тѣстомъ, но все же содержалъ: да и тѣло человѣка-раба всецѣло принадлежало рабовладѣльцу, который и берегъ его въ силу своихъ экономическихъ интересовъ. Теперь обратимся къ современнымъ замаскированнымъ рабовладѣльцамъ и рабамъ. Теперешній рабъ нанимаетъ землю у собственника, по контракту назначается время платежа безотсрочно, а потомъ пашетъ и сѣетъ. Потомъ приходитъ время уборки; земля ничего не уродила, хоть пахарь и радъ бы убрать въ пользу землевладѣльца—конечно, на своемъ рубищѣ и хлѣбѣ, котораго у него нѣтъ; ни гнилого хлѣба, ни тѣста, какъ это кормили рабовладѣльцы своихъ рабовъ. Тутъ приходится босоногимъ, полунагимъ мальчуганамъ стрѣлять отъ лачуги къ лачугѣ, выпрашивать милостыню. Но землевладѣлецъ не хочетъ взять обработаннаго пахаремъ съ его земли товара, такъ какъ онъ не отвѣчаетъ стоимостью той цѣнѣ, которая назначена за землю: поэтому пахарю нужно товаръ везти домой, дообработать и продать и отдать цѣликомъ землевладѣльцу. Конечно, этой суммы не хватитъ; землевладѣлецъ обращается къ властямъ, по суду требуетъ доплаты; исполнители законности являются, продаютъ овецъ или корову и вручаютъ недоплату землевладѣльцу. Бѣдный замаскированный рабъ! Онъ не только пожертвовалъ своимъ рабскимъ трудомъ на обработку той земли, которую нанималъ у землевладѣльца на своемъ рубищѣ и милостинныхъ кускахъ, но и еще добавилъ свою корову! Безсердечное бичеваніе! Какъ противно было открытое, такъ же мерзко и прикрытое рабство въ земельной собственности»...

Итакъ, несмотря на то, что рабство давно уничтожено, осталась во всей силѣ худшая форма «замаскированнаго» рабства, донынѣ тяготѣющаго надъ народомъ. И народъ теперь понялъ это—такъ заканчиваетъ Назаровъ свою статью:—«народъ понялъ; онъ пришелъ къ сознанію, что такую жизнь не Богъ создалъ, а чортъ сковалъ. Пора бы и отцамъ народа придти къ тому сознанію, что народъ

понялъ все. Налѣпить паутину на глаза теперь не возможно. Народъ понялъ, что капиталисты, собственники земли и лѣса, владѣютъ его собственнымъ трудомъ, отъ котораго ему не останется ничего. А это и есть варварство рабовладѣльчества»... И къ этимъ «отцамъ народа» Назаровъ обращается съ заключительными словами: «да, подумайте, господствующіе классы, разберитесь въ этомъ вопросѣ!..» «...Братцы! по закону божію мы должны одинаковое имѣть на землю право! Всѣ благіе дары природы должны принадлежать вообще всей человѣческой семьѣ; если признаемъ за собой право на землю, то за остальными нужно признавать такое же право»...

Послѣднія слова являются логическимъ переходомъ ко второй статьѣ, въ которой вопросъ о частной земельной собственности разсматривается преимущественно съ этико-правовой точки зрѣнія. Заглавіе статьи — «Естественный законъ природы и естественное право»; что̀ понимаетъ Назаровъ подъ такими терминами—видно съ самаго же начала статьи:

«Въ силу какого закона дуетъ вѣтеръ, гремитъ громъ, идетъ дождь, течетъ вода, а также бываетъ зима и лѣто, день и ночь?—въ силу естественнаго закона природы. Естественный законъ природы простирается также и на человѣка: почему человѣкъ спитъ, и ѣстъ, и пьетъ?—въ силу естественнаго закона природы, который былъ положенъ при сотвореніи природы самимъ Богомъ»...

Въ силу этого «естественнаго закона природы» люди не могутъ существовать безъ ѣды, безъ питья, безъ сна, а также безъ топлива, безъ одежды и обуви; однако— продолжаетъ далѣе Назаровъ нить своего разсужденія— человѣкъ, подчиняясь естественному закону природы, неизбѣжно приходитъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ людей; только сонъ и питье изъяты изъ этого ряда, ибо «человѣкъ можетъ спать самъ собой, не затрагивая интересовъ другихъ, а также и пить, такъ какъ воды хватитъ въ изобиліи»... Все остальное — пища, одежда, топливо—неизбѣжно сталкиваетъ интересы каждаго съ интересами всѣхъ, при чемъ всѣ люди должны быть удовлетворены: «такъ какъ по естественному закону природы всѣ люди одинаковыя имѣютъ потребности, то отсюда вытекаетъ одинаковое для всѣхъ людей естественное право»... Но пища, одежда, топливо и пр. получаются только какъ продукты труда, а именно «получаются изъ растительнаго царства и изъ царства животныхъ. Чтобы получить необходимыя потребности изъ царства растительнаго для одежды, обуви и пищи, нужно копать и пахать землю; чтобы получить необходимыя потребности изъ царства животныхъ, нужно имѣть домашнихъ животныхъ, для которыхъ необходимо имѣть выгоны и пастбища, а также и укосные луга, съ которыхъ бы получать запасы корма на зиму»... Отсюда вытекаетъ одинаковое для всѣхъ людей естественное право на землю, выгоны, пастбища и укосы; а такъ какъ нельзя существовать безъ жилища, безъ топлива и вообще безъ «деревянныхъ подѣлокъ», то отсюда слѣдуетъ одинаковое для всѣхъ естественное право на лѣсъ.

Итакъ, право каждаго на всѣ «благіе дары природы» теоретически обосновано; болѣе того, такъ какъ потребности людей въ общемъ одинаковы, то отсюда слѣдуетъ, что «ни одинъ человѣкъ не долженъ имѣть земли, луга, выгона, пастбища или лѣса больше того, чѣмъ всѣ другіе его братья, подобные ему по природѣ и потребностямъ люди»...

Такова теорія; на практикѣ же мы видимъ другое: небольшая кучка людей захватила огромное количество земли въ частную собственность (какъ представляетъ себѣ этотъ захватъ Назаровъ—мы увидимъ изъ его третьей статьи); захватъ этотъ лишилъ «благихъ даровъ природы» всѣхъ остальныхъ людей. Справедливо ли это?— нѣтъ, такъ какъ здѣсь нарушено естественное право, покоящееся на естественномъ законѣ природы, и нарушено при томъ небольшой кучкой на погибель громаднаго боль-

шинства. «Но подумайте, господа землевладѣльцы,—обращается авторъ къ этой группѣ,—куда же дѣваться этимъ людямъ, несправедливо лишеннымъ дара божія, земли, вопреки естественному закону природы и естественному праву? На это, пожалуй, отвѣтить не затруднятся господа землевладѣльцы; они скажутъ: пусть обрабатываютъ нашу землю «исполу»; т.-е. въ такомъ смыслѣ: владѣлецъ дастъ землю, не имѣющій земли дастъ свой трудъ на обработку земли, а потомъ получившійся урожай подѣлятъ попо-ламъ. Но подумайте, господа землевладѣльцы: вѣдь не имѣющій земли получитъ половину урожая за свой личный трудъ, ему бы слѣдовало получить и весь урожай, такъ какъ онъ произведенъ его трудомъ, а безъ его труда урожай не былъ бы произведенъ; но вы за что получите половину урожая, господа землевладѣльцы? Вы, пожалуй, скажете, что за землю? Но вѣдь вы землю произвести никогда не могли, создать ее, сдѣлать, увеличить тоже не могли! А, можетъ быть, вы при рожденіи своемъ извлекли землю изъ утробы матери своей?—въ такомъ случаѣ у васъ и явилась бы своя собственная земля, за которую вы и въ правѣ получать половину урожая... Нѣтъ, господа, нѣтъ! Земля есть даръ Божій всей человѣческой семьѣ! Получка половины урожая за землю—то же, что получка разбойника, пришедшаго къ мирному жителю и сказавшаго ему: «давай мнѣ хлѣба, овса, сѣна и золота, а не дашь, такъ я приду съ своими молодцами да и самъ возьму!» Приходится давать всего, дрожа за свою жизнь... Нѣтъ, господа землевладѣльцы, нѣтъ! Земля была землей до васъ, тѣмъ же будетъ и послѣ васъ. Въ силу какого закона мирный житель даетъ всего разбойнику, въ силу того же самаго даетъ неимущій земли половину урожая землевладѣльцу».

«Народы или, лучше сказать, отцы народовъ! посмотрите на животныхъ,—тѣ и то нравственнѣе васъ: по скольку головъ ходятъ въ одномъ табунѣ—по сто, по двѣсти, даже по тысячѣ, но всѣ они мирно щиплютъ

одну и ту же травку; довольно отогнать одной другую на пять, на десять шаговъ, а потомъ опять продолжаютъ мирно щипать ту же травку. Если животное прогонитъ отъ своего рыла другое на два, три, четыре, пять шаговъ, то тамъ уже признаетъ за нимъ такое же право, какъ и за собою: всѣ они получаютъ сколько кому надо. Да посмотрите, отцы народовъ, не только на домашнихъ, но и на дикихъ, не только на травоядныхъ, но и на хищныхъ животныхъ, даже и на птицъ, напримѣръ, гусей, утокъ: всѣ они живутъ большими обществами, и хотя они твари и немыслящія, но признаютъ другъ за другомъ одинаковое естественное право на всѣ благіе дары природы, и не издаютъ законовъ, но твердо и неуклонно подчиняются естественному закону природы. Но отцы народовъ, и не только свѣтскіе, но и высокопреосвященные златоносцы, не только сумѣли обойти и извратить ученіе Христа: «иже имѣетъ двѣ ризы, да отдастъ неимущему», и другія евангельскія истины, и естественный законъ природы, и естественное право, но даже отняли у людей самый высочайшій даръ Божій—свободу слова, заставили людей быть безгласными, какъ рыба. Отцы народа создали такіе законы, по которымъ люди не могли бы иначе мыслить, писать и говорить, какъ только то, что угодно тѣмъ же попечителямъ народа. Нѣтъ, господа, это все противно естественному закону природы и естественному праву!»

«Да, если животныя другъ за другомъ признаютъ одинаковое естественное право, то зато человѣкъ далеко обошелъ ихъ своими хитро придуманными законами. Животное прогнало отъ своего рыла другое на три-пять шаговъ и довольно; но человѣкъ гонитъ сто семьдесятъ другихъ человѣковъ отъ себя за десять, за пятнадцать за двадцать, даже за тридцать верстъ; это огромное пространство онъ считаетъ своимъ, къ которому не прикладывалъ ни физическаго, ни умственнаго труда и которое въ силу естественнаго закона природы съ каждымъ го-

домъ приращиваетъ свои богатства. На этомъ огромномъ пространствѣ много богатствъ прирастаетъ, но много ихъ и пропадаетъ; лѣса растутъ и подсыхаютъ и представляютъ изъ себя такую трущобу, въ которую и войти невозможно: тутъ подсохли и свалились деревья разныхъ возрастовъ, много стоитъ сухихъ, которыя не успѣли еще свалиться, но потомъ тоже свалятся... Сколько тутъ гніетъ и пропадаетъ добра безъ пользы; а также пропадаютъ безъ пользы лѣсные ручьи, лога, логовины: всѣ они заращены кустарникомъ, бурьяномъ, завалены валежникомъ. Все это могло бы быть вычищено и могло бы представиться хорошими покосами, съ которыхъ бы получалась не одна тысяча возовъ сѣна. Но, увы! все это и милліоны возовъ свалившагося лѣса пропадаетъ только потому, что одинъ человѣкъ прогналъ другихъ сто семьдесятъ человѣковъ, которые въ силу естественнаго закона природы одинаковое должны имѣть съ нимъ естественное право. Тогда всѣ одинаково были бы сыты и теплы и про всѣхъ бы хватило...»

«О, какъ человѣчество озвѣрѣло и одичало! Человѣчество должно бы издавать законы на основахъ естественнаго закона природы и на основахъ естественнаго права, и тогда въ такихъ законахъ человѣчество нашло бы миръ и упокоеніе. Но человѣчество сумѣло обойти этотъ святой свѣтильникъ, фонарь, не только въ языческомъ, но и въ христіанскомъ мірѣ; оно выковало такую цѣпь законовъ, которые небольшой кучкѣ даютъ и позволяютъ все, огромнымъ же массамъ не даютъ и не позволяютъ ничего. Но есть обличитель: это—естественный законъ природы, по которому всѣ люди одинаковыя имѣютъ потребности, а отсюда и вытекаетъ одинаковое для всѣхъ людей естественное право»...

III.

Такъ кончается вторая статья, изъ которой мы позволили себѣ буквально привести бо̀льшую часть, ибо именно здѣсь мы находимъ наивное, но глубоко-интересное этическое обоснованіе народнаго воззрѣнія на несправедливость частной земельной собственности. Какъ могла возникнуть подобная несправедливость?—это уже вопросъ исторически-правовой, и въ высшей степени интересно послушать, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ по своему крайнему разумѣнію «сѣрый» крестьянинъ, вооруженный учебникомъ русской исторіи Иловайскаго (!). Результаты, какъ мы это сейчасъ увидимъ—самые неожиданные; читатель ихъ найдетъ въ третьей и послѣдней статьѣ Назарова, озаглавленной: «Первые владѣтели русской земли. Незаслуженная награда. Заслуга безъ наградъ»; статья эта—своеобразная философія русской исторіи, центральнымъ пунктомъ которой является мысль объ исторической незаконности частной земельной собственности въ Россіи.

«Въ отдаленныя времена глубокой древности — такъ начинается эта статья—люди, тѣснимые другъ другомъ, заходятъ въ лѣсную глушь теперешней Россіи; люди эти, какъ передаетъ исторія, были разныхъ народностей, изъ которыхъ къ нашему времени составилась одна русская народность. Народы эти были такъ же свободны, какъ вѣтеръ: дичь въ лѣсу, зерно въ полѣ, плоды на деревьяхъ, рыба въ рѣкахъ и озерахъ—все принадлежало имъ. Но вотъ начинаются распри и раздоры между первыми владѣтелями русской земли. Это дало поводъ къ призванію князей изъ-за моря, отъ варяговъ; они пришли со всѣмъ своимъ племенемъ, которое называлось Русь, изъ котораго составилось военное сословіе или каста, называемая дружиной»... И далѣе въ статьѣ идетъ подробный пересказъ первыхъ трехъ вѣковъ русской исторіи строго «по Иловайскому»; освѣщеніе фактовъ, однако, всецѣло принадлежитъ са-

мому Назарову. Онъ подчеркиваетъ, что съ призваніемъ князей народъ утратилъ волю, «за народомъ осталась только тѣнь свободы — это вѣчевыя сходки», которыя, однако, были мало-по-малу уничтожены князьями.

Что же дали народу князья и дружинники? По мнѣнію Назарова, они разорили Россію и привели ее на край гибели. «Княжескіе рода размножились, а также и рода дружинниковъ; пошли раздоры и междоусобныя войны, которымъ не было конца. Князья воевали другъ съ другомъ не только при помощи своихъ дружинниковъ, но и при помощи своего народа, который принужденъ былъ отвоевывать интересы своего князя; въ случаѣ неудачи народъ расплачивался своей собственной шкурой, потому что народъ побѣжденнаго князя подвергался погромамъ и уводился въ плѣнъ, обращался въ холопство, рабство, со всѣмъ своимъ будущимъ потомствомъ, какъ князьями побѣдителями, такъ и ихъ дружинниками. Отъ такихъ безпорядковъ народъ разорялся и бѣдствовалъ»... Вотъ что́ дали русской землѣ князья и дружинники; но зато они взяли отъ народа и землю, и волю. «Земля понемножку стала окняжевываться и обояриваться, то-есть князья начинаютъ дѣлать захватъ земли въ свою собственность; то же право получаютъ отъ нихъ дружинники. Такимъ образомъ явились крупные и мелкіе землевладѣльцы помѣщики. Съ утратой земли народъ все еще считался какъ бы свободнымъ — онъ имѣлъ право перехода отъ одного помѣщика къ другому; но это все равно: что тому, что другому не миновать платить за землю частью урожая. Какая можетъ быть свобода для людей, не имѣющихъ своей земли? Тутъ нѣтъ и тѣни свободы. тутъ порабощенъ цѣлый народъ цѣлому военному сословію; только воля въ томъ, что могъ каждый рабъ перевести себя изъ рабства господина въ рабы другому господину. Но и это понемногу утрачивается—по давности жительства на одномъ мѣстѣ, при одномъ помѣщикѣ, или

при задолженности помѣщику: въ такихъ случаяхъ переходы не позволялись».

«Такую страшную награду получило военное сословіе или каста—княжескіе дружинники! За какую услугу? Ни за какую!.. Князья, призванные народомъ для отправленія правосудія (а не для отобранія земли народа и не для того, чтобы передать ее въ руки дружинниковъ) своими раздорами и междоусобными войнами довели народъ до такихъ страданій и отчаяній, что онъ не могъ переносить: онъ расходился съ кіевской земли куда попало; то же повторилось въ періодъ сѣверо-восточный. Князья обезсилили Россію своими раздорами, пролили кровь ея народа въ междоусобныхъ войнахъ. Сосѣди видѣли это; кто не брезговалъ случаемъ поживиться русскимъ добромъ, тотъ бралъ все, что́ хотѣлъ—хлѣбъ, скотъ, золото, плѣнниковъ; князья же не хотѣли этого видѣть и слышать—имъ некогда было: они сводили счеты между собой. Князья не только не могли или не хотѣли защитить народъ отъ сосѣдей, они даже часто сами заводили въ свою землю своихъ враговъ одинъ противъ другого — то варяговъ, то печенѣговъ, въ кіевскій періодъ; въ сѣверо-восточный періодъ сколько разъ заводили татаръ, какъ великихъ своихъ благодѣтелей; но эти приливы и отливы чужеземцевъ всегда были сопряжены съ народными погромами и плѣнниками»...

Таковы, по мнѣнію Назарова, итоги удѣльнаго періода русской исторіи: разореніе русской земли дружинниками и «незаслуженная награда» за это—переходъ всей земли въ собственность этихъ же самыхъ дружинниковъ, позднѣе образовавшихъ собою служилое дворянство. Въ московскомъ періодѣ эта награда становится, по выраженію Назарова, еще «страшнѣе», такъ какъ дворяне-помѣщики получаютъ въ собственность не только землю, но и народъ. Сперва московскіе князья и цари оказали Россіи нѣкоторую услугу—объединили ее, освободили отъ татарскаго ига, избавляли отъ самовластія мелкихъ князей, и

вообще «мало поддавались по пути къ народному безправію»; но вотъ явился Борисъ Годуновъ «и сдѣлалъ на этомъ пути сразу огромный скачекъ: онъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ тѣхъ помѣщиковъ, на которой они находились. Послѣ этого помѣщики получили народъ въ рабство; они могли продавать и покупать людей, какъ домашнихъ животныхъ. Эта страшная награда не только не заслужена, но и незаконна: не заслужена потому, что они—помѣщики, княжескіе дружинники — не спасли Россію отъ варварскихъ нашествій, какъ, напримѣръ, отъ татаръ; незаконна потому, что первоначально рабство на землѣ явилось такъ: во-первыхъ, во время голода родители продавали своихъ дѣтей, во-вторыхъ, въ рабство обращались военноплѣнные. Но Борисъ Годуновъ, во-первыхъ, не терпѣлъ голода и не былъ отцомъ всѣхъ русскихъ людей, а во-вторыхъ, всѣ русскіе люди не были военноплѣнными Бориса»...

Какъ бы то ни было, но беззаконіе совершилось, и крестьяне окончательно утратили и землю, и волю; исконныя права крестьянъ произвольно попирались помѣщиками. Такъ, напримѣръ, замѣчаетъ Назаровъ, согласно канонамъ, духовенство должно избираться прихожанами; но мѣстные крупные помѣщики добивались отъ епископовъ постановленія во священники своихъ холоповъ, черезъ которыхъ и извлекали изъ народа лишніе доходы. «Да, ставленный священникъ—какое слово правды ученія Христова могло исходить отъ него къ человѣку, котораго онъ былъ собственностью, рабомъ? То же самое и къ народу, котораго онъ могъ учить и наставлять только тому, что было выгодно его господину»...

Потянулись вѣка крѣпостного права. Какъ могъ вынести его народъ? Народъ, отвѣчаетъ Назаровъ, «былъ доведенъ до конца умственнаго отупѣнія, вслѣдствіе котораго и былъ потомъ способенъ переносить надъ собой такія страшныя надругательства»... И онъ приводитъ рядъ мѣстныхъ воспоминаній и преданій объ ужасахъ крѣпостного права. Такъ, напримѣръ, помѣщикъ Демидовъ въ селѣ Турабьевѣ и прилегающихъ къ нему деревняхъ (Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи) ввелъ въ своихъ помѣстьяхъ jus primae noctis; другой помѣщикъ ввелъ такой обычай: драть арапникомъ на своей конюшнѣ по опредѣленному числу человѣкъ въ день—«есть виновные или нѣтъ, а чтобы положенное количество было выдрано»... Другіе травили собаками крестьянскихъ дѣтей; такъ, напримѣръ, въ сельцѣ Грибановѣ (того же уѣзда) помѣщикъ Хилковъ затравилъ собаками крестьянскую дѣвочку; «псарь Миркидошка Сѣдой, явившись на мѣсто травли, находитъ оглоданнаго ребенка еще живымъ, беретъ его и ударяетъ о березу»...

«Вотъ до чего былъ доведенъ первый владѣтель своей земли, народъ!—восклицаетъ Назаровъ.—Если бы исходить всю Россію изъ конца въ конецъ, собрать народныя преданія о народныхъ поруганіяхъ, то ихъ столько бы набралось, что не могли бы вмѣстить этихъ книгъ многія библіотеки... Да, народъ призвалъ князей съ ихъ дружиной для отправленія правосудія, а также и для защиты своей земли отъ набѣговъ и разореній сосѣднихъ народовъ, а не для того, чтобы эти избранные его правители обезправили и обезземелили его, перваго владѣтеля земли, не для того, чтобы поставили его въ рабское положеніе плѣнника! Нѣтъ! въ этомъ нѣтъ закона, его не видно тутъ—тутъ одинъ произволъ и насиліе!»...

Таковы итоги московскаго періода русской исторіи. Но вотъ является Петръ, а вмѣстѣ съ нимъ, по мнѣнію Назарова, на историческую сцену выступаетъ и самъ русскій народъ. Петръ создаетъ крестьянскую регулярную армію, дѣлаетъ рекрутскіе наборы, опирается не на дружинниковъ, а на весь народъ—и Россія покоряетъ полъміра; шведы побѣждены; русскіе вышли къ «европейскому свѣту», затѣмъ «покорили черноморскіе берега, присоединили Польшу, покорили Кавказъ, Закавказье, Средне-азіатскія владѣнія, побѣдили Наполеона»... Такимъ

образомъ, самъ народъ возвелъ Россію на степень могущественной державы, раздвинулъ предѣлы государства и далъ странѣ внутренній міръ: «вотъ въ этой великой, первоклассной державѣ никто не страшится иностранныхъ погромовъ, какъ это было при княжескихъ дружинникахъ: въ ней купцы спокойно, безопасно торгуютъ; духовенство, монашество воспѣваютъ Господа, даровавшаго имъ миръ; военная каста, княжескіе дружинники, то-есть теперешнее дворянство, съ наслажденіемъ попивало кровь изъ безправнаго народа»...

Всѣ они—и купцы, и дворяне, и духовенство — благоденствуютъ за счетъ крестьянства, за счетъ народа, который изнываетъ въ мучительномъ рабствѣ и который въ то же время строитъ и устрояетъ Россію. И какъ бы отъ лица всего крестьянства Назаровъ обращается къ «господствующимъ классамъ» со слѣдующими словами: «Да, насъ здѣсь четыре сословныхъ брата — крестьянство, купечество, дворянство, духовенство; да, сословные братья, вы должны видѣть мою заслугу предъ царемъ и предъ вами: до сихъ поръ я, крестьянство, одно несло военную службу, купечество и духовенство облегчено — вовсе не служило въ войскѣ, а дворянство служило только по охотѣ. Поэтому и выходитъ такъ, что весь этотъ путь, который проѣхала Россія отъ страны, разоренной междоусобицами, до степени первоклассной державы, она проѣхала на одномъ крестьянствѣ»...

Такова громадная заслуга крестьянства, заслуга (по выраженію Назарова) «передъ царствующимъ домомъ и остальными сословіями»... И если въ оное время дружинники безъ всякой заслуги получили громадную, «страшную» награду — землю и людей, то какую же награду должно было получить крестьянство, кровью своей спаявшее Россію, сдѣлавшее ее могущественной державой? И получило ли оно ее? «...Скажите же, отцы народа, — спрашиваетъ Назаровъ,—какую награду получило крестьянство, то-есть народъ, за такія огромныя заслуги, кото-

рыя удивляли весь міръ?»... На этотъ вопросъ самъ Назаровъ даетъ два предполагаемые отвѣта: наградой крестьянства могутъ назвать прежде всего освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, т.-е. возвращеніе крестьянамъ части прежней воли; во-вторыхъ, такой наградой могутъ счесть отдачу крестьянамъ надѣльныхъ отрѣзковъ за выкупъ, т.-е. возвращеніе части земли. Назаровъ рѣшительно отвергаетъ правильность и перваго, и второго рѣшенія. «Вы, можетъ быть, скажете: что же, какъ не награда, уничтоженіе крѣпостного права царемъ-освободителемъ? — Это вовсе не награда. Царь-освободитель только снялъ тѣ цѣпи съ народа, которыя незаконнно наложилъ на него Борисъ Годуновъ; такимъ образомъ, царь-освободитель уничтожилъ то беззаконное поруганіе надъ священною личностью человѣка, которое создалъ Борисъ Годуновъ. Вы скажете, что царь-освободитель далъ въ награду народу надѣльную землю, взятую у помѣщиковъ за выкупъ. — Это тоже не награда. Въ надѣльной землѣ была продана за двойную цѣну половина той вещи пра-правнуку, которая была взята ни за что у его пра-прадѣда; царь-освободитель уничтожилъ беззаконіе Бориса Годунова, но въ то же время допустилъ незаконность выкупа надѣльной земли. Какъ сказано выше, земля была достояніемъ народа, но князья и ихъ дружинники лишили народъ права собираться на вѣчевыя сходки; такимъ образомъ безправный народъ не могъ удержать своей земли, на которую дѣлали беззаконное посягательство князья и ихъ дружинники. Вотъ видите, не только часть земли безъ выкупа долженъ бы получить народъ, но и всю землю цѣликомъ, со всѣми лѣсами и покосами, какъ исконное свое достояніе»... «...Да, въ уничтоженіи крѣпостного права можно видѣть уничтоженіе беззаконія, а въ надѣленіи землей за выкупъ—попущеніе незаконности, но въ томъ и другомъ нѣтъ награды за народныя заслуги»... Но народъ такой награды и не ждетъ, и не желаетъ: онъ ждетъ

только справедливости, возврата исконнаго своего достоянія; наградить же народъ нельзя ничѣмъ, ибо заслуги его невознаградимы (разумѣется, Назаровъ говоритъ здѣсь не только о матеріальной, но и о нравственной невознаградимости). «Народныя заслуги предъ государями императорами и другими сословіями невознаградимы. Если бы отцы народа отдали бы народу всю землю, и тогда не было бы награды, а только бы возвратили народу его исконное достояніе. За народныя заслуги не можетъ быть наградъ, ихъ невозможно подыскать».

Выводъ ясенъ: «народныя заслуги» не были оцѣнены; безправный, рабскій народъ не дождался даже простой справедливости отъ «господствующихъ классовъ», загребавшихъ жаръ его руками. Для кого же народъ работалъ? Чтó заставляло его проливать свою кровь? Кому это было на пользу?

«...Вы скажете, читатель,—говоритъ Назаровъ,—для чего же народъ проливалъ свою кровь въ жестокихъ войнахъ съ сосѣдями, запечатлѣлъ окраины Россіи своими могильными курганами? Я могу сказать только то: для чего много столѣтій подъ рядъ посрединѣ арены римскаго амфитеатра, по равному числу, партія на партію, сражались смертнымъ боемъ гладіаторы, при огромномъ стеченіи публики, которая запруживала весь амфитеатръ?.. Въ самыхъ дорогихъ ложахъ находились правители Рима, какъ-то: императоры, диктаторы, консулы, благородные патриціи съ ихъ матронами... Если двѣ партіи по пяти человѣкъ истребятъ другъ друга въ смертномъ бою, то служители желѣзными крючьями извлекаютъ обезображенные трупы, затѣмъ засыпаютъ пескомъ лужи крови, а потомъ уже вводятъ двѣ партіи по десяти человѣкъ. Эти двадцать жизней падутъ, какъ первыя; затѣмъ двѣ партіи по двадцати человѣкъ,—и съ этими повторится то же; и это повторялось много столѣтій. Вы скажете: для чего все это?

«Отвѣтъ простой: въ этомъ находили для себя удовольствіе римляне, всемірные владыки, побѣдители. Теперь зададимся вопросомъ: какая разница между римскими гладіаторами и нашими солдатами, которые были до царя-освободителя?..» Отвѣчая на этотъ вопросъ, Назаровъ дѣлаетъ слѣдующую характерную экскурсію въ область русской исторіи начала XIX-го вѣка. «Наполеонъ—заявляетъ Назаровъ—въ 1808 году покорилъ Польшу и тутъ же уничтожилъ крѣпостное право; затѣмъ въ 1810 году покорилъ королевство Прусское, и въ этотъ же 1810 годъ Наполеонъ продиктовалъ прусскому королю уничтожить крѣпостное право. Значитъ, въ обѣихъ этихъ странахъ крѣпостное право уничтожилъ Наполеонъ, да при томъ на цѣлое полустолѣтіе раньше нашего. Намъ извѣстно, что Наполеонъ былъ въ Москвѣ въ 1812 году, въ которой былъ побѣжденъ русскими войсками, а потомъ съ позоромъ былъ выгнанъ изъ Россіи беззавѣтно храбрыми русскими войсками. Ну, а если бы Наполеонъ былъ не побѣжденъ въ Москвѣ, если бы Наполеонъ остался такимъ же побѣдителемъ въ Россіи, какимъ онъ былъ въ Пруссіи и въ Польшѣ, тогда онъ непремѣнно поступилъ бы такъ же въ Россіи, какъ поступилъ въ Пруссіи и въ Польшѣ: крѣпостное право тутъ же бы было уничтожено... Но мы знаемъ, что русскіе солдаты побѣдили армію Наполеона и этимъ сами завоевали на спину своихъ братьевъ, крѣпостныхъ крестьянъ, палку рабовладѣльцевъ, господъ помѣщиковъ, на цѣлыхъ сорокъ восемь лѣтъ. Теперь ясно, для чего народъ проливалъ свою кровь: онъ проливалъ ее за свое безправіе. Наши солдаты завоевывали для своихъ братьевъ, крѣпостныхъ крестьянъ, рабское безправіе, а для господъ помѣщиковъ—безграничный произволъ рабовладѣльцевъ. Но если русскіе солдаты въ жестокихъ смертныхъ бояхъ приносили свою жизнь въ жертву рабовладѣльческаго произвола господъ помѣщиковъ, то зато какое удовольствіе имѣли эти господа помѣщики, когда читали газеты въ своихъ имѣніяхъ про самоотверженіе солдатъ!..» «Теперь, читатель—не безъ

ядовитости заключаетъ Назаровъ,—сами рѣшите, какая разница между римскими гладіаторами и русскими солдатами, которые сражались въ отечественной и крымской войнахъ? Гладіаторы сражались для удовольствія римлянъ, всемірныхъ владыкъ, побѣдителей, а солдаты сражались для удовольствія рабовладѣльцевъ, господъ помѣщиковъ...»

И такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока войны были для насъ удачны; проигранная крымская кампанія дала въ результатѣ освобожденіе измученному народу. «Крымская война—заявляетъ Назаровъ—была для насъ несчастіемъ потому, что не имѣла благопріятнаго конца, какъ отечественная; но послѣ этого несчастья было уничтожено крѣпостное право, послѣ этого несчастья явилась народу тѣнь свободы, путь къ полусвѣту и къ полузнанію, путь, по которому народъ прошелъ до турецкой войны, въ которой показалъ себя достойнымъ защитникомъ своихъ братьевъ по крови и по вѣрѣ, южныхъ славянъ. Но вотъ послѣ этого народъ снова побрелъ по пути полу-свѣта и полу-знанія, до нашего времени. Вдругъ расходится среди народа слухъ, что началась война на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей. Народъ всколыхнулся, принялъ возбужденное состояніе. Призываютъ запасныхъ въ дѣйствующую армію. Разговоръ среди крестьянъ:

Первый. За что я пойду воевать? Самъ-пять, жена, трое дѣтей; одна душа—полъ-десятины въ полѣ—въ трехъ поляхъ...

Второй. А я безземельный, дворовый; живу портняжествомъ. Шить одежду, я думаю, и японцамъ надо, а воевать мнѣ тоже нѣтъ нужды...

Третій. Кто имѣетъ десятки тысячъ десятинъ, тому есть за что, тотъ и шелъ бы воевать...

Четвертый. Тутъ сдѣлано такъ: у кого много земли, тотъ будетъ дома сидѣть да газеты читать, а ты и поди!..

Пятый (фабричный). А меня на что туда? У меня ничего нѣтъ... Ну, да все равно, гони! Я и тамъ при первомъ удобномъ случаѣ уйду въ англійскія колоніи, а если перехватятъ японцы—сдамся, а воевать не буду!..

(Расходятся; проходитъ полицейскій).

«И въ самомъ дѣлѣ: пораженіе сухопутныхъ армій, бунты на эскадрѣ, уничтоженіе всей русской морской силы, а тамъ полтораста тысячъ военноплѣнныхъ русскихъ въ Японіи—что́ же все это значитъ? А потомъ бунты въ собственныхъ портахъ, мятежи по всей Россіи, бой на баррикадахъ въ Москвѣ—что́ все это значитъ?..»

И отвѣтъ, который дается Назаровымъ на этотъ вопросъ, является въ то же самое время общимъ резюме ко всѣмъ его тремъ вышеизложеннымъ статьямъ:

«Отвѣтъ простой: на землѣ нѣтъ ничего постояннаго, все идетъ и измѣняется. Періодъ безправнаго, рабскаго, слѣпого повиновенія прошелъ безвозвратно. Еще разъ повторю: народъ призвалъ князей съ ихъ дружинниками для отправленія правосудія и для защиты страны отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ, а не для того, чтобы князья обезземелили его, перваго владѣтеля земли, не для того, чтобы князья передали его землю дружинникамъ; этотъ захватъ народной земли—незаконный и насильственный. Если народъ проситъ передать землю въ его руки, то онъ проситъ уничтоженія беззаконія и насильства. Отцы и попечители народа! услышьте гласъ народа, избавьте отъ грабежа и насилія, которые онъ терпитъ отъ земельной собственности, передайте народу даръ небеснаго Отца!..»

IV.

Таково воззрѣніе русскаго крестьянства на частную земельную собственность... Въ статьяхъ Назарова ясно и рельефно выражена если не мысль, то чувство большинства представителей деревни; мы имѣемъ право на такое обобщеніе, ибо и самъ Иванъ Назаровъ—крестьянинъ уже стараго поколѣнія, типичный рядовой крестьянинъ, стояв-

шій всю свою жизнь внѣ всякихъ просвѣтительныхъ вліяній, уже давно пришедшій къ основнымъ положеніямъ своихъ статей (и только недавно ихъ сформулировавшій, что́ отразилось на формѣ изложенія). Кромѣ того, сдѣлать подобное обобщеніе позволяетъ намъ и указанный выше фактъ восторженнаго отношенія крестьянскихъ массъ къ неоднократно читаннымъ имъ мною статьямъ Назарова.

Этими статьями резюмируется и исчерпывается точка зрѣнія крестьянскихъ митинговъ и собраній на теоретическую сторону вопроса о частной земельной собственности; но именно эта сторона вопроса почти совсѣмъ не дебатировалась на собраніяхъ; слишкомъ уже элементарна для каждаго крестьянина та мысль, что вся земля должна принадлежать земледѣльцу. Центръ тяжести споровъ сосредоточивался на формахъ владѣнія землей, послѣ того, когда она вся отойдетъ къ крестьянству, какъ къ классу, «сидящему на землѣ». На собраніи 13-го ноября въ селѣ Лобцовѣ самими крестьянами былъ ребромъ поставленъ вопросъ о томъ, какъ «распорядиться» съ землей? Одинъ изъ мелкихъ земельныхъ кулаковъ, крест. дер. Кс ты выступилъ съ предложеніемъ раздѣленія всей земли по душамъ въ вѣчное подворное владѣніе, но не встрѣтилъ поддержки въ собраніи; наоборотъ, ему не дали договорить до конца, и отъ лица всего собранія ему возражалъ одинъ старикъ изъ дер. Бурачихи: «Подворное вѣчное владѣніе — для насъ одинъ зарѣзъ. Вотъ въ нашей деревнѣ передѣляемъ землю по ревизскимъ душамъ—оно и выходитъ безъ мала на одно и то же, что подворное владѣніе,—а что́ въ томъ хорошаго? Вотъ у насъ иная дѣвка 5 душъ земли имѣетъ, а иной парень идетъ на сторону, такъ какъ всего-то у него $^{1}/_{2}$ души земли... Такъ и со всѣми будетъ, если всю землю подѣлить навѣки»... Эта рѣчь была встрѣчена утвердительнымъ гуломъ собранія: «вѣрно, вѣрно!»... «Не по Божьему это выйдетъ!»... «Лѣтъ черезъ двадцать тогда, гляди, сожмутъ всѣхъ въ кулакъ

богатеи...» и т. п. Тутъ же рѣчь зашла и о манифестѣ 3-го ноября, о покупкѣ земли черезъ крестьянскій банкъ и о правительственномъ сообщеніи отъ 3-го ноября (о переходѣ надѣльныхъ земель, согласно «Положенію о выкупѣ» и въ отмѣну закона 14-го декабря 1893 г., — въ полную крестьянскую собственность, начиная съ 1-го янв. 1907 г.). Къ послѣднему закону собраніе отнеслось вполнѣ отрицательно, предполагая, очевидно, въ немъ выраженный implicite тотъ же переходъ частной собственности на землю и опасаясь одинаковаго результата—концентраціи земель въ рукахъ кулаковъ. Что же касается дѣятельности крестьянскаго банка, то нечего и говорить, что отношеніе къ ней крестьянъ безусловно отрицательное, особенно тамъ (напр., въ Глумовской волости), гдѣ черезъ посредство крестьянскаго банка цѣлый рядъ имѣній перешелъ въ руки крестьянъ На томъ собраніи, о которомъ идетъ рѣчь, одинъ молодой крестьянинъ произнесъ настоящую филиппику противъ крестьянскаго банка; по моей просьбѣ онъ потомъ записалъ свои слова (довольно близко) и принесъ мнѣ цѣлую маленькую статейку о крестьянскомъ земельномъ банкѣ, подписавшись характернымъ псевдонимомъ: «Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ»... Это крестьянинъ лѣтъ 21—22, имѣетъ брата на фабрикѣ, самъ постоянно читаетъ газеты («Сынъ От.», «Русск. Вѣд.»), что́ и отразилось на его слогѣ. Вотъ эта статейка.

Нѣсколько словъ о крестьянскомъ земельномъ банкѣ.

Правительство объявило, что операціи крестьянскаго земельнаго банка будутъ расширены. И мѣропріятіемъ этимъ, будто бы, будетъ устранено то крестьянское малоземелье, которое такъ чувствительно стало за послѣднее время, что привело крестьянъ къ такимъ аграрнымъ волненіямъ и безпорядкамъ. Но неужели правительство не

можетъ или не хочетъ понять и вникнуть въ настоящія нужды крестьянскаго населенія? Вѣдь такими ничтожными мѣрами въ настоящее время вовсе невозможно удовлетворить нужду крестьянина, да при томъ еще крестьянина раздраженнаго... Вѣдь не всѣ же землевладѣльцы согласны будутъ продать свои собственности; эти господа не такъ-то легко откажутся отъ удовольствія тянуть сокъ, силы и кровь изъ крестьянскаго населенія. Ну, да допустимъ, что нѣкоторые землевладѣльцы и продадутъ свои участки крестьянамъ, то опять же таки воспляшутъ эти дармоѣды, а никакъ не крестьяне... Ну, какая же тутъ будетъ помощь крестьянской бѣдѣ? Тутъ будетъ только одно разореніе и безъ того уже обнищалаго крестьянина.

Какая тутъ страшная картина представится передъ взоромъ даже простого наблюдателя!—Изъ одной половины крестьянъ попрежнему будутъ тянуть сокъ и кровь землевладѣльцы, а другая половина крестьянъ, воспользовавшись помощью крестьянскаго земельнаго банка и купивъ въ вѣчность по жалкому клочку земли, благодаря этой услугѣ и якобы «отеческой опекѣ и заботливости», обязана будетъ платить въ это «благотворительное» учрежденіе годовъ 50 такія огромныя суммы, что будетъ плечамъ и спинѣ жарко!.. И какой коварный замыселъ скрывается въ этомъ благотворительномъ для крестьянъ учрежденіи! Въ настоящее время у крестьянъ купленной земли мало, вся она еще находится въ рукахъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а потому и противоположность интересовъ находится между небольшой кучкой обирохъ и дармоѣдовъ и массой крестьянъ. Но если это благотворительное учрежденіе просуществуетъ годовъ двадцать или тридцать, то противоположность интересовъ окажется уже и между крестьянами, такъ какъ нѣкоторые крестьяне, купившіе клочокъ земли и почти уже выкупившіе ее, не захотятъ уступить ее даромъ... И вотъ тогда уже крупные землевладѣльцы и правительство будутъ какъ за каменной

стѣной, только и скажутъ, поглядывая на насъ: грызитеся, молъ!..

Но если бы попечители и отцы народа хотѣли отъ всей души и чистаго сердца помочь народу, то надо помогать уже не такими ничтожными и при томъ гнусными благотворительностями. Въ настоящее время пора бы уже и даже крайне необходимо произвести въ Россіи такую земельную реформу, чтобы каждый житель получилъ земли по равному количеству. Сдѣлать это необходимо и въ силу простой справедливости. Ради этого и такъ уже много пролито невинной крови и принято много горя и мученій, и конца имъ не видно; а потому, пока есть время, надо бы рѣшить съ этимъ вопросомъ и предотвратить еще бо́льшія бѣды и несчастія. Надо бы уже правительству пойти навстрѣчу народнымъ требованіямъ и желаніямъ. . . . .

Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ...

Въ этой статейкѣ съ полной ясностью и очевидностью отражается отношеніе крестьянства къ покупкѣ земли въ собственность отъ землевладѣльцевъ; отъ всякой покупки крестьяне категорически отказывались. Какая ужъ тутъ могла быть рѣчь о покупкѣ отдѣльныхъ земель, если подавляющее большинство крестьянъ не хотѣло ничего слышать о выкупѣ всей земли, основываясь при этомъ на мотивахъ чисто этическаго характера? Въ одномъ изъ приговоровъ, написанномъ въ селѣ Скомовѣ, дважды подчеркивается твердое рѣшеніе крестьянства, ни въ коемъ случаѣ землю «не отнюдь выкупать»... Это «не отнюдь» по отношенію къ выкупу было убѣжденіемъ всѣхъ и каждаго въ деревнѣ.

Но въ только-что приведенной статейкѣ есть болѣе интересный пунктъ, по поводу котораго произошли глубоко характерные дебаты и на собраніи 13-го ноября. Это—указаніе на немедленную необходимость такой земельной реформы въ Россіи, «чтобы каждый житель по-

лучилъ земли по равному количеству»... Именно послѣ этихъ словъ «молодого, не вытерпѣвшаго крестьянина» поднялся старикъ изъ деревни Пинагорь съ такимъ предложеніемъ: «Земля, братцы, пусть будетъ вся общественная, только дѣлитъ ее пусть не сельскій сходъ, а волостной, а еще лучше—уѣздный. Скажемъ такъ: пошлемъ мы отъ каждаго сельскаго схода одного уполномоченнаго въ уѣздный городъ (Юрьевъ-Польскій); соберется ихъ тамъ столько, сколько сходовъ въ уѣздѣ, примѣрно человѣкъ двѣсти-триста. Вотъ они и обсудятъ, и увидятъ—гдѣ земли мало, гдѣ много, отъ кого взять, кому дать. А лѣтъ черезъ пять, шесть, десять опять соберутся и опять всю землю передѣлятъ»... Такимъ образомъ, идея соціализаціи земли по областямъ непосредственно родилась въ народномъ сознаніи; выступившій слѣдующимъ ораторомъ одинъ изъ присутствовавшихъ интеллигентовъ только подробнѣе развилъ эту мысль и разсказалъ о различныхъ теоріяхъ соціализаціи и національзаціи земли. Интересно, что всѣ симпатіи присутствовавшихъ крестьянъ оказались на сторонѣ соціализаціи, такъ какъ, очевидно (и это выяснилось изъ преній), большинство опасалось централизованной власти въ вопросѣ о передѣлѣ земель при національзаціи и потому стояло за областное начало—уѣздъ и губернію. Но тутъ же самими крестьянами была высказана необходимость новаго областного дѣленія—по формамъ экономическихъ отношеній; напр.: «пусть Аньковская волость отойдетъ тогда къ Ярославской губерніи—они люди отхожіе и торговые, у нихъ и дѣлежъ земли другой будетъ», и т. п.; опускаю подробности споровъ о преимуществахъ національзаціи, напр., въ вопросѣ о переселеніяхъ *).

На слѣдующемъ собраніи 20-го ноября въ селѣ Скомовѣ собралось до 600 крестьянъ изъ окрестныхъ деревень; такъ какъ среди нихъ было десятка три-четыре побывавшихъ на всѣхъ предыдущихъ митингахъ, то эта группа лицъ уже выдѣляла изъ себя рядъ «лидеровъ», толковыхъ, иногда даже талантливыхъ ораторовъ. Поэтому собраніе прошло въ громадномъ порядкѣ и оказалось весьма содержательнымъ; прежде всего были повторены, объяснены и еще разъ формулированы основныя положенія предыдущихъ собраній. Передача земли безъ выкупа трудящемуся на ней классу, соціализація земли, уравнительное землепользованіе, передѣлы черезъ 5—10 лѣтъ—вотъ краткое резюме тѣхъ положеній, которыя повторялись (и принимались) на каждомъ собраніи; но каждое собраніе вносило и отъ себя кое-что новое. На этомъ собраніи 20-го ноября первый изъ новыхъ ораторовъ, крестьянинъ деревни Наталихи, затронулъ вопросъ — какъ на практикѣ провести уравнительный передѣлъ; мысль его была такова: немедленно по отчужденіи всѣхъ земель въ пользу всѣхъ трудящихся не производить перваго передѣла, а сначала общими силами, путемъ соглашенія выборныхъ отъ обществъ, расцѣнить всю землю, раздѣлить ее по качеству на разряды: «сперва расцѣнка, а потомъ разверстка, вотъ какъ я думаю, ребята»... Если же сразу разверстать (по приблизительнымъ подсчетамъ), то не миновать всякихъ кляузъ и взятокъ... Съ ораторомъ всѣ согласились, что, конечно, разверстка должна произойти послѣ расцѣнки, но ему возражали, что никакія «кляузы» въ такомъ «общественномъ» дѣлѣ невозможны: «каждый будетъ подъ глазами всѣхъ и права у всѣхъ будутъ одинаковы»... «Нѣтъ, братъ, тѣ времена прошли! Съ помѣщика грошъ, а съ меня рубль возьмешь—шалишь! этого больше не будетъ»... и т. п. Этимъ вопросъ былъ исчерпанъ.

Новый ораторъ, старый крестьянинъ изъ села Тукова, сразу возбудилъ глубокій интересъ и жадное вниманіе всей толпы слушателей; смыслъ его рѣчи былъ

*) Надо замѣтить, что термины „соціализація" и „національзація" не покрываютъ собою того содержанія, которое вкладывалось крестьянами въ рѣчи о раздѣлѣ земли; употребленіе здѣсь этихъ терминовъ вполнѣ условно.

тотъ, что соціализація земли есть палліативъ, и что черезъ 15—20 лѣтъ опять будутъ малоземельные крестьяне, и «опять всѣ мы будемъ въ кулакѣ у кулака»... Пусть вся земля будетъ передана народу, пусть будетъ уравнительное землепользованіе, пусть будутъ передѣлы земли лѣтъ черезъ 5—10, пусть на душу причтется, напримѣръ, по 3 десятины. «Теперь, примѣрно, такъ: у меня семья въ 5 душъ и у тебя семья въ 5 душъ; я мужикъ бѣдный, ты — богатый; у тебя и плугъ-скоропашка, и двѣ лошади, и корова, и овцы, и всякая снасть, а у меня лошаденка ледащая, я сохой землю ковыряю, а, можетъ, я вовсе безлошадный. Тебѣ причтется 15 десятинъ и мнѣ 15 десятинъ—да что мнѣ въ нихъ толку? Развѣ мнѣ съ моей снастью въ силу ихъ обработать? Да я и половины того не выработаю, что ты, да къ тебѣ же еще и за хлѣбомъ весною приду. Значитъ, братцы вы мои, не въ одной землѣ тутъ дѣло: дай мнѣ землю, да дай и силу ее обработать. А ежели я безлошадный? Или возьмемъ такъ: у меня въ первый же годъ лошадь пала и изба сгорѣла—тутъ какъ быть? И опять-таки я со всей своей землей могу попасть въ лапы къ тому же кулаку, который и теперь изъ меня кровь сосетъ»... Эта рѣчь и была основной темой всего собранія 20-го ноября; болѣе десяти человѣкъ отвѣчали на нее, предлагали свои мнѣнія и соображенія — какъ устроить такъ, «чтобы кулакомъ въ деревнѣ и не пахло» и чтобы деревенская бѣднота была избавлена отъ необходимости сама своей рукой накидывать себѣ на горло петлю—обращаться къ кулаку. Особенно выдѣлилось мнѣніе четырехъ крестьянъ. Первый предлагалъ всеобщее обязательное страхованіе скота и построекъ въ томъ собраніи выборныхъ отъ крестьянъ, которое будетъ собираться отъ всего уѣзда (см. выше); другими словами, онъ предлагалъ своего рода взаимную круговую поруку отъ несчастныхъ случаевъ, но круговую поруку между членами всего волостного, уѣзднаго и даже областного крестьянства, а не только между членами одного сельскаго

общества. «Какъ думаете, православные, во всемъ, значитъ, нашемъ уѣздѣ будетъ крестьянскихъ дворовъ тысячъ двадцать-тридцать? Я такъ думаю — будетъ. Примѣрно сказать—пала у меня лошадь: собирай съ каждыхъ двухъ-трехъ дворовъ по копѣйкѣ! А ежели не съ уѣзда, а съ губерніи—еще лучше! Собирать придется хоть и часто, да по малу — и выйдетъ оно совсѣмъ по божьему!»... — Второй ораторъ — старозавѣтный, сѣрый, даже неграмотный крестьянинъ села Дубровки, самъ того не подозрѣвая, чуть ли не буквально предложилъ теорію Прудона о народномъ банкѣ съ его безвозвратными ссудами. Третій высказалъ мысль о необходимости уравнительныхъ передѣловъ не только земли, но и живого и мертваго инвентаря («снасти», по мѣстному выраженію): «пусть и весь скотъ, и всѣ плуги, всѣ жнейки, все дѣлится вмѣстѣ съ землей»... Это предложеніе вызвало и смѣхъ, и негодованіе: «а ну-ка, подѣли семь плуговъ на сорокъ дворовъ! Эхъ ты, голова съ затылкомъ! Мою лошадь, да чтобъ я на передѣлъ отдалъ!»... и т. п. Когда же ораторъ договорилъ свою мысль, требуя общественнаго производства работъ такъ, чтобы «все было общественное — тогда не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ и кулаку негдѣ будетъ завестись»,—то собраніе отнеслось къ этому еще болѣе отрицательно; въ изобиліи посыпались почти буквально тѣ же возраженія, которыя когда-то дѣлалъ Иванъ Ермолаевичъ Глѣбу Успенскому: «Нешто это возможно! нестаточное это дѣло! тутъ никакихъ способовъ нѣтъ: сообща работать — это не выйдетъ! какъ можно! снасть разная, лошадь разная, навозъ разный, и трудъ, по мужику глядя, разный — тутъ какъ быть?.. Нѣтъ, не выйдетъ! у одного одинъ характеръ, у другого другой!.. Вотъ еслибъ всѣ люди ангелами были, тогда сдѣлай милость!»... И тѣ самые крестьяне, которые возставали противъ подворной земельной собственности, явились въ этомъ эпизодѣ наиболѣе яркими выразителями индивидуалистическихъ хозяйственныхъ тенденцій. — Наконецъ, послѣдній изъ ораторовъ-крестьянъ,

говорившій уже въ самомъ концѣ затянувшагося собранія, высказалъ ту мысль, что, конечно, даже переходъ всей земли народу будетъ палліативомъ, если будетъ вполнѣ изолированнымъ фактомъ; но если переходъ этотъ будетъ сопровождаться широкимъ ростомъ школьнаго дѣла, просвѣщеніемъ массъ, уничтоженіемъ попечительной опеки надъ крестьянствомъ,—то дѣло можетъ принять и другой оборотъ. «Вотъ тутъ говорили, что какъ ни устраивай дѣлежъ земли, когда она вся будетъ наша, а все-таки бѣднаго мужика безпремѣнно кулакъ слопаетъ. Что и говорить—жить всѣ ровно какъ по божьему мы только и будемъ въ царствѣ Божіемъ; но только все это, господа-собраніе, одни напрасные разговоры... Я думаю такъ: когда вся земля будетъ наша и когда дѣлить мы ее будемъ поровну, то и тогда изъ нашего брата будутъ и таланные и безталанные, толковые и безтолковые, и богатые и бѣдные; но объ этомъ намъ теперь и толковать нечего. Вотъ у меня теперь семья самъ-шестъ, по 1/4 десятины надѣльной, три десятины покупаю (т.-е. арендуетъ. И.-Р.) по 20 руб., обложенія въ годъ плачу съ души рублевъ 15; ежели же мнѣ дадутъ земли хоть по десятинѣ на душу, да раза въ три убавятъ налоги—Господи, Боже мой! неужто не станетъ мнѣ свободнѣй? Такъ я, такъ и другіе... А чтобы потомъ насъ опять-таки кулакъ не слопалъ — надо намъ школъ побольше, а земскихъ начальниковъ поменьше: дай намъ воли, дай книжку понять, такъ мы и сами съ кулакомъ управимся! А коли все же найдутся неудачливые въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ,—такъ ихъ тогда не должно быть много. Я думаю такъ: прóцентовъ 10 будетъ у насъ мужиковъ богатеевъ, прóцентовъ 70 насъ смогутъ оправдать свои семейства, а если остальные прóценты и уйдутъ на фабрику—то и имъ, и намъ хорошо; на фабрикѣ тогда цѣны будутъ дороже, потому что народу меньше, а совсѣмъ безъ фабрикъ и намъ нельзя: куда мы тогда продавать будемъ ленъ? гдѣ достанемъ, примѣрно, спички, табакъ, ситецъ и другіе

прóдукты?» (прóцентъ, прóдуктъ—таково мѣстное произношеніе этихъ словъ)... И такой взглядъ на соціализацію земли не какъ на окончательное рѣшеніе соціальной проблемы, а какъ на немедленное осуществленіе неотложныхъ потребностей крестьянства, не какъ на водвореніе царства Божьяго на землѣ, а какъ на осуществленіе возможности «вздохнуть свободно» — такой взглядъ, насколько можно судить, присущъ большинству крестьянства.

V.

Вотъ приблизительно все наиболѣе существенное изъ того, что мнѣ пришлось слышать и записать на деревенскихъ собраніяхъ по вопросу о землѣ. Изъ общаго представленнаго здѣсь резюме видно, что все, служившее предметомъ преній въ журнальныхъ статьяхъ и спорахъ партій по аграрному вопросу, все это наша глухая деревня передумываетъ теперь сама. На чью сторону склоняются ея рѣшенія — это достаточно очевидно; во всякомъ случаѣ, каждый изъ болѣе или менѣе знакомыхъ съ современной деревней можетъ формулировать свои впечатлѣнія очевидца только слѣдующимъ выводомъ: раньше или позже сѣрая русская деревня справится съ аграрнымъ вопросомъ не только безъ насъ, но даже и вопреки намъ, если мы будемъ отстаивать недостаточно радикальное рѣшеніе этого вопроса.

Этотъ выводъ вполнѣ опредѣляетъ и отношеніе крестьянства къ различнымъ политическимъ партіямъ, въ настоящее время агитирующимъ въ деревнѣ. Отношеніе крестьянъ къ соціальной сторонѣ программъ партій с.-р. и с.-д. ясно изъ всего вышеизложеннаго; что касается партіи к.-д., то она не можетъ имѣть въ деревнѣ сколько-нибудь осязательнаго успѣха изъ-за своей аграрной программы. Программу эту авторъ настоящихъ строкъ неоднократно читалъ и на крестьянскихъ собраніяхъ, и отдѣль-

нымъ крестьянамъ—всегда и повсюду съ одинаковымъ результатомъ; результатъ этотъ чаще всего уяснялся фразами въ родѣ: «нѣтъ, этакъ дѣло не выйдетъ!»... «какъ тамъ хотятъ, а нашего согласія на это нѣтъ!»... «на это не пойдемъ!»... «нѣтъ, ужъ къ этой партіи мы не припишимся!»... и т. п. Характеренъ эпизодъ, происшедшій на громадномъ крестьянскомъ митингѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ 31-го октября (о митингѣ этомъ были сообщенія въ «Сынѣ Отечества», «Нашей Жизни» и др. газетахъ). На этомъ митингѣ присутствовало около 1500 крестьянъ со всего уѣзда, а въ числѣ ораторовъ выступалъ, между прочимъ, одинъ рабочій с.-р. и одинъ членъ к.-д. партіи. Аграрная программа, формулированная рабочимъ, раздѣлялась, очевидно, всѣмъ собраніемъ; то и дѣло слышались восклицанія: «вѣрно, вѣрно! на другое мы не согласны! этому такъ и быть!» Но лишь только ораторъ перешелъ къ рѣзкому выраженію своихъ политическихъ идеаловъ, какъ отношеніе къ нему слушателей стало холоднымъ и недоброжелательнымъ. Послѣ этого заговорилъ прис. пов. С., членъ к.-д. партіи. Пока онъ говорилъ о бюрократіи, клеймилъ поработителей народной свободы, развивалъ умѣренную правовую и политическую сторону программы партіи к.-д.—рѣчь его встрѣчалась знаками одобренія и сочувствія всей толпы; но лишь только онъ перешелъ къ изложенію аграрной программы своей партіи, какъ настроеніе слушателей измѣнилось и послышались отдѣльные голоса: «это дѣло намъ неподходящее!».. «слыхали мы такихъ!»... «эй, баринъ, а сколько у тебя у самого земли-то?»... и т. п. И если въ вопросахъ политическихъ и правовыхъ темная масса крестьянства несомнѣнно склоняется—это надо признать—ближе къ партіи к.-д. (если не правѣе), то аграрная программа этой партіи обрекаетъ ее на полное безсиліе въ деревнѣ. Характерно резюмировалъ свои впечатлѣнія отъ двухъ вышеприведенныхъ рѣчей (на собраніи 31-го октября) одинъ захолустный крестьянинъ: «кабы къ тому, что̀ говорилъ о землѣ картузъ,

прибавить, что̀ говорила о начальствѣ шляпа—вотъ это было бы дѣло! такого человѣка мы бы и въ земскую думу послали!»... И, вѣроятно, для всякаго работавшаго теперь въ глухой деревнѣ ясно, что наибольшимъ успѣхомъ въ крестьянствѣ пользовалась бы та партія, которая съ революціонной соціальной программой соединила бы «либеральную» программу политическую... Конечно, существованіе такой партіи—pium desiderium, ибо какъ извѣстно:

Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань...

Но невозможное въ городѣ возможно въ деревнѣ: сама жизнь искусственно устраиваетъ среди крестьянъ ту третью партію, которая не можетъ создаться естественно, партію «к.-с.», конституціоналистовъ-соціалистовъ; въ общемъ и получается нѣчто средне-пропорціональное между «картузомъ» и «шляпой»... И, конечно, сущность дѣла гораздо глубже, чѣмъ полагаютъ нѣкоторые представители конституціонно-демократической партіи. Крестьянскія требованія «всей земли» основаны не только на экономическомъ базисѣ; не говоря уже о томъ, что видѣть причину этихъ требованій въ некультурности крестьянъ, въ ихъ правовомъ невѣжествѣ, въ ихъ разыгравшемся аппетитѣ, намѣренно раздраженномъ въ цѣляхъ «предвыборнаго уловленія» крайними лѣвыми партіями—еще болѣе близоруко и невѣрно. Достаточно было побывать на рядѣ крестьянскихъ собраній, достаточно ознакомиться хотя бы съ вышеприведенными статьями Ивана Назарова, чтобы видѣть, насколько глубоко базируются земельныя требованія крестьянъ не только на экономическомъ, но и на этическомъ фундаментѣ. Идти противъ такого народнаго убѣжденія, такъ глубоко обоснованнаго—тщетная попытка борьбы со стихіей...

Таковы впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ глухой деревни, и таковъ отвѣтъ самой дѣйствительности на

вопросъ: что думаетъ народъ? Конечно, въ это рѣшеніе нужно внести коррективъ: нельзя обобщать на всю «деревню» впечатлѣнія, вынесенныя изъ одного медвѣжьяго угла одного уѣзда, какъ ни различны въ разныхъ частяхъ его формы экономическихъ отношеній. Народъ въ настоящее время дифференцируется на слои, на партіи, иногда глубоко-несходныя, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ формъ земельныхъ отношеній; но, не обобщая на всю крестьянскую массу полученные выше выводы, можно отнести ихъ, по крайней мѣрѣ, къ большинству русскихъ общинниковъ-крестьянъ, исключивъ отсюда крестьянъ-собственниковъ. И познакомившись только съ одной «деревней»—въ буквальномъ смыслѣ,—можно уже съ нѣкоторой степенью вѣроятности заключить о настроеніи деревни вообще. Послѣ же долгаго знакомства съ цѣлымъ райономъ, послѣ участія въ многочисленномъ рядѣ крестьянскихъ собраній, послѣ близкаго общенія съ цѣлымъ рядомъ крестьянъ,—авторъ считалъ себя въ правѣ отчасти обобщить свои наблюденія и говорить, согласно своимъ впечатлѣніямъ очевидца, о томъ, «что думаетъ деревня», «что думаетъ народъ»...

VI.

Политическія настроенія деревни поддаются формулировкѣ и опредѣленію гораздо труднѣе, чѣмъ ея соціальныя вѣрованія и надежды. Малоземельное большинство русскаго крестьянства надѣется на передачу всѣхъ земель въ руки «всѣхъ трудящихся на землѣ въ потѣ лица» и вѣруетъ въ необходимость упраздненія частной земельной собственности и перехода земли въ собственность болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ единицъ: таковъ выводъ, таково впечатлѣніе отъ непосредственнаго знакомства съ русской деревней. Суммировать въ подобной же формулѣ политическія убѣжденія русскаго крестьянства не представляется возможнымъ: они не вылились въ одно

общее русло, хотя несомнѣнно, что взаимно-сталкивающіеся политическіе (въ широкомъ смыслѣ) взгляды различныхъ представителей деревни иногда являются вполнѣ родственными другъ другу по существу. Характернымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто на большомъ крестьянскомъ собраніи 13-го ноября 1905 г. въ селѣ Лобцовѣ: въ концѣ собранія возгорѣлся жестокій споръ между однимъ «сознательнымъ» крестьяниномъ и однимъ изъ наиболѣе ярыхъ представителей мѣстной «черной сотни» (какъ ни неудачно это названіе, но оно пустило корни въ деревнѣ). Черносотенецъ съ ругательствами напалъ на «сознательнаго», крича во весь голосъ: «нешто это можно такъ? Что̀ вы о себѣ думаете? Бога не почитаете, царя не признаете!.. Да какъ это возможно, чтобы противъ начальства идти!?. Развѣ не слыхалъ: нѣсть власть аще не отъ Бога!»...—«Сознательный» вразумлялъ хладнокровно: «Да пойми ты, голова съ затылкомъ—никто противъ Бога не идетъ... Мы тутъ о земскихъ толкуемъ (т.-е. о земскихъ начальникахъ, И.-Р.), а ты о Богѣ»... Черносотенецъ сразу понизилъ тонъ и возразилъ съ нѣкоторой обидой въ голосѣ: «О земскихъ!.. Будто я за земскихъ!.. Да дай Господи (тутъ онъ перекрестился),— пропади они всѣ до послѣдняго!»...—На этой почвѣ сошлись всѣ, и въ 5-й пунктъ составлявшагося въ этомъ собраніи сельскаго приговора было внесено: «желаемъ также, чтобы прекратили земскихъ начальниковъ: намъ, крестьянамъ, они ни къ чему»... И подъ этимъ приговоромъ однимъ изъ первыхъ подписался воинственный черносотенецъ... Подобный случай — не единичный; мы укажемъ ниже, какъ часто приходили къ внутреннему соглашенію, несмотря на внѣшнее разногласіе, представители различныхъ политическихъ партій въ деревнѣ.

Однако внѣшнее разногласіе — неоспоримо. Особенно рѣзко проявлялось оно на крестьянскихъ собраніяхъ, когда отъ обсужденія земельнаго вопроса переходили къ разговорамъ на политическія темы. Пока обсуждался вопросъ

о землѣ, — громадное большинство собранія всегда было единодушно въ своемъ требованіи перехода всѣхъ земель въ руки земледѣльцевъ, на началахъ уравнительнаго землепользованія; отдѣльные голоса кулаковъ и крестьянъ-собственниковъ дружно заглушались собраніемъ. Но лишь только вопросъ касался «политики»,—голоса сейчасъ же раскалывались, образовывались партіи, иногда начинались пререканія, въ родѣ описаннаго выше. Этимъ всегда пользовались тѣ немногочисленные богатеи и собственники, для которыхъ самый фактъ крестьянскихъ собраній былъ бѣльмомъ на глазу; они старались всегда возбуждать разговоры на «острыя» темы, разсчитывая этимъ привлечь собраніе на свою сторону и дискредитировать группу «сознательныхъ» крестьянъ. Иногда бывало такъ: во время рѣчи «сознательнаго» о землѣ, о прирѣзкѣ, о передѣлахъ и т. п. изъ заднихъ рядовъ толпы вдругъ раздавался враждебный голосъ: «буде паутину-то на глаза налѣплять!.. Ты лучше вотъ что̀ скажи: нуженъ царь, али вы, головы, и безъ него обойдетесь?»... Или: «про землю-то ты куды какъ хорошо баешь! А самъ-то ты въ церкву ходишь, аль нѣтъ?»... и т. п. «возраженія», построенныя по формулѣ: въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько.

Какъ бы то ни было, но существованіе въ русской деревнѣ достаточно ярко обозначенныхъ политическихъ партій—фактъ, не подлежащій спору; надо только имѣть въ виду, что къ этимъ партіямъ совершенно не приложимы наши обычныя политическія рубрики и трафаретки. Конечно, есть единичные крестьяне, вполнѣ убѣжденно примыкающіе къ партіямъ с.-р., с.-д., к.-д., есть одинокіе представители партіи «Царь и народъ» (особенно изъ крупныхъ кулаковъ), но вся широкая масса крестьянства стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ подобныхъ партійныхъ подраздѣленій. Мнѣ уже случилось указать, что соціальная программа либеральныхъ партій (не говоря уже о партіяхъ болѣе правыхъ) настолько же не удовлетворяетъ большинство крестьянства, насколько и политическая про-

грамма лѣвыхъ партій: крестьяне «переросли» первую и «не доросли» до второй; они остановились посрединѣ и ищутъ чего-то средняго между «картузомъ» и «шляпой», между программами партій с.-р. и к.-д., такъ что сама жизнь выдвигаетъ въ настоящую минуту въ деревнѣ, казалось бы, фактически невозможную партію «к.-с.». Во всякомъ случаѣ въ настоящій историческій моментъ только формулой «к.-с.» можно хоть съ нѣкоторой степенью приближенія опредѣлить доминирующее настроеніе русской деревни; болѣе точное представленіе можно составить только послѣ детальнаго знакомства съ отдѣльными представителями разныхъ группъ крестьянства.

Дифференціація по политическимъ партіямъ чаще всего зависитъ въ деревнѣ отъ различія формъ экономическихъ отношеній, это—наиболѣе общій случай. Конечно, бываетъ и иначе: иногда и малоземельный, «подкабальный» крестьянинъ является убѣжденнымъ и рьянымъ черносотенцемъ, а иногда и крестьянинъ крупный собственникъ оказывается дѣятельнымъ членомъ крайнихъ лѣвыхъ партій; извѣстно, однако, что исключенія только подтверждаютъ правило. Въ данномъ случаѣ правиломъ можетъ считаться то явленіе, что почти всѣ кулаки, всѣ крупные собственники-крестьяне образуютъ собою ядро «крайней правой» въ русской деревнѣ, нарушая этимъ тотъ выводъ покойнаго ортодоксальнаго марксизма, согласно которому деревенскій «кулакъ» есть и экономически, и политически прогрессивное явленіе въ русской деревнѣ. Деревенскій кабатчикъ и кулакъ — писалъ г. Струве уже въ концѣ 90-хъ годовъ—представляетъ изъ себя «высшій типъ человѣческой личности,—личности, которая ставитъ вопросъ о своихъ правахъ и мучится ихъ непризнаніемъ»... Въ настоящее время сама жизнь наглядно показала, насколько противоположно истинѣ подобное утвержденіе... Если вы въ разгарѣ крестьянскаго собранія, въ серединѣ рѣчи оратора о крестьянскомъ безправіи и о необходимыхъ правахъ слышали вдругъ изъ толпы голосъ: «никакихъ

намъ правовъ не нужно! Жили, слава тебѣ Господи, и никакихъ тамъ свободъ не знали!»—то могли быть увѣрены, что это голосъ «высшаго типа человѣческой личности», кулака. И надо было видѣть, какой взрывъ негодованія возбуждалъ такой голосъ въ толпѣ слушателей! «Отростилъ пузо, такъ и безъ правовъ проживешь!»... «Это ты, толстоумъ, жилъ слава тебѣ Господи, а мы такъ жили—не дай Господи!»... «Насосалъ, Іуда, мошну, такъ и Божьей правды понять не можетъ» и т. п. Чаще всего кончалось тѣмъ, что высмѣянный и изруганный высшій типъ человѣческой личности удалялся изъ собранія подъ градомъ насмѣшекъ, заявляя: «Собрались тутъ, бунтовщики! А вотъ ужо исправникъ вамъ покажетъ, какія вамъ права нужны»... Но такой аргументъ потерялъ по тѣмъ временамъ всякое обаяніе, ибо и становой, и исправникъ держали себя передъ крестьянами нашего медвѣжьяго угла тише воды и ниже травы...

VII.

Итакъ, политическую дифференціацію въ деревнѣ (конечно, не только въ деревнѣ) опредѣляетъ различіе формъ экономическихъ отношеній. Чтобы покончить съ группой «крайнихъ правыхъ», мы познакомимъ читателя съ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей деревенскаго черносотеннаго движенія. «Яковъ Ивановичъ» изъ Холодихи—старикъ-крестьянинъ, крупный собственникъ, скупившій мало-по-малу въ округѣ до 1000 дес. земли и лѣса; уже много лѣтъ—гласный отъ крестьянъ въ земствѣ, подающій голосъ всегда за то, за что подало голосъ начальство: земскій начальникъ, предводитель дворянства. Въ своей округѣ пользуется почетомъ («а ты попробуй, не почти его!»—ядовито замѣчаютъ крестьяне) и держитъ въ рукахъ всю крестьянскую бѣдноту. Такъ бы дѣло продолжалось и дальше, и Яковъ Ивановичъ продолжалъ

бы олицетворять собою «высшій типъ человѣческой личности», если бы не событія послѣдняго времени. Мирное и благоденственное житіе Якова Ивановича прекратилось. «Теперь мы его каждую недѣлю допекаемъ—разсказывалъ на одномъ собраніи со смѣхомъ крестьянинъ:—послѣ обѣдни сидитъ онъ въ чайной, брюхо полощетъ, а мы ему: «Яковъ Ивановичъ! А въ газетѣ пишутъ—крестьянству прирѣзка земли будетъ»...—такъ и позеленѣетъ! «Яковъ Ивановичъ! А слышно, всю помѣщичью землю намъ на дѣлежку отдадутъ!»...—такъ и затрясется весь! Только и хрипитъ: «а вотъ постойте!.. Я вотъ ужо вамъ... прирѣжу! Я вотъ вамъ... отдамъ!»...—Потѣха!»...—Яковъ Ивановичъ рѣшилъ дѣйствовать и задолго до петербургскихъ черносотенцевъ устроилъ въ деревнѣ своеобразное «общество борьбы съ анархіей»: онъ завелъ тѣсныя сношенія съ мѣстной полиціей и началъ организовывать черносотенную «боевую дружину». Дружина эта образовывалась изъ малоземельныхъ, «подкабальныхъ» крестьянъ, всецѣло находящихся во власти кулака. Онъ ихъ спаивалъ водкой и держалъ къ нимъ подобающія рѣчи. Его idée fixe была слѣдующая: во многихъ (почти во всѣхъ) окрестныхъ деревняхъ идутъ разныя собранія, а вотъ въ моей округѣ, въ селѣ Бережкѣ,—не допущу ни одного!—Въ началѣ ноября «сознательными» крестьянами нарочно былъ созванъ большой митингъ именно въ селѣ Бережкѣ (6 ноября)—отчасти съ цѣлью подсчета силъ, а отчасти просто—«надо ему спеси посбить»... Митингъ вышелъ чрезвычайно содержательный и удачный, черная сотня безмолвствовала и не показывалась, а нѣкоторые изъ ея членовъ стояли въ толпѣ и жадно, съ интересомъ вслушивались въ рѣчи ораторовъ. Одинъ изъ такихъ подневольныхъ черносотенцевъ горько жаловался послѣ собранія, что кулаки «мутятъ» народъ и велятъ стоять «за неправое дѣло»... «Ну, какъ ты тутъ противъ него пойдешь?.. я вѣдь у него и пашню покупаю (т.-е. арендую), и лѣсъ-грабельникъ беру, и должокъ за мной есть»..

И такой случай—типичный, характерный. Съ одной стороны—черносотенникъ кулакъ, собирающій вокругъ себя «дружину»; съ другой стороны—члены этой дружины, черносотенники или поневолѣ, или по недоразумѣнію; послѣдніе составляютъ большинство, и мы о нихъ еще скажемъ ниже, а теперь два слова еще объ одномъ типѣ—типѣ черносотенника по неразумію. Такихъ немного, но они есть: это такъ называемые «брехуны» или «глиняныя головы». Одинъ изъ такихъ «брехуновъ» случайно попалъ на небольшое собраніе (человѣкъ въ сорокъ) «сознательныхъ» крестьянъ и трехъ представителей «интеллигенціи»; одинъ изъ интеллигентовъ въ своей рѣчи проводилъ параллель между бюджетной росписью Франціи и Россіи (расходы на народное просвѣщеніе, на полицію, на дворъ въ Россіи и Франціи и т. п.). Послушавъ двухъ-трехъ ораторовъ, Артемій Петровъ («брехунъ» изъ села Глумова) заявилъ: «Не хорошо вы говорите, православные! Что тамъ Франція, да Франція! А я такъ думаю: коли ты мужикъ—такъ и терпи, такая ужъ твоя линія»... Онъ поспѣшно покинулъ собраніе и сейчасъ же поѣхалъ съ доносомъ по начальству; когда начальство допытывалось, о чемъ же говорятъ на собраніи, то «брехунъ» чистосердечно отвѣтилъ: «хоть убей, не понялъ, ваше благородіе! Только и слышалъ, только и понялъ—Франція, да Франція, а къ чему она—это мнѣ неизвѣстно!»... Однако это не помѣшало Артемію Петрову въ ближайшій базарный день вести черносотенную пропаганду въ такомъ стилѣ: «былъ я, православные, у помѣщика (имя рекъ) на собраніи... Батюшки мои, чего только ни говорили! Бога не надо, царя, слышь, не надо!.. Потомъ, гляжу—на столѣ листъ лежитъ, и стали всѣ подъ имъ подписываться; кто подпишется—тому «онъ» сейчасъ три рубля—на, получай! Приступили ко мнѣ: подпишись!—Не могу!—Подпишись, три рубля въ руки, а не подпишешься, такъ мы тебѣ сейчасъ забастовку сдѣлаемъ!.. И какъ начали они меня бить, какъ начали бить... братцы мои! Чуть я вырвался, чуть убёгъ, да версты двѣ бѣжалъ что есть духу!»... и т. д., въ такомъ же родѣ. Хотя репутація «брехуновъ» въ народѣ твердо установлена, однако такого рода разсказы всегда сильно вліяютъ на толпу; хорошо еще, что на этотъ разъ въ толпѣ случайно оказался одинъ изъ участниковъ того же собранія, который смутилъ «брехуна» и вывелъ его на чистую воду. Впрочемъ, Артемій Петровъ смутился только на одну минуту и тотчасъ же храбро возразилъ: «небось, три рубля взялъ, такъ и радъ паутину на глаза налѣплять... забастовщикъ!»... *).

Артеміи Петровы—неоцѣнимые союзники Якововъ Ивановичей, но вліяніе ихъ сразу же свелось къ нулю, лишь только митинги и собранія стали въ нашемъ глухомъ углу частымъ явленіемъ: крестьяне тысячами перебывали на митингахъ и сами потомъ обрывали «брехуновъ», всегда сообщавшихъ нѣчто сенсаціонное («Зоветъ «онъ» меня и говоритъ: подпишись подъ краснымъ флагомъ (!)—дамъ лѣсу на ригу»; или: «у «него» сорокъ забастовщиковъ изъ Москвы пріѣхали, съ ружьями въ лѣсу сидятъ!» и т. п.). Яковы Ивановичи—немногочисленны; Артеміи Петровы—не опасны; но, кромѣ нихъ, въ «черной сотнѣ» есть люди по явному недоразумѣнію, по «темнотѣ». Такихъ много—и это, быть можетъ, самый симпатичный и самый цѣнный, послѣ «сознательныхъ», классъ крестьянъ.

На каждомъ митингѣ, на каждомъ собраніи можно было ждать столкновенія съ черносотенцемъ «по темнотѣ» на почвѣ политическихъ вопросовъ; поводовъ къ столкновенію всегда было достаточно, а основной причиной его

---

*) Кстати сказать, слово „забастовка" имѣетъ въ широкой массѣ крестьянства совершенно своеобразное значеніе. Сдѣлать кому-нибудь забастовку—значитъ побить и отнять деньги или имущество. Напримѣръ, требуя у одной помѣщицы, чтобы она продала землю имъ, крестьяне предупреждали: „смотри, продай намъ! продашь другимъ—такъ сдѣлаемъ тебѣ забастовку: пріѣдемъ, весь лѣсъ вырубимъ, а усадьбу въ щепки разнесемъ"...

являлась враждебная недовѣрчивость многихъ крестьянъ къ дѣятелямъ изъ мѣстной дворянской интеллигенціи. Самъ «онъ»—помѣщикъ, землевладѣлецъ—и вдругъ стоитъ за крестьянскіе интересы, говоритъ о необходимости перехода всѣхъ земель въ руки трудящихся и т. п.—что-то не ладно! нѣтъ ли здѣсь подвоха? Такова, несомнѣнно, была точка зрѣнія многихъ крестьянъ, особенно на первыхъ митингахъ и собраніяхъ; когда дѣло доходило до составленія приговора, то такіе крестьяне упорно взвѣшивали каждое слово, боясь попасть въ просакъ. Характерный случай имѣлъ мѣсто на крестьянскомъ собраніи 13-го ноября въ селѣ Лобцовѣ, при окончательномъ редактированіи составлявшагося сельскаго приговора. Въ приговорѣ этомъ, весьма радикальномъ по соціальной программѣ, на первомъ мѣстѣ стояло требованіе конституціонной монархіи: «чтобы царь правилъ Россіей безъ чиновничества, а съ выборнымъ народнымъ собраніемъ»... Сначала первымъ пунктомъ была выставлена «неприкосновенность личности государя», но такая формулировка вызвала протестъ группы «черносотенцевъ по недоразумѣнію»:—«темно сказано! что тамъ за неприкосновенность? Быть можетъ, это значитъ: стой себѣ, царь, тамъ, въ сторонкѣ, и ни до какихъ дѣлъ не прикасайся!»... Однако эти же самые «крайніе правые» крестьяне стали рядомъ съ «сознательными» во главѣ крестьянскаго движенія, всколыхнувшаго осенью 1905 г. весь Юрьевскій уѣздъ Владимірской губерніи (крестьяне всего уѣзда силой вынудили мѣстную администрацію къ возврату около 200.000 р. продовольственныхъ суммъ). Эти же самые крестьяне недѣли двѣ спустя обратились къ пишущему эти строки съ вопросомъ: платить ли выкупные платежи послѣ манифеста 3-го ноября 1905 г.—и на встрѣчный вопросъ, какъ правильнѣе по ихъ мнѣнію въ данномъ случаѣ поступить?—отвѣчали: «а мы такъ думаемъ: подождемъ, что̀ скажетъ земская дума—надо платить, нѣтъ ли... А то что же этакъ зря платить! Не мало ужъ нами переплачено!»...

Конечно, причислять такихъ крестьянъ къ представителямъ «черной сотни» можно только по недоразумѣнію, подобно тому, какъ и сами они лишь по недоразумѣнію поддерживаютъ иногда черносотенную агитацію «брехуновъ» и кулаковъ. Отъ послѣднихъ они чаще всего зависятъ экономически—и въ этомъ крупная сила партіи кулаковъ, но, съ другой стороны, эта экономическая зависимость—главный козырь противъ кулаковъ въ рукахъ «сознательныхъ» крестьянъ: если отъ кулаковъ населеніе зависитъ, то кулаковъ же оно и ненавидитъ. Это выясняетъ неизбѣжность быстраго перехода этой части крестьянства изъ крайней правой въ крайнюю лѣвую партію, лишь только мало-по-малу разсѣется та «темнота», которая цѣлыми десятилѣтіями искусственно задерживалась въ деревнѣ. Нѣсколько поразительныхъ эпизодовъ такого быстраго перехода удалось видѣть и автору этой статьи. На одно крестьянское собраніе явился такой «черносотенецъ по недоразумѣнію», дядя Григорій изъ Лобцова, со спеціальной цѣлью устроить скандалъ (а если удастся, то и избіеніе) бывшему на собраніи интеллигенту. Въ началѣ собранія онъ подавалъ враждебныя реплики, потомъ замолчалъ и сталъ вслушиваться въ рѣчи. Послѣ конца собранія онъ подписался подъ приговоромъ и заявилъ, обращаясь къ интеллигенту: «Я такъ на тебя смотрю: ты—ровно апостолъ Христовъ, ходишь и учишь, себя не жалѣя»... И теперь этотъ дядя Григорій—уже представитель крайней лѣвой въ своей деревнѣ...

VIII.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ характеристика «черной сотни» въ русской деревнѣ. Что касается «сознательныхъ» крестьянъ, то они образуютъ небольшую (въ нашемъ медвѣжьемъ углу), но сплоченную группу; они заводятъ другъ съ другомъ дѣятельныя знакомства, по-

сылаютъ ходоковъ по всему уѣзду и даже въ другія губерніи, являются энергичными устроителями мѣстныхъ отдѣленій крестьянскаго союза. Не характеризуя эту группу вообще, мы познакомимъ читателей съ нѣкоторыми наиболѣе типичными изъ ея членовъ.

Вотъ крестьянинъ Селезневъ *); это типъ ходока: Онъ уполномоченъ отъ общества посѣщать всякія собранія и митинги, а потомъ «докладывать» міру о результатахъ; дѣйствительно, онъ былъ неутомимъ въ качествѣ ходока: бросалъ самыя неотложныя домашнія работы, лишь только узнавалъ, что за 30 за 40 верстъ назначено собраніе; однажды отправился даже въ губернскій городъ (Владиміръ), за 70 верстъ, чтобы присутствовать на собраніи интеллигенціи и рабочихъ и выслушать рефератъ г. Милюкова. Мы уже имѣли выше случай разсказать о его губернскихъ впечатлѣніяхъ. Взглядовъ своихъ онъ никогда не скрывалъ и постоянно былъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ мѣстной администраціей.

Діаметрально противоположный типъ — крестьянинъ Никульской волости, села Слѣпцово, Никонъ Ѳедоровъ. Это горячій и энергичный дѣятель, умѣлый пропагандистъ, выбранный отъ своего общества уполномоченнымъ на съѣздъ крестьянскаго союза; но въ то же время человѣкъ крайне осторожный и, что называется, «себѣ-на-умѣ». Арестованный въ декабрѣ 1905 г., на допросѣ онъ велъ себя артистически, разыгрывая роль простака; на вопросъ жандарма: «есть у тебя нелегальная литература?» — онъ съ простодушнымъ видомъ освѣдомился: «а съ чѣмъ ее хлебаютъ?»... Съ такой тупицей нечего было тратить много времени; alibi Ѳедорова было признано доказаннымъ, и самъ онъ мирно отпущенъ домой.

Третій, крайне интересный типъ — крестьянина-философа; таковъ, напримѣръ, крестьянинъ Паршинской во-

*) Разумѣется, здѣсь измѣнены и имена крестьянъ и названія деревень...

лости, деревни Кусаково — Семенъ Пожаровъ. Онъ «своимъ умомъ» дошелъ до построенія цѣлой соціально-политической системы; онъ крайне остороженъ въ пропагандѣ своихъ идей, чаще всего улучаетъ случай побесѣдовать съ глазу на глазъ съ какимъ-нибудь изъ «темныхъ» крестьянъ. Способъ его убѣжденія и доводовъ — характерный пріемъ наведенія собесѣдника. Мнѣ лично пришлось не разъ присутствовать при интересныхъ діалогахъ Пожарова съ кѣмъ-нибудь изъ «черносотенцевъ», напримѣръ, въ такомъ родѣ: . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Еще одинъ и послѣдній типъ, типъ представителя деревенской молодежи — крестьянинъ Молодшевъ. Это — олицетворенный порывъ. Когда онъ слышитъ или читаетъ о какомъ-либо вопіющемъ фактѣ насилія, несправедливости, то весь начинаетъ дрожать мелкой дрожью и произноситъ: «Эхъ! Такъ вотъ дай мнѣ только въ руки ножикъ, н-ну — ужъ я бы имъ»... Когда въ серединѣ октября я читалъ ему о смерти студента Бибалатури, убитаго въ Петербургѣ солдатскими пулями 18 октября 1905 г. во время рѣчи къ народу, то онъ заплакалъ, всталъ, перекрестился на икону и сказалъ: «Дай имъ Господи... мученикамъ народнымъ!»... И сейчасъ же прибавилъ другимъ тономъ: «Н-ну, постойте же!»... За послѣднее время сталъ писать небольшія статейки («душу этимъ отвожу»), подписываясь подъ ними характернымъ псевдонимомъ: «Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ». Ненависть къ правительству, къ «бюрократіи» доходитъ у такихъ «молодыхъ, не вытерпѣвшихъ крестьянъ» до крайняго предѣла; недовѣріе ихъ къ нему еще болѣе велико. Такъ, напримѣръ, этотъ Молодшевъ (начитанный и передовой крестьянинъ) твердо убѣжденъ до сихъ поръ — и переубѣдить его въ этомъ нѣтъ возможности — что освобожденіе крестьянъ — дѣло Англіи и Франціи; еще до крымской

войны Францiя и Англiя обратились къ русскому правительству «съ приказанiемъ»—освободить народъ изъ рабства; императоръ Николай Павловичъ не захотѣлъ; тогда объявили ему войну, разбили, а наслѣдникъ его обязался, при заключенiи мира, уничтожить крѣпостное право...

IX.

Какъ бы ни были, однако, разнообразны типы «сознательныхъ» крестьянъ, но въ общемъ вся эта группа лѣвой партии въ русской деревнѣ является сплоченной и цѣльной, во всякомъ случаѣ болѣе цѣльной, чѣмъ разношерстная «черная сотня». Общее же положенiе дѣлъ, общая диспозицiя въ существенныхъ чертахъ такова: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ — «сознательные», небольшая, но яркая и цѣльная группа; на крайнемъ правомъ флангѣ— состоящая изъ мѣстныхъ богатеевъ «черная сотня», къ которой отчасти по принужденiю, отчасти по недоразумѣнiю примыкаетъ нѣкоторая часть крестьянства. Въ центрѣ — громадная масса «темнаго» люда, безусловно склоняющагося налѣво по соцiальнымъ вопросамъ и легко подающагося направо по вопросамъ политическимъ. Изъ-за влiянiя на этотъ «центръ» и ведется ожесточенная борьба между лѣвой и правой партiями нашей деревни; могучимъ средствомъ такого влiянiя были многочисленные митинги и собранiя осенью 1905 г., когда въ теченiе двухъ мѣсяцевъ въ нашемъ глухомъ углу состоялось въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько десятковъ собранiй, на которыхъ бывало иногда до 1.500 народа. Эти «митѝнги» (какъ ихъ называли крестьяне) представляли изъ себя нѣчто настолько характерное и своеобразное, что, пожалуй, небезъинтересно будетъ остановиться нѣсколько на ихъ описанiи.

Пишущему эти строки уже приходилось отмѣчать, что въ большинствѣ случаевъ деревенскiя собранiя устраивались сами собою, въ первое время совершенно случайно.

Но достаточно было случиться двумъ-тремъ первымъ собранiямъ, чтобы слѣдующiя стали возникать, какъ грибы послѣ дождя; тутъ играло роль и соревнованiе отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ. «Чѣмъ мы хуже скомовскихъ? Вонъ они какой митѝнгъ сработали!..» И на томъ же митингѣ въ селѣ Скомовѣ назначались сразу три-четыре слѣдующихъ собранiя, иногда въ совершенно разныхъ частяхъ уѣзда; ораторовъ, «сознательныхъ» и двухъ-трехъ бывавшихъ на собранiяхъ интеллигентовъ разрывали на части: «Нѣтъ, ужъ ты насъ не обидь: былъ у скомовскихъ, прiѣзжай и къ намъ въ Городище!..» «Сдѣлай милость, прiѣзжай къ намъ въ Паршу — ужъ мы за тобой и лошадку пришлемъ» и т. д. И за нѣсколько дней до собранiя вся округа широко оповѣщалась; приходили и прiѣзжали на него иногда за 20—25 в.; на митинги въ уѣздномъ городѣ прiѣзжали крестьяне со всего уѣзда. За ораторами, партiйными крестьянами и за немногими интеллигентами деревня, устраивавшая собранiе, посылала лошадей.

Чаще всего народъ собирался къ полудню (вечернiя собранiя были рѣдки и немногочисленны); если народу оказывалось мало, человѣкъ 100 — 150, то собранiе происходило въ самой большой («девятиаршинной») избѣ. Въ «красный уголъ» сажали гостей и ораторовъ, остальные нагромождались живой горой на скамьи, на печь, на палати, садились на полъ, на брусы подъ потолкомъ... Если—что́ было чаще всего—народу собиралось человѣкъ 400—600, то митингъ происходилъ посрединѣ села, около церкви, при чемъ для ораторовъ доставали бочку или розвальни, служившiя трибуной...

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, и на собранiи, и на митингѣ, прежде всего обыкновенно избирался предсѣдатель (такъ случайно вышло на первомъ собранiи, а потомъ стало непреложнымъ закономъ и для слѣдующихъ собранiй). Нужно удивляться, до какой степени быстро крестьяне усвоили себѣ смыслъ и значенiе выбора пред-

сѣдателя, соблюдали строгую очередь въ рѣчахъ и полнѣйшій порядокъ; еще болѣе удивительно, какъ быстро поняли свое значеніе и сами г-да предсѣдатели: уже на одномъ изъ первыхъ собраній, 22-го октября 1905 г., выбранный предсѣдатель изъ крестьянъ открылъ собраніе толковой вступительной рѣчью и закончилъ его краткимъ резюме всего сказаннаго на собраніи. Вообще говоря, собранія проходили удивительно стройно и толково; сами крестьяне замѣчали: «вонъ оно что значитъ дѣло божеское, душевное! Погляди, на сходѣ-то у насъ — Господи Ты Боже мой, толку не добьешься, порядковъ никакихъ нѣтъ!..» Къ этимъ собраніямъ и митингамъ крестьяне относились прямо-таки благоговѣйно: стоило только посмотрѣть на эту напряженно слушающую толпу, иногда вдругъ прорывающуюся въ одномъ общемъ чувствѣ, стоило прислушаться къ отдѣльнымъ фразамъ изъ толпы, чтобы сразу выяснить общее настроеніе этой иногда многосотенной массы. Очевидно было, что этихъ людей всецѣло захватывали произносившіяся самими же рядовыми крестьянами рѣчи; они слушали, затаивъ дыханіе, боясь пропустить хоть одно слово... Однажды митингъ 6-го ноября въ селѣ Бережкѣ — митингъ происходилъ близъ церкви и на немъ присутствовало около 500 чел.— былъ прерванъ шумнымъ пріѣздомъ трехъ свадебныхъ поѣздовъ; для деревни это—цѣлое событіе, и, однако, ни одинъ изъ участниковъ митинга не покинулъ его ради интереснаго зрѣлища. Въ другой разъ на собраніе попалъ добродушный, подвыпившій мужичокъ, получившій немедленное же внушеніе отъ возмущенныхъ участниковъ митинга: «тутъ дѣло душевное, божеское, а ты съ казенкой въ карманѣ!.. Нешто это такъ возможно! Тутъ вся жизнь наша рѣшается, а ты вонъ этакъ!..» — Если собраніе заканчивалось составленіемъ приговора, то всѣ— и грамотные, и неграмотные—подходили подписываться и стыдили двухъ-трехъ малодушныхъ, боявшихся «руку приложить»... Послѣ пяти-шестичасового собранія народъ

расходился точно изъ церкви—безъ смѣха, безъ шумныхъ разговоровъ. Устроителей собранія, гостей и ораторовъ окружали и благодарили; недовѣрчивое отношеніе, бывавшее иногда въ началѣ собраній, смѣнялось признательностью: «сами видимъ, что все ты въ нашу пользу говоришь!..» «Да, ужъ въ этомъ никакой фальши нѣтъ!..» «Дай тебѣ Господи за то, что трудишься для-ради мужика!» и т. п. Для тѣхъ изъ интеллигентовъ, кто побывалъ на такихъ собраніяхъ, слова «единеніе съ народомъ» были, вѣроятно, не пустымъ звукомъ; впечатлѣніе же отъ этихъ собраній и митинговъ было настолько яркое, что не могло не врѣзаться въ память навсегда.

X.

Митинги и собранія были оружіемъ въ рукахъ крайней лѣвой партіи; этому оружію правая партія противопоставила проповѣдь духовенства и полицейскія мѣры. Что касается второй мѣры, то это старая и вѣчно-новая попытка борьбы пушками противъ идей, и все ея значеніе состоитъ въ томъ, что она быстро и вѣрно склоняетъ симпатіи массы, крестьянскаго «центра» на сторону лѣвыхъ партій; самые мирные, самые смирные люди озлобляются, видя безчинства вновь назначенныхъ стражниковъ надъ населеніемъ. «...Благодаря милостямъ судьбы— писалъ мнѣ въ концѣ декабря 1905 г. одинъ крестьянинъ Юрьевскаго уѣзда — были въ нашемъ уѣздѣ введены стражники, и на нашу несчастную волость повѣсили (? помѣстили?) трехъ стражниковъ. И только-что эти сѣрые вороны сѣли на своихъ мѣстахъ, какъ поднялось страшное гоненіе на всѣхъ сознательныхъ крестьянъ»... «Еще нѣсколько словъ о сѣрыхъ воронахъ: въ нашей волости эти негодяи собрались самые подонки, отрепье и отбросы общества, самые пьяницы и нищета, которые за одинъ стаканъ водки продадутъ отца или брата, а не

только что кого-нибудь чужого»... Результаты теперь на-лицо: въ отвѣтъ на безчинства стражниковъ уже было нѣсколько случаевъ убійства этихъ «сѣрыхъ вóроновъ»; въ народѣ растетъ и крѣпнетъ озлобленіе...

Идейнымъ оружіемъ противъ «превратныхъ» идей является проповѣдь мѣстнаго духовенства, почти сплошь «черносотеннаго» въ томъ медвѣжьемъ углу, о которомъ идетъ рѣчь. Это, конечно, болѣе дѣйствительное средство борьбы, чѣмъ мѣры полицейскаго насилія; однако и черносотенная пропаганда духовенства не попадаетъ въ цѣль, вслѣдствіе полнаго отсутствія авторитета у духовныхъ отцовъ среди своей паствы. Кромѣ того, почтенные пастыри совершенно не могутъ и не умѣютъ войти въ современное настроеніе русскаго крестьянства: въ то время, какъ послѣднее поглощено теперь мыслью о землѣ, о дирѣзкѣ, о переходѣ земель въ руки трудящихся, духовные пастыри читаютъ проповѣди о нестяжаніи, объ отреченіи отъ благъ земныхъ... Какъ можетъ отнестись къ этому въ настоящій моментъ средній, рядовой крестьянинъ—болѣе чѣмъ ясно; приведу по этому поводу характерную страничку, написанную «Молодымъ, не вытерпѣвшимъ крестьяниномъ»... «...Вышелъ нашъ попъ на амвонъ и давай взывать къ народу: «братья! не ищите мира здѣсь въ мірѣ, т.-е. въ мірскомъ богатствѣ! Миръ есть во Христѣ! Богатство есть идолъ, а потому не стремитесь къ его пріобрѣтенію!» Такъ что по его словамъ выходило: не ищите и не добивайтесь лучшей жизни, лучше, молъ, для васъ будетъ, если вы будете пухнуть съ голоду... Но кто же, какъ не вы, честный отче, крѣпче всѣхъ въ приходѣ обнялся съ этимъ идоломъ? Вѣдь вы подаете примѣръ разврата для всѣхъ: вы обираете всѣхъ—и живого, и мертваго, и встрѣчнаго, и поперечнаго, не милуете ни убогаго, ни нищаго. Получаете вы четыреста рублей за землю (обрабатывать вы ее не хотите), да обираете приходъ въ шестьсотъ съ половиною мужскихъ душъ, и обираете хорошо за все: какъ совершили бракъ,

такъ вамъ хоть лопни, а подай 15 рублей; покойника схоронили—опять подай два рубля; младенца окрестили—40 копѣечекъ вамъ подай. И такимъ манеромъ вы получаете въ свой карманъ въ годъ тысячи двѣ... Такъ это будетъ уже не только одинъ идолъ, а цѣлая кумирня!—Живя на приходѣ годовъ двадцать, вы накопили болѣе двадцати тысячъ, а помогли ли вы кому въ бѣдѣ или несчастіи хотя грошомъ?—Нѣтъ! Послѣ этого вы и не есть послѣдователь святыхъ Апостоловъ, а послѣдователь Іуды; къ этому-то вы подходите! Про него въ Евангеліи сказано: «понеже бо тать бѣ, ковчежецъ имѣя и вмѣтаемая ношаше»... Но въ этомъ отношеніи вы даже превосходите его: у того было такое ничтожное количество въ сравненіи съ вами, что онъ могъ всегда носить при себѣ свой ковчежецъ, слѣдуя во всѣхъ переходахъ за Іисусомъ Христомъ; но если бы вы повѣсили свой ковчежецъ съ 20-тью тысячами на себя, да походили бы съ Іудино, то онъ вамъ такъ бы плечи и спину пообточилъ, что вы бы стали немножко попостнѣе, и тогда бы вы безпремѣнно отказались бы отъ своего ковчежца... А пока вы имѣете его, то неужели, честный отче, васъ не зазираетъ совѣсть хвалить народу бѣдность и говорить, что крестьянамъ больше земли ни къ чему?..»—То, что здѣсь высказалъ «Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ»,—можно было часто слышать на многихъ крестьянскихъ собраніяхъ; подобнаго рода вещи крестьяне неоднократно высказывали и въ лицо многимъ честнымъ отцамъ... Такое отношеніе крестьянскаго большинства къ духовенству лучше всего выясняетъ причину того, что черносотенная проповѣдь пастырей Христовыхъ падаетъ на каменистую почву; проповѣдь эта находитъ сочувственный отзвукъ только въ сердцахъ Якововъ Ивановичей и прочихъ типично-черносотенныхъ элементовъ, но она проходитъ мимо ушей и сердецъ широкой народной массы; иными словами, она, вообще говоря, не достигаетъ цѣли.

Вотъ приблизительная картина политической дифференціаціи въ глухой деревнѣ. Мы сказали въ началѣ, что суммировать въ одной общей формулѣ политическія убѣжденія русскаго крестьянства не представляется возможнымъ; теперь, послѣ всего сказаннаго, общую картину политической дифференціаціи русской деревни можно было бы, кажется намъ, представить въ одной формулѣ, перефразируя слова Дмитрія Карамазова: «здѣсь діаволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей»... Въ русской деревнѣ въ настоящую минуту идетъ безпощадная борьба двухъ группъ, двухъ міровоззрѣній: міровоззрѣніе «собственническое», имѣющее своими борцами богатеевъ, кулаковъ и духовенство, борется съ социалистическимъ міровоззрѣніемъ «сознательныхъ» крестьянъ (выяснить это міровоззрѣніе мы пробовали въ настоящей статьѣ); политическіе вопросы—это только оружіе въ борьбѣ, полемъ битвы которой служатъ сердца людей того «центра», который въ настоящую историческую минуту еще находится въ «неустойчивомъ равновѣсіи»... А можетъ быть, это неопредѣленное равновѣсіе уже нарушено, и народная лавина уже пришла въ пока еще незамѣтное для насъ движеніе, поворачивая своей тяжестью колесо исторіи?..

1906 г.

Немного лѣтъ прошло послѣ того, какъ были написаны эти строки, а кажется, что прошли десятилѣтія: быстро идетъ время въ эпоху духовнаго подъема, годъ въ ней кажется мѣсяцемъ, медленно ползетъ оно въ эпоху реакціи и мѣсяцъ въ ней кажется годомъ... И хотя хронологически мы очень близки къ 1905 году, но психологически мы такъ далеки отъ него, что можемъ уже строго и холодно судить наши былыя увлеченія и надежды.

Судить—и осудить, не такъ ли?

Нѣтъ, мы не осудимъ. Если бы завтра передъ нами снова стала прежняя «конъюнктура явленій» (какъ выражались въ тѣ дни), то мы снова и сознательно воскресили бы къ жизни старые идеалы, новыя надежды, старыя вѣрованія, новыя увлеченія. Пусть говорятъ про насъ, что мы, демократическая и соціалистическая интеллигенція, все забыли и ничему не научились—мы все же останемся при прежней увѣренности, что люди не только пассивный матеріалъ, неизбѣжно вливающійся въ фатально обусловленныя формы экономическихъ и правовыхъ отношеній. «Мы не нитки и не иголки въ рукахъ фатума, шьющаго пеструю ткань исторіи, —говорилъ Герценъ:—мы знаемъ, что ткань эта не безъ насъ шьется...» Эта же мысль отразилась въ положеніи, что въ соціологіи неизбѣжно примѣненіе категоріи возможности—въ положеніи, бывшемъ однимъ изъ основныхъ въ «субъективизмѣ» Михайловскаго.

Крѣпкіе заднимъ умомъ пророки доказываютъ намъ теперь, что все совершилось по строгимъ законамъ исторической необходимости, что никогда не бываетъ и не можетъ быть скачка черезъ промежуточные періоды развитія, что иначе не могло и быть, что они, пророки, все это всегда предвидѣли... Ахъ, эти историческіе законы, всегда столь неизбѣжные, и эти пророки, всегда столь проницательные—post factum! Пусть историческіе законы неизбѣжны, но какіе же пророки могутъ усчитать заранѣе элементъ времени, входящій въ каждый изъ этихъ законовъ? Вотъ частный примѣръ: во второй половинѣ XIX вѣка Японія должна была пережить періодъ разложенія феодализма,—періодъ, продолжавшійся нѣсколько вѣковъ въ исторіи Европы. И что же? Японія «перескочила» черезъ этотъ періодъ, или, вѣрнѣе, продолжительность его въ жизни этого народа была совершенно ничтожной: чуть ли не сразу отъ феодализма къ капиталистическому строю! Это не значитъ, чтобы нельзя было всецѣло миновать тотъ или иной періодъ развитія (возможность этого доказывалъ Чернышевскій въ своей знаменитой «Критикѣ философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія»), а значитъ, что еще болѣе воз-

можна крайняя непродолжительность того или иного періода (какъ это отмѣчалъ г. Плехановъ въ «Нашихъ разногласіяхъ»). Весь вопросъ въ томъ, когда имѣетъ и когда не имѣетъ мѣста подобная возможность?

Пересыщенный растворъ при извѣстныхъ условіяхъ кристаллизуется «мгновенно», т.-е. время кристаллизаціи равняется долѣ секунды; такая же доля секунды въ жизни народа—годъ, два, три, цѣлое десятилѣтіе. Разница въ томъ, что мы всегда заранѣе знаемъ, когда растворъ пересыщенъ и когда нѣтъ; а кто изъ пророковъ можетъ намъ сказать заранѣе о степени соціальной «пересыщенности» той или иной страны? Мы не знаемъ, какъ, когда, во сколько времени совершится ожидаемая нами соціальная «кристаллизація»; но мы знаемъ, что въ этомъ процессѣ человѣческая дѣятельность играетъ не только пассивную, но и активную роль. А потому—всегда попрежнему мы будемъ бороться за старые идеалы, за старыя вѣрованія, всегда будемъ съ новой вѣрой добиваться осуществленія нашихъ старыхъ идеаловъ.

Это всегда возмущало резонныхъ, солидныхъ, практическихъ людей. Уже четверть вѣка тому назадъ Салтыковъ иронически провозглашалъ отъ ихъ имени: «пора и образумиться! пора понять, что при извѣстныхъ условіяхъ прежде всего о томъ памятовать надлежитъ, что маленькая рыбка лучше, нежели большой тараканъ»... Бѣдные солидные люди! Поистинѣ трагична ихъ судьба: мы не хотѣли маленькой рыбки, они получили большого таракана... А мы, несмотря на это, все-таки до сихъ поръ не хотимъ образумиться, не хотимъ удовлетвориться маленькой рыбкой и отказаться отъ старыхъ вѣрованій и новыхъ требованій.

Чего же мы однако хотѣли? На что́ надѣялись? Чего добивались? Неужели мы думали, что Россія въ 1905 году можетъ «перескочить» прямо въ царство соціализма? Солидные люди и заднимъ числомъ пророки хотятъ возвести на всѣхъ насъ огуломъ такую небылицу, но это

слишкомъ лубочный полемическій пріемъ. Нѣтъ, мы не ждали немедленнаго осуществленія царства Божія на землѣ, не собирались перескочить черезъ капитализмъ въ соціалистическій строй—въ чемъ обвиняла русскую демократію также и часть марксистовъ. Мы надѣялись на другое; мы надѣялись, что въ политической и правовой области удастся закрѣпить во всей полнотѣ «свободы, возвѣщенныя въ манифестѣ 17-го октября», а въ области соціальной возможно будетъ достигнуть не соціализма, а лишь соціализаціи земли, т.-е. не перемѣны формы общественнаго производства, а лишь измѣненія формы земельной собственности*), вполнѣ согласно съ давнишними мечтами самого «народа»—какъ это видно изъ настоящей статьи. Это оказалось «утопіей»,—да; но не такой ли же утопіей оказались и проекты солидныхъ людей «о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель по справедливой расцѣнкѣ»?

Теперь «ясно», что все это не могло случиться: будущее всегда неопредѣленно, всегда разсматривается sub specie possibilitatis, прошедшее всегда «ясно», всегда разсматривается sub specie necessitatis. Да, соціальный растворъ не оказался настолько «пересыщеннымъ», чтобы могла произойти ожидавшаяся нами «кристаллизація»—но выяснить это могли только факты, только событія. «Соотношеніе силъ» выяснилось и показало всѣмъ намъ, что вмѣсто «укрѣпленія свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября», мы пришли къ массовымъ смертнымъ казнямъ, а вмѣсто соціализаціи земли и даже ея отчужденія «по справедливой оцѣнкѣ»—къ земельному закону 9-го ноября...

Вотъ отвѣтъ самой жизни на наши былыя надежды и упованія. Vita locuta—causa finita: теперь мы имѣемъ уже послѣдній отвѣтъ на вопросы, поставленные въ послѣднихъ строкахъ нашей статьи 1906 года. Кто побѣ-

*) См. объ этомъ «Ист. русск. общ. мысли», II, 513—514.

дилъ въ русской деревнѣ — «собственническое» или «общинное» теченіе? Отвѣтъ несомнѣненъ: попрежнему міровоззрѣніемъ широкихъ деревенскихъ массъ остается воззрѣніе «общинное», но зато принципомъ аграрной правительственной политики является воззрѣніе «собственническое». Закономъ 9-го ноября община насильственно и искусственно разрушается; создается милліонный кадръ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, долженствующихъ стать фундаментомъ государственнаго зданія Россіи; параллельно идетъ процессъ созданія милліоновъ обезземеленныхъ, кадръ пролетаріевъ. Еще десятокъ-другой лѣтъ—минута въ жизни народа—и исполнится предвидѣніе «молодого, невытерпѣвшаго крестьянина» (см. выше, стр. 74): «еще годовъ двадцать или тридцать — и противоположность интересовъ окажется уже и между крестьянами, такъ какъ крестьяне, купившіе клочекъ земли и почти уже выкупившіе ее, не захотятъ уступить ее даромъ... И вотъ тогда уже крупные землевладѣльцы и правительство будутъ какъ за каменной стѣной, только и скажутъ, поглядывая на насъ: грызитеся, молъ!..» Въ этихъ наивныхъ словахъ крестьянина—вся прозрачная тайна современной аграрной политики правительства. Но такая политика—палка о двухъ концахъ; наши сановные соціальные экспериментаторы, наши бюрократическіе Оуэны à rebours сѣютъ вѣтеръ и надѣются пожать «царей и царствъ земныхъ отраду, возлюбленную тишину»—но народная мудрость иначе говоритъ о жатвѣ сѣющихъ вѣтеръ.

Но какъ бы то ни было—vita locuta est. Если въ общинѣ есть здоровыя, творческія силы—она выйдетъ живою изъ этого тяжелаго испытанія; если такихъ силъ въ ней нѣтъ—она быстро разложится, не менѣе быстро, чѣмъ феодализмъ въ Японіи. И въ предвидѣніи этой возможности—что̀ и ка̀къ должно измѣниться въ нашей прежней политической и соціальной программѣ? «Наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной

цѣли, но вырабатывая новыя средства»—писалъ Михайловскій тридцать лѣтъ тому назадъ (см. выше, стр. 11). Если общинѣ и суждено окончательно погибнуть, то все же мы остаемся попрежнему на почвѣ того стараго «русскаго соціализма», который не ограничивалъ себя ни деревней, ни городомъ, которому были дорoги интересы всѣхъ трудящихся, который не суживалъ себя буквально понятымъ принципомъ классовой борьбы. Правда, это старое народничество, видѣвшее все спасеніе въ самобытныхъ формахъ русской экономической жизни, уже давно потерпѣло пораженіе отъ марксизма и отъ самой жизни; но не одной этой вѣрою былъ живъ и живетъ до сихъ поръ «русскій соціализмъ», какъ цѣльное міровоззрѣніе. И пусть теперь на нашихъ глазахъ заканчивается, при благосклонномъ участіи сановныхъ Оуэновъ à rebours, споръ стараго народничества съ марксизмомъ объ общинѣ, пусть causa finita est,—но въ народничествѣ Герцена, Чернышевскаго и Михайловскаго слишкомъ много вѣчно цѣнныхъ элементовъ, чтобы оно могло сойти на нѣтъ въ русской общественной мысли грядущихъ десятилѣтій. «...Если всѣ эти удары не сокрушили „русскій соціализмъ", то, значитъ, дѣйствительно въ немъ есть жизнеспособныя начала,—говорилъ въ томъ же 1906 году пишущій эти строки въ заключеніи своей «Исторіи русской общественной мысли» (т. II, стр. 515):—однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ основныхъ началъ народничества мы считаемъ его отношеніе къ личности. Народничество соединило въ себѣ яркое анти-мѣщанство и величайшую общественность съ безусловнымъ индивидуализмомъ: Герценъ, Чернышевскій и Михайловскій являются въ этомъ отношеніи величайшими представителями русскаго соціализма во всей исторіи русской общественной мысли XIX вѣка. Въ преддверіи XX вѣка возродившееся народничество идетъ по этому же направленію въ загадочную для насъ глубь наступающаго столѣтія...»

1909 г.

Марксистская критика.

I.

Два «великихъ раскола» пришлось пережить русской общественности, русской интеллигенціи за послѣднія сто лѣтъ: въ первой половинѣ XIX вѣка она раскололась на славянофильство и западничество, во второй половинѣ XIX вѣка—на народничество и марксизмъ. И если первый изъ этихъ расколовъ оказался настолько глубокимъ, что слѣды его не изгладились до настоящаго времени, что въ наши дни замѣчается даже новое углубленіе старой розни, то точно также есть основаніе предполагать, что и второй великій расколъ надолго останется реальнымъ фактомъ въ исторіи русской общественности и русской литературы. Слишкомъ глубоки, слишкомъ остры тѣ разногласія, которыя разъединили и продолжаютъ разъединять насъ на идейно враждебные другъ другу станы.

Противоположность между славянофильствомъ и западничествомъ гораздо непримиримѣе, конечно, чѣмъ противорѣчіе между народничествомъ и марксизмомъ. Глубочайшій расколъ среди славянофиловъ и западниковъ обусловился коренной разницей психологическихъ типовъ, діаметральной противоположностью міропониманія мисти-

ческаго и позитивнаго; это расколъ философо-религіозный въ своей основѣ — и уже на этой почвѣ выросли тѣ соціальныя и политическія разнорѣчія, вокругъ которыхъ велась борьба западничества со славянофильствомъ. Въ этой борьбѣ западничество скоро побѣдило, но основа славянофильства осталась невредимой: мистическое и романтическое міропониманіе лежитъ внѣ позитивной плоскости и не разрушимо никакими ударами реализма. Были и вѣчно будутъ люди двухъ противоположныхъ психологическихъ типовъ, мистики и позитивисты, романтики и реалисты; а потому и старая борьба ихъ между собою вѣчно была, будетъ и никогда не приведетъ къ окончательной побѣдѣ.

Казалось бы, что между народничествомъ и марксизмомъ нѣтъ такой непереходимой пропасти. Дѣйствительно, и народничество и марксизмъ всегда стояли на одной и той же почвѣ позитивнаго міропониманія, разногласія ихъ всегда ограничивались, казалось бы, областью соціально-политическихъ вопросовъ, да и то почти исключительно вопросовъ о средствахъ, такъ какъ конечная цѣль, идеалъ—были общими.

Казалось бы, что въ славянофильствѣ и западничествѣ мы имѣемъ два разныхъ міропониманія, двѣ разныхъ философскихъ и религіозныхъ системы, а въ народничествѣ и марксизмѣ — только двѣ разныхъ соціологическихъ теоріи, два разныхъ соціально-политическихъ воззрѣнія. И однако мы видимъ какое-то гораздо болѣе глубокое, коренное противорѣчіе между народничествомъ и марксизмомъ, какую-то преграду между ними, раздѣляющую ихъ не только соціологически, но и психологически. Да, это несомнѣнно: глубокій расколъ между народниками и марксистами есть въ основѣ своей расколъ соціально-этическій. Центральный вопросъ о соціальномъ и этическомъ значеніи и положеніи человѣческой личности, различное пониманіе не только роли этой личности въ исторіи, но и ея значенія въ святая святыхъ всего міро-

воззрѣнія, въ нашей теодицеѣ и, выражаясь по аналогіи, въ нашей антроподицеѣ — вотъ та преграда, которая стоитъ между народничествомъ и марксизмомъ, вотъ основа второго великаго раскола русской общественной мысли. И уже на этой почвѣ выросли тѣ соціальныя и политическія разнорѣчія, вокругъ которыхъ велась борьба народничества съ марксизмомъ; каковы бы ни были результаты этой борьбы, несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно: разногласія слишкомъ остры, слишкомъ глубоки, чтобы можно было надѣяться на скорое примиреніе.

Критическое народничество Михайловскаго клало во главу угла человѣческую личность и уже на этомъ фундаментѣ воздвигало стройное общественное ученіе; марксизмъ отнесся къ личности пренебрежительно и поставилъ на ея мѣсто понятіе соціальной группы. Прошло много лѣтъ; теперь и старое народничество и старый марксизмъ — уже пройденныя ступени нашей общественности и литературы; возникаютъ новые вопросы, новыя проблемы и въ области соціально-политической и въ сферѣ философо-этической. Но несмотря на это — старое противорѣчіе осталось попрежнему непревзойденнымъ, и попрежнему противорѣчіе это — человѣческая личность. Для однихъ она исходный и конечный пунктъ, для другихъ она только промежуточное средство; и эти двѣ точки зрѣнія въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ несводимы одна къ другой. Индивидуалистическое общественное ученіе и анти-индивидуалистическое общественное теченіе были и будутъ двумя несводимыми другъ къ другу воззрѣніями реалистической части русской интеллигенціи.

Когда сталкиваются два представителя этихъ столь различныхъ группъ, то принципіальный споръ между ними настолько же безплоденъ, насколько противоположны ихъ исходныя точки. Наоборотъ, очень поучительнымъ можетъ оказаться ихъ споръ о тѣхъ или иныхъ фактахъ нашей общественности: тутъ и факты эти будутъ освѣщены съ разныхъ сторонъ, и самыя теоріи въ это же время подвергнутся испытанію фактами. Вотъ, напримѣръ, статья г. Г. Плеханова «Идеологія мѣщанина нашего времени» («Современный Міръ» 1908 г. VI, 112—138 и VII, 72—129), громадная статья, посвященная подробному разбору книги пишущаго эти строки «Исторія русской общественной мысли»: заранѣе можно сказать, что статья эта не можетъ не быть поучительной во многихъ отношеніяхъ. Не въ томъ дѣло, что г. Плехановъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ могиканъ стараго марксизма, а любопытно само по себѣ столкновеніе двухъ намѣченныхъ выше противоположныхъ точекъ зрѣнія и притомъ въ столь богатой содержаніемъ области, какъ исторія русской общественности XIX вѣка.

Уже одно это обстоятельство является достаточнымъ оправданіемъ появленія настоящей статьи, посвященной разбору марксистской критики «Исторія русской общественной мысли» *); отвѣчая г-дамъ марксистамъ на ихъ очень неблагосклонную и рѣзкую критику, мы тѣмъ самымъ будемъ освѣщать основной пунктъ расхожденія новаго народничества и стараго марксизма. Примиреніе, соглашеніе — здѣсь невозможно; можно и должно только выяснить основу непримиримаго разногласія и затѣмъ прекратить споръ, который далѣе становится безплоднымъ.

Къ сожалѣнію, во всякой «анти-критикѣ» (какой съ внѣшней стороны является и настоящая статья) нельзя избѣжать иногда довольно значительныхъ уклоненій въ сторону отъ главной темы, вызываемыхъ всякими ложными полемическими диверсіями нападающаго; а марксистская критика искони была большой любительницей такихъ диверсій. Михайловскій, въ своемъ спорѣ съ марксистами вообще и съ г. Плехановымъ въ особенности,

*) Кромѣ статьи г. Г. Плеханова, намъ придется коснуться столь же обширной статьи г. А. Луначарскаго «Мѣщанство и индивидуализмъ» (въ сборникѣ «Очерки философіи коллективизма», Спб., 1909 г., стр. 221 — 349); статья эта также является «марксистской критикой» вышеуказанной книги пишущаго эти строки.

могъ не обращать вниманія на такія нападенія и лишь изрѣдка указывалъ читателямъ на «грязныя перчатки» въ полемикѣ г. Н. Бельтова. Пишущій эти строки лишенъ завидной возможности отвѣчать молчаніемъ на многіе мало достойные выпады марксистской критики: онъ защищаетъ не себя, а дорогое ему возрождающееся міровоззрѣніе, имѣющее пока въ современной литературѣ весьма немногихъ выразителей.

II.

Г. Плехановъ является однимъ изъ тѣхъ «твердокаменныхъ ортодоксовъ» марксизма, которыхъ я позволилъ себѣ въ своей книгѣ назвать «любопытными окаменѣлостями». Г. Плехановъ — крупная величина въ области практическаго соціализма и одинъ изъ піонеровъ русскаго ортодоксальнаго марксизма, какъ теоріи; но въ этой последней области онъ «окаменѣлъ духомъ» вотъ уже скоро тридцать лѣтъ... Онъ увѣренъ, что владѣетъ абсолютной, непререкаемой истиной, отнынѣ и до вѣка не нуждающейся въ критикѣ; онъ обладаетъ непоколебимой вѣрой, что «марксистская истина» есть истина безъ кавычекъ...

А между тѣмъ теперь даже многіе «твердокаменные ортодоксы» начинаютъ, кажется, понимать, что есть области, въ которыхъ марксистская истина оказывается самой грубой ложью. Эта марксистская истина заключается, какъ извѣстно, въ соціально-экономическомъ объясненіи историческихъ явленій. Не буду останавливаться здѣсь на этой набившей оскомину теоріи, особенно въ томъ ея однобокомъ видѣ экономическаго монизма, въ какомъ она торжествовала побѣду въ девяностыхъ годахъ: эта марксистская истина уже давно признана вполнѣ несостоятельной и знаменитое ученіе о «надстройкѣ» уже давно погребло подъ своими развалинами ортодоксальный марксизмъ. Такова была судьба марксистской истины—отождествленія

экономики съ соціологіей *); могикане ортодоксальнаго марксизма, во главѣ съ г. Плехановымъ, теперь уже неохотно защищаютъ эту безнадежную позицію. Но зато съ тѣмъ бо́льшимъ и достойнымъ лучшей участи рвеніемъ объясняютъ они всѣ историческія (въ широкомъ смыслѣ) явленія своимъ соціально-экономическимъ критеріемъ и принципомъ.

Пишущій эти строки подчеркнулъ въ своей «Исторіи русской общественной мысли» методологическое значеніе этого принципа въ его примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ; марксизмъ же хочетъ видѣть въ немъ универсальный аршинъ, которымъ можно измѣрять всѣ проявленія человѣческаго духа. И вотъ начинаютъ измѣрять этимъ универсальнымъ аршиномъ философію, этику, эстетику, религію... Въ результатѣ получается та ужасающая плоскость мысли, изъ которой не можетъ выйти марксистская критика. И находясь въ этихъ низинахъ мысли, не умѣя поднять голову вверхъ, могикане марксизма продолжаютъ считать себя обладателями единой истины.

Поймутъ ли они когда-нибудь, въ чемъ ихъ ошибка? Конечно нѣтъ: нельзя безнаказанно сидѣть тридцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ, уставясь глазами въ одну точку. Они никогда не поймутъ ограниченности своего универсальнаго измѣрителя; они не поймутъ, что этимъ своимъ аршиномъ они могутъ измѣрять только ограниченную плоскость, а не глубину человѣческаго духа. Посмотрите, какъ марксистская критика «объясняетъ» Толстого, Чехова, Ибсена, Канта, Нитцше, какъ она аккуратно и старательно прикладываетъ къ нимъ свой соціально-экономическій аршинчикъ: вѣдь становится вчужѣ стыдно за русскую литературу, когда слышишь эти «объясненія» марксистской критики... Какая убогость мысли, какое неумѣніе понять

*) Обо всемъ этомъ см. «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 370—372 и 379—380 (изд. 2-ое); тамъ указана та доля истины, которая заключается въ этомъ положеніи.

глубокую сущность вопроса, какая дѣтская рѣзвость, какое непониманіе! «Мелкій буржуа», «идеологъ мелкой буржуазіи» — вотъ два волшебныхъ слова, которыми объяснятъ вамъ и Чехова, и Нитцше, и кого вамъ угодно! А не то, такъ наоборотъ—назовутъ Ибсена борцомъ противъ мелкой буржуазіи и будутъ думать, что вполнѣ «объяснили» Ибсена! *). «Ибсенъ родился, выросъ и возмужалъ въ мелко-буржуазной средѣ, и характеръ его отрицанія былъ, такъ сказать, предопредѣленъ характеромъ этой среды...» И это — критика! Но если это критика, то что̀ же тогда называется непониманіемъ?

Чего же не могутъ понять могикане ортодоксальнаго марксизма? Они не понимаютъ, что ихъ соціально-экономическій критерій безсиленъ проникнуть въ глубь явленій, что есть вещи навѣки недоступныя для ихъ плоскаго, поверхностнаго измѣренія, что никакими сложнѣйшими соціально-экономическими формулами не передать и не объяснить простѣйшаго вопроса философіи: зачѣмъ жизнь? зачѣмъ смерть? Они не хотятъ понять того, что соціально-экономическій критерій остается въ своей силѣ, но что сверхъ него и за нимъ неизбѣженъ другой критерій—этическій, философскій, религіозный. Хорошо, пусть Ибсенъ «выросъ въ мелко-буржуазной средѣ», пусть Чеховъ не можетъ быть понятъ внѣ почвы восьмидесятыхъ годовъ, а Толстой — внѣ атмосферы крупнаго помѣстнаго дворянства второй половины XIX вѣка: вѣдь «великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ» (Михайловскій). Но поймите же, наконецъ, что какъ подробно вы ни измѣрили бы этимъ соціально-экономическимъ аршиномъ Толстого, Чехова, Ибсена — вы все же еще не проникли въ глубь ихъ творчества, вы еще не сдѣлали для этого ни одного шага. Рядъ глубочайшихъ философскихъ проблемъ поставленъ Толстымъ въ «Войнѣ и

*) См. статью Г. Плеханова «Генрихъ Ибсенъ», очень характерную для марксистской литературной критики.

мирѣ», Достоевскимъ—въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»: какъ вы подступите къ нимъ со своимъ экономическимъ критеріемъ? Вы будете безпомощно лепетать, что Достоевскій—«мелко-буржуазный» разночинецъ, а Толстой—«крупно-буржуазный» дворянинъ? Пусть такъ; это отмѣтилъ еще за четверть вѣка до васъ Михайловскій и въ этомъ есть доля истины; но дальше? Дальше идти вы не можете, а потому и утверждаете, что дальше ничего нѣтъ и ничего не нужно; въ этомъ и заключается ваша марксистская истина.

Во всемъ этомъ ясно сказывается та основная черта марксизма, о которой мы говорили выше: пренебреженіе къ глубокой, неповторяемой, индивидуальной человѣческой личности, къ ея жгучимъ и болѣзненнымъ запросамъ, къ ея внутренней сущности. Личность эта выростаетъ на соціальной почвѣ, но глубочайшіе этическіе запросы этой личности могутъ быть объяснены только этическими и философскими критеріями. Соціально-экономическій критерій законенъ какъ методологическій пріемъ при объясненіи общественныхъ явленій; но рядомъ съ нимъ и надъ нимъ долженъ стоять критерій философскій и этическій, безъ котораго и общественность и индивидуальность равно непонятны.

«Кромѣ соціально-экономической группировки (явленій) и рядомъ съ ней должна имѣть мѣсто и группировка соціально-этическая» — на этомъ положеніи построена вся «Исторія русской общественной мысли» (см. т. I, стр. XXII). Кромѣ соціально-экономическихъ группъ—классовъ — съ которыми только и оперируетъ марксизмъ, мы устанавливаемъ нѣкоторую соціально-этическую группировку не по внѣшнимъ, а по внутреннимъ признакамъ. Мы говоримъ о внѣклассовой и внѣсословной интеллигенціи, изучаемъ ея отношеніе къ личности, ея индивидуализмъ, ея борьбу съ этическимъ мѣщанствомъ; мы не останавливаемся на убогомъ утвержденіи, что Достоевскій былъ «мелко-буржуазный разночинецъ», но стремимся подойти

къ самой сущности его геніальныхъ откровеній, его философіи. Такъ мы прослѣживаемъ всю исторію русской интеллигенціи, всю исторію русской общественной мысли; само собой разумѣется, какъ къ этому долженъ отнестись марксизмъ, упорно ставящій точку тамъ, гдѣ мы ставимъ только двоеточіе.

Вотъ коренное, непримиримое противорѣчіе, лежащее между г. Плехановымъ и пишущимъ эти строки. Г. Плехановъ, сказали мы выше,—одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей стараго ортодоксальнаго марксизма, уже нѣсколько десятилѣтій упорно отстаивающій ту марксистскую истину, о которой идетъ рѣчь. Всякая «критика» ему ненавистна; онъ убѣжденъ, что обладаетъ полной и цѣльной истиной и на прокрустово ложе этой «истины» укладываетъ всѣ общественныя явленія, все творчество человѣческаго духа; на всѣхъ инако мыслящихъ онъ смотритъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ. Чернышевскій когда-то очень мѣтко охарактеризовалъ этотъ типъ доктринера, убѣжденнаго въ своей абсолютной правотѣ: «Г. Плехановъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ (въ словахъ Чернышевскаго мы измѣняемъ только имя.—И.-Р.). Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость...» Онъ держитъ въ рукахъ универсальный аршинъ марксистской истины и добросовѣстно мѣряетъ имъ все, что́ попадется подъ руку: и аграрную программу, и Ибсена, и голодъ 1891—92 г., и философію Канта. И если измѣреніе соціально-экономическимъ критеріемъ политико-экономическихъ вопросовъ даетъ удовлетворительные результаты (ибо здѣсь аршиномъ измѣряется длина), то зато что̀ получается изъ бѣднаго Ибсена или Канта—объ этомъ лучше и не говорить... Конечно, они оказываются сознательными или безсознательными «идеологами буржуазіи»—крупной или мелкой... Это ужъ такой неизбѣжный выводъ, что его можно предсказать заранѣе и безошибочно.

Могу гордиться тѣмъ, что и мнѣ приходится раздѣлять въ глазахъ г. Плеханова печальную участь всѣхъ инако мыслящихъ: конечно «г. Ивановъ-Разумникъ» является «идеологомъ буржуазіи», его міровоззрѣніе представляетъ изъ себя «идеологію образованнаго и „критически-мыслящаго“ мѣщанина нашего времени» (VI, 138). Если бы г. Плехановъ не сказалъ этого, то на что годилась бы его универсальная марксистская истина? Но что дѣлать! Признаюсь откровенно: я предпочитаю оставаться во мнѣніи г. Плеханова «идеологомъ буржуазіи» рядомъ съ Михайловскимъ или Чеховымъ, чѣмъ считаться «идеологомъ пролетаріата» вкупѣ и влюбѣ съ могиканами ортодоксальнаго марксизма... Ибо, какъ извѣстно г. Плеханову, я считаю окаменѣвшее въ догмѣ міровоззрѣніе его и немногихъ могиканъ старозавѣтнаго марксизма тѣмъ типичнымъ этическимъ мѣщанствомъ, съ которымъ всегда вела борьбу русская интеллигенція и въ которое неизбѣжно вырождается современный марксизмъ, когда-то полный жизни и движенія, а теперь все болѣе и болѣе обращающійся въ схему, въ догму, въ катехизисъ.

III.

«Самъ съѣшь. Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя... Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики». Эти ядовитыя слова Пушкина вполнѣ оправдываются, къ сожалѣнію, и на современной марксистской критикѣ. Въ «Ист. русск. общ. мысли» я назвалъ авторовъ сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» (въ ихъ числѣ и г. Луначарскаго) эпигонами марксизма,—въ отвѣтъ на это г. Луначарскій именуетъ меня «эпигономъ народничества»; я назвалъ высохшій и застывшій въ догмѣ ортодоксальный мар-

ксизмъ мѣщанствомъ,—въ отвѣтъ на это гг. Плехановъ и Луначарскій кричатъ мнѣ unissono: «самъ мѣщанинъ!» Ужасное самъ съѣшь!

Правда, г. Плехановъ вкладываетъ въ понятіе «мѣщанства» не совсѣмъ тотъ смыслъ, какъ пишущій эти строки. Для г. Плеханова мѣщанство есть буржуазія и буржуазія есть мѣщанство, и когда онъ кричитъ мнѣ свое «самъ мѣщанинъ!»—то это должно означать «идеологъ буржуазіи». Для меня «мѣщанство» отнюдь не связано исключительно съ буржуазіей, а объединяетъ собою людей всѣхъ классовъ, всѣхъ званій и состояній, но нѣкотораго общаго духовнаго уровня; говоря такъ, я лишь слѣдую за Герценомъ, впервые заговорившимъ объ этомъ этическомъ мѣщанствѣ *). На послѣднее мое утвержденіе стремительно обрушивается г. Плехановъ; онъ утверждаетъ, что Герценъ ничего подобнаго никогда не думалъ и не говорилъ, онъ даетъ свое собственное толкованіе воззрѣній Герцена. Вотъ объ этомъ стоитъ поговорить, вмѣсто того, чтобы угощать другъ друга взаимными самъ съѣшь.

Какъ понимаетъ Герцена пишущій эти строки — это читатель знаетъ изъ страницъ, посвященныхъ характеристикѣ его міровоззрѣнія (см. выше, стр. 13 — 43); какъ понимаетъ Герцена г. Плехановъ — это мы сейчасъ увидимъ. Отношеніе Герцена къ буржуазіи и мѣщанству, съ одной стороны, отношеніе его къ соціализму—съ другой: вотъ два главныхъ пункта, на которые обращаетъ свое вниманіе г. Плехановъ.

Г. Плехановъ начинаетъ съ того, что приводитъ рядъ цитатъ для характеристики отношенія Герцена къ буржуазіи и доказываетъ, что для Герцена «мѣщанство» было духовнымъ свойствомъ буржуазіи. Для г. Плеханова все ясно: буржуазія есть классъ, «буржуазность» есть характерное свойство этого класса; но вѣдь вопросъ вовсе

*) См. выше статью «Герценъ и Михайловскій» и главу о Герценѣ въ «Ист. русск. общ. мысли».

не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: если все это даже и такъ, то распространяется ли духовное свойство буржуазіи на другіе классы? И какъ отвѣчалъ на подобный вопросъ Герценъ?—Герценъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ съ категорической опредѣленностью, и отвѣтъ этотъ мы найдемъ хотя бы въ тѣхъ цитатахъ, которыя приводитъ г. Плехановъ и которыя читатель найдетъ въ «Ист. русск. общ. мысли» (т. I, стр. 344—349). Буржуазія—это центръ мѣщанства,—такъ формулировали мы мысль Герцена, — но мѣщанство шире: эта общая безличность, эта общая узость понятій и плоскость чувствованій переступила сословную черту и разлилась широкимъ потокомъ по всей Европѣ»... (см. выше, стр. 16). «Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство,—говоритъ Герценъ:—объ этомъ можно было бы спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видѣть всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку». Вы видите: буржуазія составляетъ только часть европейскаго общества, но ставитъ свою «торговую марку»—этическое мѣщанство—«на всѣхъ его проявленіяхъ». Мѣщанство, характерное для буржуазіи, распространяется на всѣ другіе классы, на все общество—такова была мысль Герцена; «объ этомъ можно было бы спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно»... Перечтите хотя бы только тѣ десятка два цитатъ, которые приводятся въ «Ист. русск. общ. мысли» (I, 344—349).

Но г. Плеханову хочется спорить. Онъ доказываетъ, что этическое мѣщанство есть свойство буржуазнаго класса и не можетъ подвергнуться процессу отвлеченія, что такого отвлеченнаго пониманія оно не имѣло у Герцена. Онъ не устаетъ иронизировать надъ такимъ «нуменальнымъ смысломъ» мѣщанства и насмѣшливо заявляетъ, что «г. Ивановъ-Разумникъ даже и природу не прочь обвинить въ буржуазности». А ужъ это дѣйствительно —

верхъ «отвлеченія», дальше идти некуда, не такъ ли? И представьте себѣ, что это «мѣщанство природы»—не только мысль, но даже буквальныя слова Герцена! «Въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго»: мы уже встрѣчались съ этими словами Герцена и знаемъ, какое широкое развитіе получила эта мысль въ теоріи идеальныхъ и практическихъ типовъ Михайловскаго (см. выше, стр. 17 и сл.). Г. Плехановъ, повидимому, не имѣетъ понятія объ этомъ фактѣ — пусть такъ; но отсюда ясно, какъ плохо понимаетъ онъ герценовское «мѣщанство»: онъ не знаетъ, что мысль о «мѣщанствѣ въ природѣ» есть мысль Герцена, ясно показывающая, насколько далеко ушелъ Герценъ отъ любезной сердцу г. Плеханова экономики въ своемъ отвлеченномъ пониманіи мѣщанства.

Но оставимъ въ сторонѣ природу, вернемся къ людямъ. Для Герцена понятіе этическаго мѣщанства, отвлеченнаго отъ буржуазіи, распространялось на всѣ классы, на всѣ сословія; онъ видѣлъ мѣщанство и въ купцѣ, и въ крестьянинѣ, и въ профессорѣ, и въ рабочемъ—и не боялся высказывать это открыто. Сама борьба пролетаріата съ буржуазіей казалась ему въ общемъ борьбою двухъ становъ мѣщанъ: «съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой—неимущіе мѣщане (подчеркнуто Герценомъ), которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ достояніе, но не имѣютъ силы»... Но здѣсь мы уже переходимъ отъ вопроса о буржуазіи къ вопросу о соціализмѣ, и здѣсь снова мы встрѣчаемся съ совершеннымъ непониманіемъ г. Плехановымъ Герцена.

Для Герцена соціализмъ не былъ такимъ фетишемъ, какимъ онъ является для ортодоксальнаго марксизма. Марксизмъ обладаетъ религіозной вѣрой — которую считаетъ «научнымъ прогнозомъ»,—что въ ближайшемъ будущемъ царство буржуазіи падетъ и воцарится соціализмъ марксистскаго образца; тогда рѣки потекутъ млекомъ и медомъ, человѣчество совершитъ мгновенный прыжокъ «изъ царства необходимости въ царство свободы». И тогда — «о, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!» Мнѣ уже приходилось указывать, что въ этой фанатической вѣрѣ таилась и таится сила марксизма, что именно этой вѣрѣ марксизмъ обязанъ своимъ быстрымъ распространеніемъ среди истрадавшихся и истомившихся рабочихъ массъ. Такой слѣпой вѣры въ соціализмъ не было у Герцена. Быть можетъ, современемъ соціализмъ побѣдитъ, говорилъ онъ, а быть можетъ и нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ Европа кристаллизуется въ мѣщанствѣ, и это будетъ печальнымъ концомъ европейской исторіи. Если же соціализмъ и побѣдитъ, то и это не будетъ конечнымъ этапомъ развитія человѣчества; Герценъ съ геніальной прозорливостью предвидѣлъ, какъ много будетъ въ этомъ побѣдоносномъ соціализмѣ элементовъ ненавистнаго ему этическаго мѣщанства; если бы Герценъ могъ увидѣть современный застывшій въ догмѣ ортодоксальный марксизмъ, то онъ еще больше утвердился бы въ своемъ пророческомъ предчувствіи. «Герценъ былъ до того глубоко убѣжденъ въ мѣщанствѣ, какъ основѣ всего европейскаго уклада, что высказывалъ еретическую мысль о томъ, что соціализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, неизбѣжно самъ выродится въ мѣщанство: «соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма»... Эту мысль о потенціальномъ мѣщанствѣ соціализма уразумѣло только поколѣніе русской интеллигенціи начала XX вѣка, такъ что въ этомъ случаѣ Герценъ на пятьдесятъ лѣтъ опередилъ свое время...» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 369). А вотъ г. Плехановъ и до сего дня не можетъ «уразумѣть» этой мысли и тѣмъ самымъ на пятьдесятъ лѣтъ отстаетъ отъ своего времени и даже отъ Герцена.

Это клевета на Герцена и на соціализмъ!—возмущается г. Плехановъ. «...У Герцена дѣло происходитъ совсѣмъ не такъ просто: вотъ, молъ, соціализмъ останется побѣдителемъ на полѣ битвы и сейчасъ же выродится въ консерватизмъ» (VI, 131). Но гдѣ же г. Плехановъ нашелъ у меня это подчеркнутое мною «сейчасъ же»? У меня сказано: соціализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, неизбѣжно самъ выродится въ мѣщанство. Но и съ этой неизбѣжностью г. Плехановъ несогласенъ: «никакія соображенія объ игрѣ жизни не убѣдятъ меня въ неминуемости неизвѣстной революціи, которой, будто бы, суждено явиться отрицаніемъ соціализма» — торжественно восклицаетъ онъ (VI, 132). Ну, еще бы: марксистскій Zukunftstaat—уже абсолютная и конечная форма общественной жизни; эта сентиментальная вѣра г. Плеханова, какъ и всякая вѣра, не подлежитъ оспариванію: пусть себѣ вѣритъ! Но зато пусть же онъ и не приписываетъ Герцену своего марксистскаго отношенія къ соціализму. А г. Плехановъ это дѣлаетъ и дѣлаетъ очень неискусно; чтобы убѣдиться въ этомъ, приходится переписать изъ статьи г. Плеханова большую цитату, къ счастью наполовину состоящую изъ словъ Герцена. «...Согласно представленію Герцена, — пишетъ г. Плехановъ, — соціализмъ, пока онъ шелъ бы по восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія, характеризовался бы полнымъ исчезновеніемъ того разлада между развитыми нымъ исчезновеніемъ того разлада между развитыми личностями съ одной стороны и «толпой, массой» — съ другой, которымъ отличается періодъ мѣщанства. Эпоха восходящаго соціализма была бы одной изъ благодатныхъ эпохъ такъ изображаемыхъ Герценомъ:

«Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ общемъ дѣлѣ. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ она живетъ. Въ такія времена, тоже довольно рѣдкія (подчеркнутыя слова пропущены г. Плехановымъ), все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно геніальныя, какъ Гете, стоятъ поодаль, и натуры пошло безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, также увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько же поглощены революціей, какъ якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности, — все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ, жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія» («Съ того берега», гл. VII).

«Нашъ историкъ умалчиваетъ обо всемъ этомъ, — продолжаетъ г. Плехановъ, — и это его умолчаніе даетъ представленіе о томъ, какъ много можно полагаться на его «исторію русской общественной мысли». Истинно, истинно говорю вамъ, читатель: и Ивановъ-Разумникъ, подобно герою извѣстной басни Крылова, слона-то и не замѣчаетъ»... (VI, 132—133).

Ну, что же — разсмотримъ поближе плехановскаго «слона», хотя бы для разсмотрѣнія его и пришлось пользоваться микроскопомъ. Обратимся для этого къ Герцену. О чемъ говоритъ онъ въ приводимой г. Плехановымъ цитатѣ? Онъ говоритъ объ эпохахъ революцій вообще, и все сказанное имъ одинаково можетъ быть отнесено и къ 1789-му, и къ 1905-му году, и къ революціи буржуазной, и къ революціи соціально-демократической, и къ революціи политической, и къ будущей соціалистической революціи. Это рѣдкія и бурныя эпохи общественныхъ взрывовъ, когда, по словамъ Герцена, «все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ», когда всѣ личности «увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ». Г. Плехановъ увѣряетъ, что такою-де, по мнѣнію Герцена, будетъ и «эпоха восходящаго соціализма»: откуда намъ сіе? Вѣдь мы уже

теперь давно живемъ въ «эпохѣ восходящаго соціализма» («восходъ» этотъ начался, конечно, съ появленіемъ марксизма—не такъ ли?), но гдѣ же то кипѣніе всѣхъ людей въ круговоротѣ событій, о которомъ говорилъ Герценъ? гдѣ поглощеніе всѣхъ, увлеченіе и удовлетвореніе въ настоящей борьбѣ? гдѣ общее дѣло личности и среды? Все это будетъ въ грядущей соціалистической революціи—въ одной изъ тѣхъ быстрыхъ и бурныхъ вспышекъ, тѣхъ эпохъ, которыя самъ Герценъ называетъ рѣдкими; а г. Плехановъ хочетъ заставить Герцена считать такой эпохой чуть ли не перманентную эпоху «соціализма, пока онъ шелъ бы по восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія!» Напрасная попытка! И хотя бы г. Плехановъ нагромоздилъ другъ на друга еще десятокъ родительныхъ падежей, все же остается неоспоримымъ, что Герценъ имѣетъ въ виду не «восходящую часть кривой линіи историческаго движенія соціализма», а эпоху революціоннаго разряда, рѣдкую эпоху, поглощающую всѣхъ въ одномъ быстромъ круговоротѣ событій.

Итакъ, все то, что Герценъ говоритъ о процессѣ революціи, хотя бы и соціалистической, нисколько не опровергаетъ его же мысли о неизбѣжномъ мѣщанствѣ того же соціализма послѣ своей побѣды. Пройдетъ эпоха борьбы, соціализмъ останется побѣдителемъ послѣ переворота и сдѣлается нормой общественной жизни — такой же нормой, какой теперь является буржуазно-капиталистическій укладъ. И вотъ въ эту-то эпоху «высшей части кривой линіи историческаго движенія соціализма», въ эту эпоху — думаетъ Герценъ — «снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія», и снова начнется борьба этого революціоннаго меньшинства—съ соціализмомъ какъ съ нормой, съ догмой, съ обыденностью. Какъ относился Герценъ вообще къ такой по-революціонной эпохѣ, а значитъ и къ по-революціонной эпохѣ соціализма — это мы сейчасъ увидимъ изъ словъ Герцена, непосредственно слѣдую-

щихъ за переписанной г. Плехановымъ цитатой, но почему-то незамѣченныхъ нашимъ марксистомъ. Указавъ на революціонныя эпохи, эпохи яркой жизни и борьбы, Герценъ продолжаетъ:

«Есть другія времена — и они всего обыкновеннѣе — времена мирныя, сонныя даже, въ которыя отношенія личности къ средѣ продолжаются, какъ они были поставлены послѣднимъ переворотомъ. Они не настолько натянуты, чтобъ лопнуть, не настолько тяжелы, чтобъ нельзя было вынести, и, наконецъ, не настолько исключительны и настойчивы, чтобъ жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главныя шероховатости. Въ такія эпохи вопросъ о связи общества съ человѣкомъ не такъ занимаетъ. Являются частныя столкновенія, трагическія катастрофы, вовлекающія въ гибель нѣсколько лицъ, раздаются титаническіе стоны скованнаго человѣка; но все это теряется безслѣдно въ учрежденномъ порядкѣ, признанныя отношенія остаются незыблемыми, покоятся на привычкѣ, на человѣческомъ безпечіи, на лѣни, на недостаткѣ демоническаго начала критики и ироніи».

Вотъ какъ смотрѣлъ Герценъ на эпоху установившихся отношеній, когда люди, лишенные начала критики, пытаются создать изъ этихъ отношеній постоянную норму, будь то буржуазный укладъ или марксистскій Zukunftstaat. И вотъ теперь люди, лишенные «демоническаго начала критики и ироніи» и, наоборотъ, щедро одаренные, подобно г. Плеханову, божественнымъ началомъ догмы, — теперь эти люди хотятъ сдѣлать изъ Герцена такого же вѣрующаго соціалиста, какъ они сами! Герценъ во многомъ ошибался, во многомъ былъ не правъ — объ этомъ мнѣ приходилось говорить достаточно подробно; но его мысль о потенціальномъ мѣщанствѣ соціализма является поистинѣ геніальнымъ прозрѣніемъ — въ этомъ насъ, задолго до побѣды соціализма, достаточно ясно убѣждаетъ

современный насквозь догматичный и не критическій ортодоксальный марксизмъ.

Выводъ изъ предыдущаго: если г. Плехановъ утверждаетъ, что видитъ «слона», то не вѣрьте ему на слово: этотъ «слонъ» можетъ оказаться «субъективной иллюзіей» нашего марксиста, несмотря на весь его (г. Плеханова) величественный объективизмъ. И если нашъ марксистъ, приводя одну цитату, умалчиваетъ о сосѣдней, главнѣйшей, то—скажу его словами—это его умолчаніе даетъ представленіе о томъ, какъ много можно полагаться на его критику «Исторіи русской общественной мысли».

А теперь пусть самъ читатель судитъ о степени пониманія или непониманія г. Плехановымъ Герцена. Пока Герценъ говоритъ съ г. Плехановымъ понятнымъ послѣднему языкомъ — языкомъ соціально-экономическихъ положеній — г. Плехановъ его понимаетъ; но чуть только Герценъ покидаетъ эту родную для нашего марксиста стихію, какъ послѣдній становится совершенно неспособнымъ слѣдить мыслью за великимъ родоначальникомъ русскаго народничества. И тогда онъ начинаетъ «объяснять» Герцена sub specie marxismi: громаднаго Герцена онъ пытается втиснуть въ схему универсальной марксистской истины. Тутъ мы узнаемъ, что вся трагедія Герцена заключалась, разумѣется, въ томъ, что онъ не дошелъ до пониманія догматовъ марксистскаго вѣроученія, «не доработался до этой спокойной увѣренности»... «...Въ этомъ было его величайшее несчастіе, въ этомъ заключался глубочайшій трагизмъ его борьбы съ Западомъ»... (VI, 135). Изъ такого обезоруживающе-плоскаго пониманія ясно только одно: трагедія Герцена лежитъ за предѣлами досягаемости г. Плеханова.

И чтò характерно: вѣдь это не къ одному Герцену г. Плехановъ примѣняетъ свой универсальный діагнозъ; нѣтъ, всѣ ошибки всѣхъ мыслителей, публицистовъ, художниковъ заключаются или въ незнаніи, или непониманіи единоспасающей марксистской истины. Въ этомъ основная болѣзнь не только Герцена, Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Михайловскаго, но и—sit venia comparationi—Максима Горькаго, и Достоевскаго, и Толстого. А разъ универсаленъ діагнозъ, то и лекарство отъ всѣхъ болѣзней тоже универсальное: прими марксистскую истину — и спасенъ будешь, и всѣ трагедіи какъ рукой сниметъ... («Только марксизмъ могъ бы вылечить М. Горькаго» — слова г. Плеханова). Точь въ точь какъ тотъ пресловутый мольеровскій докторъ, который противъ всѣхъ болѣзней зналъ только одно универсальное лекарство:

Clysterium donare,
Postea purgare...

А хоръ savantissimorum doctorum удовлетворенно подтверждаетъ: «bene, bene respondere»...

Bene, bene respondere, г. Плехановъ!

IV.

Обратимся, однако, къ главному пункту нападеній г. Плеханова—къ понятіямъ «мѣщанства» и «интеллигенціи», независимо отъ того, чтò и кàкъ думалъ Герценъ по этимъ вопросамъ; мы уже видѣли, что тщетна попытка г. Плеханова обстричь Герцена подъ марксистскую гребенку.

Центромъ нападенія г. Плеханова является слѣдующая характеристика мѣщанства—переписываю дословно: «мѣщанство есть группа преемственная, внѣклассовая и внѣсословная. Въ этихъ признакахъ — главное отличіе «мѣщанства» отъ «буржуазіи», типично сословной и классовой группы. Буржуазія это прежде всего—третье сословіе; далѣе это общественный классъ, рѣзко опредѣляемый и характеризуемый, какъ экономическая категорія, понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ (подъ рентой, въ условно широкомъ смыслѣ, мы понимаемъ и до-

ходъ предпринимателей и доходъ землевладѣльцевъ). Понятіе «мѣщанства» — неизмѣримо шире, такъ какъ внѣклассовость и внѣсословность являются его характерными признаками»... («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 14).

Такая характеристика вызываетъ въ г. Плехановѣ цѣлый рядъ недоумѣній; онъ «настоятельно проситъ» автора разрѣшить его, г. Плеханова, сомнѣнія. А въ чемъ заключаются эти сомнѣнія—о томъ слѣдуютъ пункты. «Во-первыхъ,—спрашиваетъ г. Плехановъ,—на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что «буржуазія это прежде всего—третье сословіе?» Вѣдь третье сословіе обнимало собою и буржуазію и пролетаріатъ, поскольку существовали тогда эти общественныя категоріи. Но когда существовало третье сословіе, буржуазія была еще далека отъ полнаго господства въ западно-европейскомъ обществѣ. Этого господства она достигла уже послѣ того, какъ уничтоженъ былъ сословный строй (ancien régime), т.-е. послѣ того, какъ устранено было всякое логическое основаніе для того, чтобы именовать буржуазію сословной группой. Мнѣ кажется, что я догадываюсь, почему нашъ историкъ позабылъ въ этомъ случаѣ исторію, но я не хочу высказывать свою догадку. Я предпочитаю дождаться отвѣта отъ г. Иванова-Разумника» (VI, 120).

Я заранѣе увѣренъ, что какіе бы отвѣты я ни далъ, хотя бы діаметрально противоположные — г. Плехановъ торжествующе заявитъ, что вотъ именно этотъ самый отвѣтъ онъ и имѣлъ въ виду... Поэтому заранѣе поздравляю г. Плеханова съ его догадливостью и отвѣчаю въ немногихъ словахъ на его вопросъ, почему я назвалъ буржуазію «третьимъ сословіемъ». Классъ есть явленіе капиталистическаго строя; въ феодальномъ строѣ (ancien régime) ему соотвѣтствуетъ сословіе. Переходъ сословія въ классъ есть переходъ постепенный, совершавшійся во Франціи въ XVIII и началѣ XIX вѣка, а въ Россіи — въ серединѣ XIX вѣка и до конца его. А потому — «буржуазія это прежде всего—третье сословіе»: это справедливо и хронологически, и соціологически, и какъ тамъ еще ни смотрите. Это такъ ясно, что мнѣ даже неловко объяснять г. Плеханову такія истины, но вѣдь онъ самъ «настоятельно просилъ» отвѣта... Ну, что-жъ: по просьбѣ вашей дастся вамъ.

Но у г. Плеханова есть еще и другіе вопросы, на которые онъ столь же «настоятельно» проситъ отвѣта. «...Я прошу еще разъ г. Иванова-Разумника отвѣтить мнѣ,—вопрошаетъ г. Плехановъ:—имѣютъ ли какой-нибудь классовый характеръ тѣ группы, которыя, вмѣстѣ съ буржуазіей, входятъ... въ собирательную группу мѣщанства? Если—да, то какой именно; а если—нѣтъ, то почему не имѣютъ? И что это значитъ? Я буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта» (VI, 121).

Прежде, чѣмъ отвѣчать на эти столь изобильные вопросы (не сомнѣваюсь, что г. Плехановъ можетъ еще и zehn mal mehr fragen), надо объяснить, что́ собственно такъ смущаетъ и безпокоитъ нашего марксиста? Его смущаетъ опредѣленіе «мѣщанства» какъ внѣклассовой группы. «Хотя мѣщанство, какъ группа, неизмѣримо шире буржуазіи, — иронизируетъ г. Плехановъ,—но, очевидно, что въ составъ мѣщанства входитъ также и буржуазія... Значитъ... буржуазный классъ является составною частью внѣклассовой... группы мѣщанства. Но если это такъ,—а это, какъ видитъ читатель, не можетъ быть иначе,—то имѣемъ ли мы право называть мѣщанскую группу—внѣклассовой? Очевидно, нѣтъ! Та общественная группа, одной изъ составныхъ частей которой является буржуазный классъ, сама должна имѣть по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени классовый характеръ...» Поэтому мы не имѣемъ права называть группу мѣщанства—внѣклассовой группой. «Если—продолжаетъ г. Плехановъ — одною изъ составныхъ ея частей является буржуазный классъ, то другими ея составными частями могутъ явиться только какіе-нибудь

другіе классы или слои. Вѣдь это же ясно, какъ день. А если ясно, то спрашивается: какіе же классы или слои? Г. Ивановъ-Разумникъ хранитъ на этотъ счетъ глубокое молчаніе. Но молчаніе не аргументъ» (VI, 120—121). А потому г. Плехановъ «настоятельно проситъ» отвѣта, котораго «будетъ съ нетерпѣніемъ ждать»...

Я очень радъ, что могу успокоить нетерпѣніе г. Плеханова: дѣло въ томъ, что отвѣтъ на всѣ столь смущающіе моего критика вопросы данъ мною какъ-разъ въ той самой «Исторіи русск. общ. мысли», въ которой критикъ нашелъ по указаннымъ вопросамъ только «глубокое молчаніе»... Нѣсколько позднѣе я еще подробнѣе остановился на этихъ вопросахъ въ книгѣ «Что такое махаевщина?», вышедшей въ свѣтъ почти за годъ до появленія этой статьи г. Плеханова *). Правда, я говорилъ тамъ не о «мѣщанствѣ», а объ «интеллигенціи»; но вѣдь г. Плехановъ знаетъ, что для меня «мѣщанство» — такая же (соціально-этическая) группа, какъ и интеллигенція, характеризуемая одними и тѣми же четырьмя основными формальными признаками. Подчеркнутая фраза находится въ томъ самомъ опредѣленіи «мѣщанства», которое мы привели выше и которое г. Плехановъ столь тщательно переписалъ на страницѣ 117-ой своей статьи; впрочемъ, подчеркнутыя слова г. Плехановъ предусмотрительно замѣнилъ многоточіемъ... Во всякомъ случаѣ я могъ бы теперь отвѣтить моему критику: на всѣ ваши вопросы о «мѣщанствѣ» я уже неоднократно и давнымъ давно отвѣтилъ, говоря объ «интеллигенціи»; обратитесь къ вышеуказаннымъ книгамъ и статьямъ. Но, памятуя, что repetitio est mater studiorum, и входя въ положеніе г. Плеханова, который такъ «настоятельно проситъ» отвѣта и ждетъ его съ такимъ «нетерпѣніемъ» — я готовъ еще разъ, какъ это ни скучно, повторить свой старый отвѣтъ на вопросы г. Плеханова.

*) См. въ настоящее время второе изданіе этой книги: «Объ интеллигенціи», Спб., 1909 г. Значительныя дополненія представляютъ въ главной своей части статью, прочитанную авторомъ въ Спб. Литературномъ Обществѣ 26 апрѣля 1908 года.

Точно такъ же, какъ частью «интеллигенціи» являются «умственные рабочіе», такъ и частью «мѣщанства» является «буржуазія»—это мы уже отмѣтили выше; но отсюда далеко до утвержденія, что весь классъ умственныхъ рабочихъ входитъ въ интеллигенцію или характеризуетъ ее, что весь классъ буржуазіи входитъ въ мѣщанство или характеризуетъ его. Тутъ два совершенно различныхъ принципа дѣленія: умственные рабочіе и буржуазія—это дѣленіе соціально-экономическое, интеллигенція и мѣщанство—это дѣленіе соціально-этическое, и вторая группировка совершенно не опровергается первой. Въ интеллигенцію входятъ рѣшительно всѣ соціально-экономическіе классы, точно такъ же, какъ и въ мѣщанство; наоборотъ, въ классъ буржуазіи или въ любой иной входятъ рѣшительно всѣ соціально-этическія группы. Неужели это такъ трудно понять? Для г. Плеханова это, повидимому, не легко, а потому позволю себѣ дать ему самый простой примѣръ. Возьмемъ любыя двѣ группировки людей—хотя бы, напримѣръ, національную и экономическую: съ одной стороны европейцы—это русскіе, англичане, французы и т. д., съ другой стороны тѣ же самые люди являются землевладѣльцами, капиталистами, мелкими собственниками, пролетаріями и т. п. Это двѣ параллельныя группировки, нисколько не опровергающія одна другую; въ нихъ каждый изъ членовъ одного ряда является суммой частей другого ряда. Такъ, напримѣръ, всѣ русскіе неизбѣжно будутъ землевладѣльцами, капиталистами, пролетаріями, всѣ англичане также, всѣ французы точно также и т. д. Но и наоборотъ: всѣ капиталисты являются русскими, англичанами, французами, всѣ землевладѣльцы также, всѣ пролетаріи точно также и т. д. Все это отъ слова до слова примѣнимо къ двумъ любымъ рядамъ подобныхъ параллельныхъ группировокъ, все это буквально примѣнимо и къ группировкамъ экономической и этической. Если и

это непонятно г. Плеханову, то я, къ сожалѣнію, лишенъ умѣнія выразиться еще яснѣе.

Но во всякомъ случаѣ г. Плеханову теперь ясенъ, надѣюсь, тотъ отвѣтъ на его вопросы, котораго онъ ждетъ, по его же словамъ, съ такимъ нетерпѣніемъ? «Имѣютъ ли какой-нибудь классовый характеръ тѣ группы, которыя входятъ въ собирательную группу мѣщанства?» На это позволю себѣ отвѣтить встрѣчнымъ вопросомъ: имѣютъ ли какой-либо экономическій характеръ тѣ группы, которыя входятъ въ собирательную группу національности? Конечно, да: среди русскихъ будутъ и капиталисты, и землевладѣльцы, и пролетаріи, и всѣ прочія группы; точно также среди духовныхъ «мѣщанъ» будутъ и буржуа, и умственные работники и т. д., и они же будутъ среди группы «интеллигенціи». И въ «мѣщанство» и въ «интеллигенцію» входятъ люди всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій—и именно потому эти всѣклассовыя группы суть группы внѣклассовыя, точно также какъ экономическія группы капиталистовъ, землевладѣльцевъ и пролетаріевъ суть категоріи всѣнаціональныя, а потому и внѣнаціональныя.

Итакъ, пусть г. Плехановъ успокоится: въ «мѣщанство», какъ и въ «интеллигенцію», неизбѣжно будутъ входить частями рѣшительно всѣ классовыя группы; каждый представитель и интеллигенціи и мѣщанства неизбѣжно принадлежитъ къ какому-либо классу, точно такъ же какъ неизбѣжно онъ долженъ быть либо брюнетомъ, либо блондиномъ... Но при чемъ же тутъ этотъ признакъ цвѣта волосъ или принадлежности къ такой-то экономической группѣ, разъ мы производимъ дѣленіе по этическимъ признакамъ?

Но тутъ г. Плехановъ, какъ одинъ изъ могиканъ ортодоксальнаго марксизма, несомнѣнно поспѣшитъ укрыться подъ сѣнь старой «марксистской истины»: между экономикой и этикой—скажетъ онъ—существуетъ тѣсная причинная связь; экономическія отношенія—это тотъ фун-

даментъ, на которомъ... и прочее, а этика является той «надстройкой», которая... и тому подобное. Здѣсь это чеховское «и прочее», «и тому подобное»—какъ-разъ у мѣста: можно не договаривать, всѣмъ извѣстна эта марксистская истина о «надстройкѣ». Но выше мы уже выяснили наше отношеніе къ этой марксистской истинѣ, а потому и предполагаемое возраженіе г. Плеханова является аргументомъ лишь для адептовъ марксистскаго вѣроученія. Для насъ же и экономическая и этическая группировки являются двумя главными параллельными рядами, руководствуясь которыми, мы изучаемъ внѣшнюю и внутреннюю исторію общественной мысли. Г. Плехановъ полагаетъ, что «объяснить» эту исторію—значитъ свести ее къ соціально-экономической точкѣ зрѣнія: «всякая данная философія исторіи лишь постольку и имѣла теоретическую цѣнность, поскольку она переходила на эту почву, поскольку ей удавалось опредѣлить соціологическій эквивалентъ тѣхъ или другихъ этическихъ явленій»... (VI, 124). Но вѣдь это только половина работы, вѣдь отсюда только и начинается настоящая философія исторіи, задача которой какъ-разъ обратная: дать этическій и философскій эквивалентъ тѣхъ или другихъ соціологическихъ явленій! И тотъ, кто не видитъ и не понимаетъ этого—пусть лучше забудетъ о философіи исторіи: она не для него писана.

V.

Разобранные выше «вопросы» г. Плеханова почему-то представляются нашему марксисту вопросами «непреодолимой трудности»; но все-таки онъ великодушно готовъ не заканчивать ими свою критику, а продолжать ее дальше, въ поискахъ за новыми «непреодолимыми трудностями». «...Допустимъ,—дѣлаетъ онъ невѣроятное предположеніе,—допустимъ, что эти трудности превзойдены, допустимъ,

что г. Ивановъ-Разумникъ уже объяснилъ намъ,—чего онъ, правда, еще не сдѣлалъ, да, пожалуй, и не сдѣлаетъ (тщетная надежда г-на Плеханова!),—въ какомъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, французская буржуазія къ другимъ общественнымъ группамъ, вмѣстѣ съ нею составляющимъ во Франціи, какъ и во всѣхъ буржуазныхъ странахъ, несравненно болѣе широкую группу мѣщанства»... (VI, 122).

Остановимся немного на этой «непреодолимой трудности», прежде чѣмъ слѣдовать за г. Плехановымъ дальше. Нашему марксисту хочется провести ту мысль, что въ «мѣщанствѣ» доминируетъ буржуазія, что она накладываетъ свою печать на всѣ остальные группы и классы—ну, конечно, за исключеніемъ пролетаріата. Мы сказали выше, что «центромъ» мѣщанства, по мнѣнію Герцена, является буржуазія—но еще въ «Исторіи русск. общ. мысли» мы указали, что не считаемъ это «буржуазное мѣщанство» общимъ случаемъ мѣщанства вообще, что оно является только частнымъ, хотя и характернымъ случаемъ, что различныя другія группы представляютъ не менѣе характерные признаки мѣщанства («Исторія русск. общ. мысли», т. I, стр. 14—15). Collaboratio simplex—простое сотрудничество—вотъ отношеніе части буржуазіи, части, входящей въ группу «мѣщанства», ко всѣмъ другимъ сотоварищамъ по группѣ—хотя бы, напримѣръ, къ тѣмъ «идеологамъ пролетаріата», которые застыли въ схемѣ, въ догмѣ и стали типичными этическими мѣщанами... Г. Плехановъ полагаетъ, якобы вслѣдъ за Герценомъ, что «этическое мѣщанство (является) духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка» (VI, 123); онъ не замѣчаетъ, что всякая «идеологія временъ упадка» неизбѣжно падаетъ въ мѣщанство... А современный ортодоксальный марксизмъ переживаетъ теперь несомнѣнно періодъ самаго явнаго идейнаго упадка.

Возвращаемся, однако, къ «непреодолимымъ трудностямъ» г. Плеханова. Мы уже слышали отъ него, что онъ готовъ предположить, что всѣ эти трудности превзойдены; при этой мысли нашъ критикъ «испытываетъ значительное облегченіе» (VI, 123), но очень скоро имъ «опять овладѣваетъ мучительное безпокойство» (ibid.). И намъ опять приходится успокаивать г. Плеханова.

Въ чемъ дѣло на этотъ разъ? Все въ тѣхъ же новыхъ варіаціяхъ на старый ладъ, все въ томъ же сопоставленіи «мѣщанства» и «буржуазіи». «Одновременно съ нарушеннымъ равновѣсіемъ сословныхъ слоевъ въ эпоху великой французской революціи,—читаетъ г. Плехановъ въ «Исторіи русск. общ. мысли» (т. I, стр. 59),—ложно-классическая трагедія была отодвинута на задній планъ «мѣщанской драмой», параллельно съ выступленіемъ буржуазіи, tiers-état, передъ высшимъ дворянствомъ, аристократіей. Поэтому несомнѣнно, что «мѣщанская драма» была сословно-мѣщанской, но настолько же несомнѣнно, что въ то же время она была литературно анти-мѣщанской: она была протестомъ противъ узкихъ, заледенѣлыхъ формъ псевдо-классицизма»... Какъ!?—возмущается г. Плехановъ:—мѣщанское анти-мѣщанство! борьба майора Ковалева со своимъ собственнымъ носомъ, буржуазіи со своей духовной сущностью! «Выходитъ, стало быть, что было такое время, когда буржуазія не являлась составною частью группы мѣщанства, а стояла внѣ ея и боролась съ нею. Буржуазія противъ мѣщанства...—вотъ это-то положеніе меня и смущаетъ»... (VI, 123). Да не смущается сердце ваше, г. Плехановъ; стоитъ вамъ только сообразить, что экономическая группа буржуазіи не тождественна этической группѣ мѣщанства. А потомъ—позвольте!—не отъ васъ ли только-что слышали мы сочувственное подтвержденіе мысли Герцена, что этическое мѣщанство является духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка? Но вѣдь въ такомъ случаѣ «ясно, какъ день», что этическое мѣщанство не является духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ подъема, это даже г. Луначарскій—и тотъ по-

нимаетъ... *). Эпоха «мѣщанской драмы»—эпоха Вольтеровъ и Руссо, Дантоновъ и Мирабо, эпоха великой французской революціи—была именно временемъ величайшаго духовнаго подъема буржуазіи, и буржуазія боролась тогда съ тѣмъ «мѣщанствомъ», которое проявлялось въ другихъ общественныхъ группахъ, въ разныхъ «упадочныхъ идеологіяхъ» того времени... Придетъ время—не будетъ буржуазіи; но и тогда останется этическое мѣщанство, останутся представители сухихъ, мертвыхъ, отжившихъ догмъ—хотя бы то были и соціалисты типа г. Плеханова: въ предвидѣніи этого Герценъ говорилъ о будущей борьбѣ выродившагося соціализма съ новой, грядущей, неизвѣстной революціей...

Успокоили ли мы «мучительное безпокойство» нашего критика—не знаемъ; но мы знаемъ зато, что имъ опять овладѣваютъ новыя безпокойства, новыя тревоги! Какъ! «мѣщанство» есть вѣчная этическая категорія! даже при соціализмѣ возможно мѣщанство! «Вѣдь мы лучше соціализма пока еще ничего не придумали, а оказывается, что и соціализмъ страдаетъ мѣщанствомъ, по крайней мѣрѣ «потенціальнымъ»! Какъ же тутъ не пріуныть? Какъ не

*) «Этическое мѣщанство представлялось ему (Герцену) духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка,—пишетъ и одобряетъ г. Плехановъ;—поэтому-то онъ и могъ сочувственно говорить о другихъ фазисахъ ея развитія, о тѣхъ эпохахъ, когда на исторической сценѣ появлялись Рафаэли и Буанаротти, Вольтеры и Руссо, Гете и Шиллеры, Дантоны и Мирабо»... (VI, 123). По этому поводу г. Луначарскій замѣчаетъ: «повидимому, Плехановъ самъ вполнѣ сочувствуетъ такому ограниченію: этическое мѣщанство есть свойство буржуазіи въ эпоху ея упадка. Изъ этого опредѣленія мы логично выводимъ заключеніе: буржуазія въ эпоху своего подъема не отличается мѣщанствомъ... Когда буржуазія находится на высотѣ культуры, когда она выдвигаетъ крупные таланты, она выходитъ за предѣлы мѣщанства: Вольтеръ, Шиллеръ и Мирабо—не мѣщане»... (стр. 281). Совершенно вѣрно, г. Луначарскій! Но г. Луначарскій съ этимъ несогласенъ: «я думаю, — заключаетъ онъ, — что Плехановъ разсуждаетъ въ данномъ случаѣ не какъ марксистъ»... Вотъ вамъ, г. Плехановъ: à un marxiste—marxiste et demi!..

воскликнуть: о, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» (VI, 113). Еще и еще разъ намъ приходится успокаивать нашего критика; къ счастью, это будетъ въ послѣдній разъ.

Здѣсь намъ приходится коснуться вопроса объ соотношеніи понятій мѣщанства и интеллигенціи. «...Интеллигенція и мѣщанство,—говорили мы,—это двѣ силы, дѣйствующія въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, двѣ непримиримо враждебныя силы: мѣщанство—это та среда, въ неустанной борьбѣ съ которой происходилъ процессъ развитія интеллигенціи»... («Исторія русск. общ. мысли», т. I, стр. 16). Эта борьба противъ мѣщанства велась и ведется за человѣческую личность, за индивидуальность, за ея широту, глубину и яркость; и люди, ведущіе эту борьбу, объединяются нами въ одну внѣсословную, внѣклассовую, преемственную группу «интеллигенціи». Избавленіе отъ мѣщанства—въ ростѣ этой внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; Герценъ думалъ найти спасеніе въ анти-мѣщанствѣ «крестьянскаго тулупа», но вскорѣ самъ понялъ свою ошибку. «Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами; отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство» (ibid., т. I, стр. 375—376).

Боже мой, какой шумъ подняли наши марксисты по поводу только-что приведенной фразы! Достаточно сказать, что г. Плехановъ переписываетъ ее, частями и полностью, цѣлыхъ шесть разъ, если не больше! И г. Луначарскій тоже негодуетъ. Презрѣніе къ массѣ! Аристократизмъ! Оскорбленіе народа! Хула на святая-святыхъ коллективизма!

«Ясно, что масса всегда останется пропитанной мѣ-

щанствомъ,—негодующе подчеркиваетъ г. Плехановъ;— а такъ какъ освобожденіе личности предполагаетъ «прежде всего» ея освобожденіе отъ мѣщанства, то ясно, какъ божій день, что тотъ идеалъ, за который боролась и борется, по словамъ г. Иванова-Разумника, русская интеллигенція, для массы недостижимъ; ясно, какъ божій день, что это идеалъ, до котораго могутъ—по народному выраженію—достукаться только избранные люди, цвѣтъ націи, «отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій». Иначе сказать—это идеалъ, достижимый лишь для нѣкіихъ внѣсословныхъ и внѣклассовыхъ сверхъчеловѣковъ»... (VI, 128).

Плохо понялъ меня г. Плехановъ; вѣрнѣе—совсѣмъ не понялъ. И причина непониманія все та же самая: нашъ марксистъ попрежнему продолжаетъ отождествлять соціально-экономическое съ соціально-этическимъ. «Освобожденіе личности» можетъ и должно быть двоякимъ — экономическимъ и этическимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ. Нашъ идеалъ — общественное освобожденіе человѣка изъ-подъ власти машины-капитализма и левіаѳана-государства, обобществленіе орудій производства, возвращеніе всей «прибавочной стоимости» трудящимся, при полной политической свободѣ; однимъ словомъ, нашъ идеалъ—побѣда реальнаго соціализма надъ капиталистическимъ строемъ и надъ всѣми его губящими личность противорѣчіями. Этотъ идеалъ долженъ быть осуществленъ и—вѣримъ—будетъ осуществленъ; онъ не является конечнымъ пунктомъ пути—наоборотъ, это лишь одинъ изъ первыхъ этаповъ на пути къ освобожденію человѣка. Вотъ почему нашъ марксистъ очень ошибается, навязывая намъ мысль, что освобожденіе личности предполагаетъ «прежде всего» (ироническія кавычки г. Плеханова) ея освобожденіе отъ мѣщанства: прежде всего должно быть достигнуто и будетъ достигнуто общественное освобожде-

ніе личности, политическое, экономическое и соціальное освобожденіе всѣхъ людей безъ исключенія.

Но это только одна половина вопроса, только первый шагъ къ полному раскрѣпощенію личности; кромѣ этого внѣшняго соціально-экономическаго освобожденія, рядомъ съ нимъ идетъ и борьба за внутренне соціально-этическое освобожденіе личности отъ путъ мѣщанства, изъ-подъ ферулы сословной, классовой, партійной и всякой иной ограниченности. Эта борьба съ духовной косностью, узостью и ограниченностью во много и много разъ тяжелѣе и труднѣе борьбы за соціальное раскрѣпощеніе; часто бываетъ такъ, что борцы за это раскрѣпощеніе не могутъ избѣжать въ концѣ концовъ той духовной ограниченности, узости и самоудовлетворенности, которую мы видимъ въ современномъ вырождающемся ортодоксальномъ марксизмѣ. Въ этой области соціально - этическаго творчества слишкомъ сильна консервативная власть массы, толпы — объ этомъ много горькихъ словъ сказалъ въ свое время Герценъ, а послѣ него хотя бы Ибсенъ (напримѣръ въ своемъ «Докторѣ Штокманѣ»). Мѣщанская масса, толпа—будь то масса студентовъ или толпа профессоровъ, безразлично—всегда относится сначала враждебно ко всякой новой «истинѣ», рождающейся на свѣтъ; и лишь тогда, когда эта истина развивающейся науки достаточно постарѣетъ, она становится достояніемъ этой «массы», и притомъ иногда въ тотъ самый моментъ, когда въ мукахъ творчества появляется на свѣтъ другая «истина», призванная замѣнить первую (вѣдь абсолютная, неизмѣнная истина имѣется лишь у однихъ ортодоксальныхъ марксистовъ...). И этой новой истинѣ приходится вести трудную борьбу съ консервативной по своему существу массой, толпою; это справедливо по отношенію и къ наукѣ, и къ искусству, и къ системамъ міровоззрѣній—вообще ко всей области творчества человѣческаго духа.

И все это относится ко всякой «массѣ», ко всякой

«толпѣ»: и къ сословнымъ и къ классовымъ группамъ, и къ толпѣ студентовъ, и къ массѣ крестьянъ, и къ толпѣ изысканной «культурной публики», и къ толпѣ рабочихъ, и къ массѣ ученѣйшихъ профессоровъ. Но въ каждой изъ этихъ группъ есть часть интеллигенціи, ведущей борьбу съ этимъ мѣщанствомъ за духовную свободу личности; къ этой внѣсословной и внѣклассовой въ ея цѣломъ интеллигенціи могутъ принадлежать и ученый профессоръ, и безграмотный крестьянинъ, и студентъ, и рабочій, общіе не по уровню знаній, а по уровню своего соціально-этическаго сознанія; и наоборотъ—ученѣйшій академикъ и профессоръ, savantissimus doctor, можетъ и не принадлежать къ интеллигенціи, можетъ, по уровню своего соціально-этическаго сознанія, быть типичнымъ представителемъ массы, толпы *). И я еще разъ повторяю, для удовольствія моего критика, столь ужаснувшую его фразу: да, «сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами»; только «отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство»... Пусть нашъ марксистъ прочтетъ, что пишетъ о «толпѣ» и «массѣ» Герценъ,—тогда, быть можетъ, онъ немного успокоится.

Г-ну Иванову-Разумнику «непріятна» толпа, масса, — возмущается мой критикъ:—«онъ» воскрешаетъ «теорію героевъ и толпы» въ ея самомъ «мѣщанскомъ изданіи» (VI, 129). Не слѣдовало бы г. Плеханову упоминать объ этой теоріи, памятуя объ афронтѣ, понесенномъ имъ въ спорѣ о «герояхъ и толпѣ» съ Н. К. Михайловскимъ еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда г. Плехановъ такъ

*) Въ который уже разъ мнѣ приходится повторять это—и все-таки г. Плехановъ не можетъ этого понять! См. книгу «Объ интеллигенціи» и Введеніе въ «Ист. русск. общ. мысли».

же навыворотъ понялъ Михайловскаго. «Но, мой бѣдный г. Бельтовъ, вѣдь вы понимаете вещи совершенно, такъ сказать, наоборотъ!»—воскликнулъ Михайловскій въ отвѣтъ на «критику» г. Плеханова *). Исторія повторяется: теперь г. Плехановъ дѣлаетъ мнѣ честь «понимать совершенно наоборотъ» мои слова. Я говорю объ этическомъ значеніи массы и толпы, а г. Плехановъ переводитъ мои слова на единственно понятный ему соціологическій языкъ. Въ соціологической «теоріи героевъ и толпы» герои ведутъ толпу за собою, стоятъ во главѣ ея и направляютъ ее; въ указанномъ же выше противопоставленіи интеллигенціи и мѣщанства интеллигенція борется съ мѣщанствомъ, идетъ противъ него. И это г. Плехановъ называетъ «самымъ мѣщанскимъ изданіемъ теоріи героевъ и толпы»! Какъ же тутъ не сказать, вмѣстѣ съ Михайловскимъ: «но, мой бѣдный г. Плехановъ, вѣдь вы понимаете вещи совершенно, такъ сказать, наоборотъ!»...

Въ области соціально-экономической идетъ борьба массы за общественное освобожденіе человѣка; въ области соціально-этической, наоборотъ,—идетъ борьба съ массой за нравственное освобожденіе личности. Обѣ эти борьбы идутъ одновременно, но въ первой области побѣда будетъ достигнута прежде, чѣмъ во второй. Побѣда надъ мѣщанствомъ не совпадетъ съ торжествомъ соціализма: до нея гораздо дальше — это понималъ уже Герценъ, предвидя будущее мѣщанство соціализма. Будетъ ли когда-нибудь окончательно превзойдено это этическое мѣщанство? Не знаемъ—но вѣримъ въ будущую свободу человѣческаго духа такъ же, какъ вѣримъ и въ соціальное освобожденіе человѣчества. Mens libera in corpore libero, свободный духомъ человѣкъ на свободной землѣ—вотъ величайшій идеалъ, едва мерцающій намъ изъ туманной дали грядущихъ столѣтій; и если невозможно абсолютное достиженіе его, то постоянное и величайшее приближеніе

*) См. «Русское Богатство» 1895 г., № 1.

къ нему—вотъ задача, стоящая передъ человѣчествомъ и субъективно осмысливающая его существованіе.

Не знаю, нужно ли мнѣ послѣ всего этого отвѣчать на обильные выпады марксистскихъ критиковъ противъ моего «аристократизма», противъ моей «буржуазности» и тому подобныхъ придуманныхъ ими преступленій? Вѣдь какъ подробно ни отвѣчай—все равно марксистскихъ обвиненій не убавишь, а на читателей тоску наведешь. Отвѣчу кратко: въ области соціально-экономической и политической я былъ и остаюсь сторонникомъ самаго крайняго и послѣдовательнаго демократизма, но думаю въ то же время, что этическій «аристократизмъ» обязателенъ для каждаго изъ насъ, начиная отъ «мыслящаго крестьянина» и кончая самимъ г. Плехановымъ. А что касается того обстоятельства, что я, будто бы, являюсь «идеологомъ буржуазіи», то вѣдь это уже само собой разумѣется, разъ «идеологами буржуазіи» являются всѣ не марксисты... Но, къ счастью—это только наивное мнѣніе самихъ марксистовъ,—мнѣніе, которымъ можно немного позабавиться, предоставляя марксистской критикѣ и впредь всегда пользоваться такимъ безвреднымъ полемическимъ пріемомъ. Правда, г. Плехановъ идетъ дальше и утверждаетъ, что мысли и мнѣнія пишущаго эти строки «въ настоящее время... свидѣтельствуютъ... о томъ, что (люди, высказывающіе ихъ)—«себѣ на умѣ»... ...Теперь это мнѣніе служитъ «духовнымъ оружіемъ» тому разряду «мыслящихъ личностей», которому хотѣлось бы увѣковѣчить свое право на «принадлежащую имъ долю прибавочной стоимости»... (VI, 130). Вотъ на такіе выпады уже нельзя отвѣчать смѣхомъ, потому что они заслуживаютъ только «презрительнаго хладнокровія», говоря словами Михайловскаго изъ той же его статьи о г. Плехановѣ. Такіе нечистоплотные полемическіе пріемы этого критика насъ не удивляютъ, ибо мы помнимъ слова того же Михайловскаго о «грязныхъ перчаткахъ» г-на Плеханова; но все-таки жаль, что г. Плехановъ и до сихъ поръ—вѣдь уже

пятнадцать лѣтъ прошло!—сохраняетъ въ своей полемикѣ все тѣ же грязныя перчатки. И даже—перчатки эти стали теперь еще грязнѣе...

VI.

Мы исчерпали всѣ «возраженія» г. Плеханова по существу; во второй части своей статьи онъ переходитъ къ частностямъ—къ разбору главъ «Ист. русск. общ. мысли», посвященныхъ Бѣлинскому, Герцену, Чернышевскому, Михайловскому, ортодоксальному марксизму... Всѣ эти главы вмѣстѣ взятыя составляютъ, кстати сказать, едва третью часть «Исторіи русск. общ. мысли», да и на эту третью часть г. Плехановъ дѣлаетъ только наѣздническіе налеты, выбирая, конечно, самые слабые—съ его точки зрѣнія—пункты для атаки. Это его право, право критика; а намъ придется только слѣдовать за критикой г. Плеханова. Это тѣмъ необходимѣе, что попутно намъ придется возстановлять истинные облики такихъ большихъ людей, какъ Чернышевскій и Михайловскій, совершенно искаженные въ зеркалѣ марксистской критики.

Прежде всего — о Бѣлинскомъ. Ну, конечно: я совершенно не понялъ Бѣлинскаго, я не примѣтилъ слона, я стеръ грани съ мыслей великаго критика и т. п.—все это уже заранѣе подразумѣвается. Въ противовѣсъ всему этому г. Плехановъ выдвигаетъ впередъ обычное марксистское толкованіе хода развитія Бѣлинскаго: первоначальный «утопизмъ», затѣмъ попытка отказаться отъ «бунта субъективнаго мнѣнія противъ объективнаго разума исторіи», неудача этой попытки изъ-за «отсталости» русскихъ экономическихъ отношеній, и, наконецъ, разрывъ съ «объективнымъ разумомъ» и возвращеніе къ утопизму. Все это очень хорошо и не хватаетъ здѣсь только немногаго: не хватаетъ душевныхъ мукъ и духовныхъ скитаній Бѣлинскаго въ поискахъ за рѣшеніемъ этическихъ и философскихъ вопросовъ, т.-е. не хватаетъ безъ мала всего

Бѣлинскаго... Нечего и говорить, что отношеніе Бѣлинскаго къ **человѣческой личности**, его требованія оправданія міра и зла, его величайшій этическій индивидуализмъ и вообще всѣ его глубочайшіе философскіе запросы остаются для г. Плеханова книгой за семью печатями. И если все это называется — понять Бѣлинскаго, замѣтить «слона» и т. п., то что̀ же тогда будетъ называться «оцѣживаніемъ комара и поглощеніемъ верблюда»?

Иначе, конечно, и не могло быть. Разъ считать задачей философіи исторіи «опредѣленіе соціологическаго эквивалента этическихъ явленій», какъ это дѣлаетъ нашъ марксистъ, то, разумѣется, никогда не выйдешь изъ узкой и ограниченной сферы соціально-экономическаго толкованія. Вотъ, не угодно ли: Бѣлинскій рѣзко разрываетъ со своимъ былымъ примиреніемъ съ дѣйствительностью и требуетъ отъ философіи отвѣта за каждую страдающую личность; а г. Плехановъ снисходительно осуждаетъ его за такое «возстаніе противъ дѣйствительности не во имя реальныхъ интересовъ трудовой части общества, вызванныхъ къ жизни ростомъ скрывавшихся въ той же дѣйствительности противорѣчій, а **во имя отвлеченнаго принципа**» (VII, 77). Вотъ вамъ типично марксистское пониманіе величайшихъ этическихъ проблемъ русской литературы! Бѣлинскій рѣзко и геніально ставитъ ту проблему, которая впослѣдствіи заняла собою все творчество Достоевскаго, которою жива вся русская литература, и которую нужно такъ или иначе оцѣнить, понять, принять или отвергнуть, — а марксисты вмѣсто отвѣта мямлятъ что-то о «реальныхъ интересахъ трудовой части общества, вызванныхъ къ жизни ростомъ скрывавшихся въ дѣйствительности противорѣчій»... Какое непониманіе, какая убогость мысли, какое неумѣніе возвыситься надъ привычными вопросами о капитализмѣ, соціализмѣ, пролетаріатѣ! Только въ этой плоскости они и умѣютъ разсуждать; чуть явленіе вышло изъ этой плоскости—кончено дѣло!

Таково общее пониманіе (или непониманіе) марксизмомъ главныхъ пунктовъ исторіи русскаго сознанія; то же самое буквально можно повторить и о любомъ изъ частныхъ вопросовъ. Остановимся на томъ, котораго касается г. Плехановъ,—на вопросѣ о пониманіи Бѣлинскимъ «разумной дѣйствительности». Мой критикъ негодуетъ, что я «стираю грани съ мыслей геніальнаго человѣка» и называю примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью—«его умѣреннымъ анти-индивидуализмомъ» (VII, 73 и 74); по мнѣнію критика, примиреніе съ дѣйствительностью было у Бѣлинскаго проявленіемъ необходимости перейти отъ субъективной утопіи къ конкретной дѣйствительности.

По поводу этого возраженія невольно вспоминается старая фраза: все вѣрное здѣсь не ново, а все новое—не вѣрно. Вотъ, напримѣръ, будто бы я называю примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью — «его умѣреннымъ анти-индивидуализмомъ»: это и для меня ново, но все же это невѣрно. Слова «умѣренный анти-индивидуализмъ» у меня встрѣчаются по слѣдующему поводу: разбирая «Очерки бородинскаго сраженія», я указываю, что въ этой статьѣ мы имѣемъ крайне характерный ходъ мысли о значеніи личности. Съ одной стороны Бѣлинскій не рѣшается категорически провозгласить: пусть гибнетъ личность во славу Общаго, будь то общество или государство; а съ другой стороны—онъ еще болѣе далекъ отъ своего будущаго знаменитаго возгласа: «**человѣческая личность** — выше исторіи, выше общества, выше человѣчества!» Нѣтъ, теперь онъ пытается лавировать между Сциллой и Харибдой, онъ пытается примирить права личности и общества, онъ пытается соединить этическій индивидуализмъ съ соціологическимъ анти-индивидуализмомъ. Попытка такого соединенія (очень не рѣдкаго въ исторіи русскаго сознанія) не могла удаться, на что я и указываю. Вотъ смыслъ термина «умѣренный анти-индивидуализмъ»; здѣсь еще вовсе нѣтъ рѣчи о «примиреніи съ дѣйствительностью», и если мой критикъ ставитъ отъ

моего имени знакъ равенства между этими двумя понятіями, то хотя это и ново, но вполнѣ невѣрно: никогда ничего подобнаго я не говорилъ.

Что же касается смысла признанія Бѣлинскимъ «разумной дѣйствительности», то тутъ г. Плехановъ высказываетъ хотя и не новыя, но вѣрныя мысли: да, признаніе «разумной дѣйствительности» было переходомъ Бѣлинскаго отъ абстрактнаго къ конкретному. Но и тутъ нашъ марксистъ не сумѣлъ опредѣлить «философскій эквивалентъ» этого перехода: онъ не видитъ, что «разумную дѣйствительность» Бѣлинскій сталъ понимать въ смыслѣ дѣйствительности эмпирической, что гегельянство было понято Бѣлинскимъ въ смыслѣ философскаго реализма, что въ немъ онъ видѣлъ спасеніе отъ «фихтіанской отвлеченности». Какое громадное значеніе имѣлъ такой переходъ — объ этомъ мнѣ приходилось говорить достаточно подробно («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 257—260 и 267—271); не видѣть этого «философскаго эквивалента» или не признавать его важности можетъ только тотъ, кто съ такой легкостью оцѣживаетъ комаровъ и поглощаетъ верблюдовъ. Г. Плехановъ отличается этой способностью; но зачѣмъ же ею злоупотреблять?

Эти бѣглыя замѣтки о Бѣлинскомъ я закончу небольшимъ отступленіемъ pro domo sua, касающимся терминологіи «Исторіи русск. общ. мысли». Г. Плехановъ цитируетъ ту схему, которою я заключаю рѣчь о Бѣлинскомъ, указывая на его этическій индивидуализмъ эпохи фихтіанства, соціологическій анти-индивидуализмъ эпохи гегельянства и т. п.: «такова — заключаю я — въ самыхъ общихъ чертахъ схематическая картина постепеннаго развитія міровоззрѣнія Бѣлинскаго» (т. I, стр. 288). Мой критикъ полагаетъ, что я закрываю главный вопросъ «кулисами схематическихъ построеній, оставляя на сценѣ лишь отвлеченныя понятія—всѣ свои индивидуализмы и анти-индивидуализмы»... (VII, 73). Не думаю, чтобы мой критикъ былъ правъ по существу: менѣе неблагосклонный

читатель несомнѣнно увидитъ всюду за этой схемой ту внутреннюю сущность вопроса, о которой только и идетъ рѣчь въ «Исторіи русск. общ. мысли». Схемой и терминологіей я пользовался лишь для резюмированія предъидущаго или для сжатаго выраженія мыслей, подобно тому какъ, напримѣръ, Михайловскій въ свое время вкладывалъ свою теорію въ схемы объективнаго антропоцентризма, эксцентризма, субъективнаго антропоцентризма и т. п. Такой пріемъ имѣетъ свои положительныя стороны, но— пользуюсь случаемъ высказать это — онъ сильно загромождаетъ мысли, дѣлаетъ ихъ съ внѣшней стороны излишне тяжелыми, вредно отзывается на стилѣ и слогѣ; и я долженъ признать, что все это отразилось на внѣшней сторонѣ «Исторіи русск. общ. мысли». Надъ излишествами терминологіи, еще за шестьдесятъ лѣтъ до г. Плеханова, добродушно подсмѣивался Шевченко, говоря, что москали пишутъ «чорт-зна по якому: натовкмачать якихось индивидуализмів, то що, так що аж язик отерпне поки вимовишь»... Но все это совершенно не касается сущности книги; это исключительно вопросъ формы. Терминологія, схема—это только лѣса, за которыми лишь чрезмѣрно близорукій читатель или критикъ не пожелаетъ увидѣть построеннаго зданія. Обрастаетъ ли схема плотью, получаетъ ли она жизнь и движеніе въ «Исторіи русск. общ. мысли» — это вопросъ, въ рѣшеніи котораго г. Плехановъ расходится со многими другими критиками этой книги.

VII.

Объяснивъ Бѣлинскаго sub specie marxismi, г. Плехановъ переходитъ къ Герцену и продѣлываетъ надъ нимъ такую же операцію. Но мы уже останавливались выше на толкованіи Герцена г. Плехановымъ и можемъ теперь пройти мимо этого измѣренія Герцена универсальнымъ марксистскимъ аршинчикомъ; скучно повторять и дока-

зывать все то же самое: что мы не найдемъ у нашего марксиста главной стороны творчества Герцена, что нашъ марксистъ не въ состояніи подняться надъ плоскостью соціально-экономическаго мышленія, что глубокая и яркая философія Герцена находится внѣ предѣловъ досягаемости марксизма. Все это—старая «сказка про твердокаменнаго марксиста», которую приходится повторять десятки разъ; воля ваша—это слишкомъ скучно.

Но мы не можемъ, къ сожалѣнію, избѣжать еще болѣе скучной работы: отвѣта на цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ «критическихъ замѣчаній» нашего критика о разныхъ мѣстахъ критикуемой имъ книги. Какъ-разъ говоря о Герценѣ, г. Плехановъ дѣлаетъ рядъ полемическихъ диверсій противъ невѣжества, безграмотности, путаницы, непониманія и прочихъ ошибокъ автора «Исторіи русск. общ. мысли»; и хотя всѣ эти диверсіи оказываются, какъ мы сейчасъ увидимъ, ложными диверсіями, но приходится отвѣчать и на нихъ. Это очень скучно, и я заранѣе прошу для г. Плеханова снисхожденія читателей.

Герценъ, въ своемъ спорѣ со славянофильствомъ, доказывалъ необоснованность ходячихъ нападокъ на «эгоизмъ», ошибочность противопоставленія его альтруизму общиннаго начала и т. п. Это было блестящей защитой правъ индивидуальности и притомъ первой на этой почвѣ защитой въ спорѣ между западничествомъ и славянофильствомъ. «Герценъ—говорю я—первый указалъ вѣрный путь отъ этическаго индивидуализма къ соціологическому и перебросилъ въ этомъ мѣстѣ мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 341). Вы ни за что не угадаете, какое возраженіе дѣлаетъ на это г. Плехановъ. Вотъ оно: «ни на какое первенство въ этомъ отношеніи Герценъ не могъ бы претендовать по той простой причинѣ, что, отрицая противоположеніе эгоизма и альтруизма, онъ просто-напросто повторялъ мысль, не одинъ разъ высказанную Гегелемъ»... (VII, 88). Это прямо-таки изъ

области юмористики! Если бы славянофильство и западничество были теченіями западно-европейской мысли, или если бы, наоборотъ, Гегель былъ русскимъ мыслителемъ, или если бы, наконецъ, нѣмецкій философъ Гегель имѣлъ бы понятіе о русскомъ славянофильствѣ и писалъ бы о немъ—вотъ тогда бы, въ одномъ изъ этихъ трехъ случаевъ, «возраженіе» г. Плеханова имѣло бы хоть какой-нибудь смыслъ. Но такъ какъ всѣ эти три случая одинаково неправдоподобны, то позвольте мнѣ, г. Плехановъ, попрежнему думать, что мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ перебросилъ впервые именно Герценъ, а не Гегель.

Г. Плехановъ еще разъ повторяетъ совершенно такую же полемическую диверсію; это, очевидно, не случайный пріемъ полемики, а система. Въ статьѣ о «Робертѣ Оуэнѣ» Герценъ приводитъ мысль о противоположности національнаго богатства и народнаго благосостоянія. Я указываю, что мысль эта имѣла свою исторію въ развитіи русскаго сознанія; что намекъ на нее можно встрѣтить уже у Радищева, затѣмъ у декабристовъ; что болѣе ясно, хотя и мимолетно, она выражена у Герцена, сдѣлавшаго попытку разграничить смѣшанныя въ славянофильствѣ понятія «націи» и «народа» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 36—37, 124—125, 370 и др.). Наконецъ, мысль эта была положена во главу народничества Чернышевскимъ: «въ западно-европейскомъ соціализмѣ—говорю я—понятія націи и народа впервые были разграничены Энгельсомъ, а вслѣдъ за нимъ и Марксомъ; въ русскомъ соціализмѣ вполнѣ самостоятельно пришелъ къ этой мысли Чернышевскій» (ibid., т. II, стр. 9). «Ужъ не Радищевъ ли?»—иронически вопрошаетъ г. Плехановъ по поводу послѣдней фразы.

Да, и Радищевъ: онъ первый въ русской литературѣ такъ рѣзко противопоставилъ «полноту житницъ» и «пустоту желудковъ»—а это именно и есть начало мысли о противоположности между національнымъ богатствомъ и

народнымъ благосостояніемъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ дальнѣйшихъ диверсіяхъ г. Плеханова. Онъ заявляетъ, что истина: «ростъ національнаго богатства далеко не равносиленъ увеличенію народнаго благосостоянія»—была впервые «сознана» вовсе не Энгельсомъ, а утопическими соціалистами, за полъ-вѣка до появленія марксизма. Что мысль о противоположности интересовъ націи и народа вышла вовсе не какъ Аѳина во всеоружіи изъ головы Энгельса—это мнѣ извѣстно не хуже, чѣмъ г. Плеханову; въ исторіи западно-европейскаго соціализма мысль эта проявлялась такъ же постепенно, какъ и въ исторіи русскаго сознанія. Мысль эту высказывали и развивали Радищевъ, Нпинъ, Н. Тургеневъ, Пестель, Герценъ—но все же впервые завершилъ разграниченіе этихъ понятій Чернышевскій, указавшій тотъ случай, когда «масса населенія пользуется вдвое бо̀льшимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей вдвое меньше». И на Западѣ мысль эту высказывали до Энгельса Оуэнъ, Фурье и многіе другіе; но, быть можетъ, и г. Плеханову извѣстно, кто впервые выразилъ эту мысль въ ея окончательной формѣ: «національное богатство есть нищета народа»?

Все это настолько не существенно, что досадно тратить время на такія разъясненія; но такъ и быть, коснемся еще нѣсколькихъ мелочей.

«Г. Ивановъ-Разумникъ открываетъ въ славянофильствѣ несомнѣнныя анархистскія концепціи» — приводитъ г. Плехановъ мои слова, очевидно не одобряя ихъ; черезъ десятка два страницъ онъ находитъ, что я вкладываю въ уста славянофиловъ ироническую фразу Герцена: «лицо для государства, иначе что̀ же это будетъ—эгоизмъ, своеволіе!» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 324 и 339—341). Тутъ, дѣйствительно, явное противорѣчіе:—славянофилы не могли повторить текстуально фразу Герцена, но они сказали бы: «лицо для общины, для общества», какъ они всегда и говорили. Съ одной стороны, для нихъ «государство—это ложь», а съ другой—личность должна быть обуздана «общиной» въ своемъ эгоистическомъ бунтѣ; соединеніе этихъ двухъ рядовъ мыслей очень характерно для славянофильства. Но на это нашъ марксистъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, не замѣчаетъ онъ и явныхъ «анархическихъ концепцій» въ славянофильствѣ; попрежнему онъ оцѣживаетъ комара и поглощаетъ верблюда. Не слишкомъ ли часто?

Еще одна мелочь. Въ отвѣтъ на мои слова, что молодой Пушкинъ «въ качествѣ вѣрнаго ученика Вольтера бралъ уроки чистаго аѳеизма»—мой критикъ язвительно замѣчаетъ: «даже многіе приготовишки знаютъ, какъ рѣшительно боролся Вольтеръ съ атеизмомъ въ теченіе всей своей жизни» (VII, 110). Но въ такомъ случаѣ эти «приготовишки» знаютъ, вѣроятно, также и то, что почти всѣ «ученики Вольтера» отвергали деизмъ своего учителя и были чистыми атеистами. Опять, какъ видите, г. Плехановъ занимается оцѣживаніемъ комаровъ—и попрежнему безъ успѣха. Такими ненужностями и мелочами переполнена его критика.

Правда, иногда и мелочи бываютъ очень характерны. Вотъ и примѣръ: мнѣ какъ-то пришлось къ слову привести извѣстную шутку, что при нагрѣваніи хлора (Cl)—C улетучится, а l останется. Мой критикъ тягуче пересказываетъ это своими словами, въ формѣ «анекдота о человѣкѣ, который собирался добывать углеродъ изъ хлора: формула хлора — Cl; если вы будете нагрѣвать хлоръ, то l улетучится и останется C, а C есть формула искомаго углерода»... (VII, 87). Вѣдь это, кажется, мелочь: г. Плехановъ прочелъ нашу шутку «какъ-разъ наоборотъ»... Но если мы вспомнимъ, какъ часто г. Плехановъ понимаетъ «какъ-разъ наоборотъ» и совершенно серьезныя вещи, то мелочь эта станетъ очень характерной для нашего критика.

Вотъ кстати и примѣръ: «Герценъ объявилъ подобное отдѣленіе и устраненіе (хорошаго отъ дурного въ про-

шломъ русскаго народа, — И.-Р.) совершенно невозможными,—говоритъ г. Плехановъ.—И онъ же долженъ былъ признать ихъ не только возможными, но прямо необходимыми для осуществленія его программы. Г. Ивановъ-Разумникъ, конечно, не замѣчаетъ этой ошибки, общей Герцену со славянофилами. Мало того, онъ видитъ въ этой ошибкѣ преимущества народничества передъ славянофильствомъ» (VII, 87). Такъ утверждаетъ г. Плехановъ. А теперь позвольте привести небольшую цитату изъ критикуемой нашимъ марксистомъ книги: «вѣра въ такую возможность (принимать благодѣтельные дары цивилизаціи и отметать дары гибельные, — И.-Р.) была дѣйствительно необоснованной, и въ этомъ ошибка всѣхъ народниковъ, начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ... ...Положеніе это было главной фатальной ошибкой народничества» (т. II, стр. 147—148). Вотъ, не угодно ли: написано—«главная ошибка народничества», а г. Плехановъ читаетъ—«преимущество народничества»; ошибка народничества мною подчеркивается, а г. Плехановъ увѣряетъ, что «г. Ивановъ-Разумникъ, конечно (конечно!), не замѣчаетъ этой ошибки»... Ахъ, г. Плехановъ, вѣдь вы не только наоборотъ понимаете, но даже и читаете совершенно, такъ сказать, наоборотъ! Пока вы продѣлываете это на мелочахъ—не бѣда: добывайте себѣ, на здоровье, углеродъ изъ хлора! Но не лучше ли воздержаться отъ такой неудобной привычки, когда дѣло идетъ о болѣе серьезныхъ вопросахъ? *).

*) На стр. 87-й своей статьи г. Плехановъ, какъ мы видѣли, заявилъ, что «г. Ивановъ-Разумникъ не замѣчаетъ этой ошибки» Герцена; а на стр. 106-ой — цитируетъ мои слова именно объ этой ошибкѣ Герцена: «въ этомъ ошибка всѣхъ народниковъ, начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ» (см. выше). Жаль, замѣчаетъ г. Плехановъ, что эти золотыя слова такъ поздно подвернулись подъ перо автора,—иначе-де онъ замѣтилъ бы, «что ошибка Герцена была совершенно тождественна ошибкѣ Михайловскаго» (VII, 106). Помилосердствуйте, г. Плехановъ: вѣдь ровно шестью строками выше вы сами переписали мои слова объ этой ошибкѣ всѣхъ народниковъ, «начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ!» Прямо феноменальная забывчивость!..

Однако довольно. Общій характеръ полемическихъ диверсій нашего критика достаточно уже выясненъ всѣмъ предыдущимъ; а такъ какъ и въ послѣдующемъ мы еще не одинъ разъ встрѣтимъ повтореніе подобныхъ же полемическихъ пріемовъ, то тѣмъ болѣе необходимо покончить пока со всѣми этими мелочами. Насъ ждутъ теперь два главныхъ подвига г. Плеханова: совершенное искаженіе имъ воззрѣній Чернышевскаго и, разумѣется, еще въ бо́льшей степени—Михайловскаго. Вотъ это дѣйствительно большіе вопросы, и на нихъ мы остановимся подробно.

VIII.

«Я не имѣю рѣшительно никакой возможности оцѣнить по ихъ высокому достоинству всѣ драгоцѣнные перлы, разсыпанные г. Ивановымъ-Разумникомъ въ главѣ о Чернышевскомъ»—заявляетъ г. Плехановъ (VII, 102). А потому онъ выбираетъ изъ этой главы только нѣкоторые, наиболѣе яркіе «перлы»—вы понимаете, конечно: перлы безсмыслицы, безграмотности, невѣжества и т. п.,—и подноситъ ихъ въ соотвѣтственной оправѣ своимъ читателямъ, отмѣчая попутно, какъ слѣдуетъ понимать Чернышевскаго sub specie marxismi. Послѣдуемъ же за нашимъ марксистомъ.

Г. Плехановъ очень оскорбленъ тѣмъ, что романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» я назвалъ «намѣренно-лубочнымъ произведеніемъ». Конечно, г. Плехановъ сейчасъ же заявляетъ, что, во-первыхъ, «Ист. русск. общ. мысли» есть произведеніе лубочное, и что, во-вторыхъ, авторъ этой книги «одаренъ отъ природы поистинѣ лубочнымъ вкусомъ»... (VII, 96). Это обычное «самъ съѣшь» разгнѣваннаго марксиста меня такъ мало задѣваетъ, что

я готовъ сдѣлать моему критику удовольствіе и еще разъ повторить: да, романъ Чернышевскаго есть намѣренно-лубочное произведеніе. Повидимому, моему разгнѣванному критику непонятно выраженіе «намѣренная лубочность»; что же, я готовъ ему это объяснить простѣйшими примѣрами. Масса бездарныхъ художниковъ изъ года въ годъ заваливаетъ картинныя выставки хламомъ своихъ «лубочныхъ» произведеній, и въ то же время немногіе талантливые художники—например̄ъ, Е. Полѣнова, М. Добужинскій, И. Билибинъ — дали и даютъ намъ красочные образцы «намѣренно лубочнаго» стиля. Многія стихотворенія талантливѣйшихъ поэтовъ являются великолѣпными образцами «намѣренной лубочности», а многія вирши гражданскихъ поэтовъ — хотя бы, напримѣръ, того «поэта-марксиста» М. М., надъ которымъ когда-то смѣялся Михайловскій — произведенія просто лубочныя. Прелестная опера Римскаго-Корсакова «Сказка о царѣ Салтанѣ» — произведеніе намѣренно-лубочное, а оперы какого-нибудь Леонковалло—произведенія просто лубочныя. Понятно ли все это, мой разгнѣванный критикъ?

Но критикъ продолжаетъ гнѣваться. Теперь онъ оскорбленъ за Маркса, теперь онъ негодуетъ на слѣдующія мои слова: «и Марксъ и Чернышевскій — оба заимствовали свое опредѣленіе капитала у Рикардо, причемъ Марксъ, подъ вліяніемъ Родбертуса, нѣсколько видоизмѣнилъ, а Чернышевскій заимствовалъ почти буквально» («Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 11). Во-первыхъ—сердится г. Плехановъ—Родбертусъ не имѣлъ никакого вліянія на Маркса, а во-вторыхъ, Чернышевскій взялъ опредѣленіе капитала не у Рикардо, а у Милля и у старыхъ буржуазныхъ экономистовъ (VII, 101). Что касается вліянія Родбертуса на Маркса, то это вопросъ, имѣющій, какъ вѣроятно извѣстно г. Плеханову, цѣлую литературу и pro и contra, а потому вполнѣ возможно, что здѣсь мы не сойдемся съ г. Плехановымъ. Что же касается вопроса о томъ, отъ кого взялъ Чернышевскій опредѣленіе «капитала», то здѣсь

г. Плехановъ ломится въ открытую дверь: самъ Чернышевскій указываетъ, что его опредѣленіе капитала идетъ еще отъ А. Смита (Чернышевскій, Собр. сочин., т. VII, стр. 135). Могу увѣрить моего критика, что это мнѣ извѣстно; но кромѣ того мнѣ извѣстно еще и нѣчто другое, а именно, что въ своихъ Комментаріяхъ къ Миллю Чернышевскій былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Рикардо. «Капиталъ» онъ опредѣляетъ словами Рикардо, принимаетъ и его теорію ренты, принимаетъ и его теорію цѣнности, изъ которой вышелъ также и Марксъ. Все это, конечно, хорошо извѣстно г. Плеханову — вѣдь это же область его спеціальности; но ему нужно защищать Маркса, который слишкомъ великъ, чтобы нуждаться въ защитѣ г. Плеханова.

Не менѣе негодуетъ нашъ марксистъ и на то, что соціализмъ Чернышевскаго я осмѣлился назвать «реальнымъ соціализмомъ». Какъ извѣстно, марксисты различаютъ два вида соціализма: «научный соціализмъ»—это марксизмъ, и «утопическій соціализмъ»—это весь остальной соціализмъ. Коротко и ясно. Что такое утопическій соціализмъ?—Tout le socialisme moin les marxistes,—смѣло отвѣчаютъ марксисты въ стилѣ аббата Сіийеса. А такъ какъ Чернышевскій не былъ марксистомъ, то слѣдовательно онъ былъ представителемъ утопическаго соціализма. Мы не держимся этой наивной терминологіи, такъ какъ и въ марксизмѣ видимъ утопическіе элементы, и въ утопическомъ соціализмѣ видимъ элементы реалистическіе. Мы думаемъ, что реальный соціализмъ полагается на соціальныя силы народа, а утопическій соціализмъ—на соціальныя свойства націи; утопическій соціализмъ вѣритъ въ реформу сверху, съ высоты отвлеченныхъ теорій, а реальный соціализмъ знаетъ, что жизнь никогда не уложится въ теорію. Вотъ почему вѣра Герцена въ анти-мѣщанскія свойства русскаго народа была утопизмомъ, а мысль Чернышевскаго, что народъ самъ освободитъ себя — проявленіемъ реализма; вотъ почему «научный

прогнозъ» марксизма, втискивающій жизнь въ рамки теоріи, является въ значительной степени проявленіемъ утопизма, а отношеніе марксизма къ соціальнымъ силамъ народа—характернымъ примѣромъ реальнаго соціализма. И когда г. Плехановъ называетъ Чернышевскаго типичнымъ утопистомъ за то, что онъ возлагалъ свои надежды не на «объективную логику дѣйствительности», а на «субъективную логику людей», то я позволю себѣ въ видѣ примѣра замѣтить нашему марксисту, что Герценъ возлагалъ свои надежды именно на «объективную логику вещей» (анти-мѣщанство, какъ свойство русскаго народа) и что именно въ этомъ былъ его утопизмъ. Вѣдь весь вопросъ именно и заключается въ томъ, насколько вѣрно «субъективная логика людей» оцѣниваетъ и понимаетъ «объективную логику вещей»; можно опираться на столь любезныя марксистамъ «противорѣчія дѣйствительности», но понимать ихъ настолько невѣрно, что въ результатѣ «научный соціализмъ» впадаетъ въ типично утопическія построенія, въ теоретичность, въ произвольность. Примѣромъ можетъ служить хотя бы марксистская Zusammenbruchstheorie, или теорія о «скачкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы»: это не менѣе утопично, чѣмъ герценовская вѣра въ анти-мѣщанство русскаго народа.

Слѣдуемъ далѣе за «критикой» г. Плеханова. Онъ касается вопроса объ отношеніи экономическаго либерализма къ личности и дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, которое мы приведемъ полностью: «Кстати, неужели г. Ивановъ-Разумникъ воображаетъ, будто кто-нибудь изъ буржуазныхъ экономистовъ отказался бы признать, что цѣль правительства—польза индивидуальнаго лица, что государство существуетъ для блага отдѣльнаго лица и т. д. Если да, то онъ жестоко ошибается. Каждый изъ этихъ экономистовъ обѣими руками подписался бы подъ этими положеніями. Дѣло было не въ томъ, что буржуазные противники Чернышевскаго не признавали ихъ,—за что

нашъ авторъ и долженъ былъ бы поставить ихъ «въ одинъ рядъ съ величайшими представителями индивидуализма». Дѣло было въ томъ, что буржуазные экономисты отстаивали такой общественный порядокъ, при которомъ эти положенія превращались въ пустую фразу. Вотъ тутъ-то и билъ ихъ Чернышевскій. Но нашъ авторъ и этого «не замѣтилъ». Въ этомъ случаѣ его, какъ кажется, сбилъ съ толку Спенсеръ со своей теоріей общества-организма» (VII, 102—103).

Вотъ видите, какъ опредѣленно сказано. Сперва въ формѣ вопроса: «неужели г. Ивановъ-Разумникъ воображаетъ» .. и «если да, то»...; а въ концѣ—уже прямое утвержденіе, что слона-то я и «не замѣтилъ» (ядовитыя кавычки г. Плеханова), и даже указаніе, что меня «сбилъ съ толку» Спенсеръ... А теперь обратите вниманіе на слѣдующее мѣсто изъ «Исторіи русск. общ. мысли»: Чернышевскій, говорю я, въ статьѣ «Экономическая дѣятельность и законодательство» (не въ ней одной, конечно) ясно высказалъ, что экономическій либерализмъ не есть экономическій индивидуализмъ. «Они утверждаютъ,—говоритъ Чернышевскій про буржуазныхъ экономистовъ,—что кто желаетъ прямого участія законодательства въ опредѣленіи экономическихъ отношеній, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизма общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому...; эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности»... «Изложивъ далѣе теорію laissez faire, laissez aller,—продолжаю я,—Чернышевскій приводитъ ее къ абсурду послѣдовательнымъ развитіемъ ея же основныхъ началъ; онъ доказываетъ, что система эта «въ теоріи ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а на практикѣ служитъ оправданіемъ для реакціоннаго терроризма... Мы недовольны теоріею невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ

эта теорія, что приводитъ къ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію»... («Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 30—31). Не цитирую больше, такъ какъ тогда пришлось бы переписать еще цѣлыя страницы (см., напр., ibid., т. II, стр. 140—141 и др.), но и приведеннаго выше достаточно для того, чтобы осудить по заслугамъ критическій пріемъ г. Плеханова: онъ, ничтоже сумняся, моимъ же добромъ бьетъ мнѣ челомъ и храбро заявляетъ, что я «не замѣтилъ» какъ разъ того, о чемъ подробно и не одинъ разъ говорится въ моей книгѣ. Кто же изъ насъ и чего «не замѣтилъ», г. Плехановъ? И кто же это столь нелюбезно сбилъ васъ съ толку? Не Спенсеръ, надѣюсь?

Но все это только цвѣточки. До сихъ поръ нашъ марксистъ «не замѣчалъ», не понималъ или понималъ «какъ разъ наоборотъ» мнѣнія и мысли пишущаго эти строки—и я охотно извиняю ему это; въ дальнѣйшемъ же онъ позволяетъ себѣ прилагать такой же пріемъ къ мыслямъ и мнѣніямъ Чернышевскаго—и это уже непростительно. Отношеніе Чернышевскаго къ общинѣ—вотъ вопросъ, который г. Плехановъ рѣшаетъ настолько «по-марксистски», что глазамъ своимъ не вѣришь—до такой степени искажается при этомъ центральная мысль Чернышевскаго. И вотъ почему мы долго остановимся на этомъ пунктѣ и рѣшимся даже полностью переписать цѣлую страницу изъ критики г. Плеханова; надо, наконецъ, обратить вниманіе на то невѣроятное толкованіе мыслей и словъ Чернышевскаго, которое уже не въ первый разъ проповѣдуется г. Плехановымъ.

IX.

Не въ первый разъ производитъ нашъ марксистъ эту свою операцію надъ Чернышевскимъ: онъ впервые сдѣлалъ это въ своей старой статьѣ начала девяностыхъ го-

довъ (см. въ сборникѣ статей г. Бельтова-Плеханова: «За двадцать лѣтъ» 1905 г., стр. 405), повторялъ въ другихъ статьяхъ и замѣткахъ (см. № 1 журнала «Соціалъ-демократъ» за 1905 годъ), повторяетъ и теперь, въ разбираемой нами статьѣ. Въ чемъ же заключается столь упорно выставляемое г. Плехановымъ положеніе? Оно касается статьи Чернышевскаго «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія». Дѣло въ томъ, что нашъ марксистъ долгое время «не замѣчалъ» первыхъ страницъ этой статьи, а потомъ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ замѣтилъ, понялъ ихъ и сдѣлалъ свое открытіе, о которомъ идетъ рѣчь. Открытіе заключалось въ томъ, что Чернышевскій-де со времени этой своей статьи измѣнилъ свой взглядъ на общину и сталъ считать ее **вредною для народнаго благосостоянія**... И это подтверждается словами самого Чернышевскаго, какъ-разъ первыми страницами его вышеназванной статьи... Слушайте:

«Статья «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» доказываетъ,—пишетъ г. Плехановъ,—что страны, въ которыхъ сохранилось общинное владѣніе, могутъ, минуя фазисъ индивидуальной собственности, сразу перейти въ фазисъ собственности соціалистической. И она доказываетъ это поистинѣ блестящимъ образомъ. Но она доказываетъ это именно вообще, въ отвлеченномъ смыслѣ, но не примѣнительно къ Россіи. Что же касается Россіи, то судьба общины въ ней, какъ видно, уже тогда представлялась Чернышевскому совершенно безнадежной. Въ этомъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать внимательно первыя три страницы знаменитой статьи. Чернышевскій говоритъ тамъ:

«Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою поднялъ я вопросъ объ общинномъ владѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, — скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ» (Соч. Чернышевскаго, т. IV, стр. 304).

«Почему же? Потому ли, что противники обнаружили предъ Чернышевскимъ слабость его аргументаціи? Нѣтъ.

«Напротивъ, говоритъ Чернышевскій, со стороны успѣха именно этой защиты я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу» (ibid., стр. 306). «Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ:

«Какъ ни важенъ представляется мнѣ (продолжаетъ Чернышевскій) вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора» (ibid., стр. 306).

«Вотъ этихъ-то низшихъ гарантій и не видѣлъ Чернышевскій въ тогдашней Россіи,—заключаетъ г. Плехановъ.— Тѣ конкретныя условія, среди которыхъ суждено было развиваться русской общинѣ, были до такой степени неблагопріятны для нея, что невозможно было ожидать ея непосредственнаго перехода въ высшую фазу общественнаго владѣнія землей. Она становилась вредной для народнаго благосостоянія. А потому нелѣпо было защищать ее. И потому же стыдился Чернышевскій того, что онъ выступилъ на ея защиту.

«Отсюда слѣдуетъ (это все еще продолжаетъ г. Плехановъ), что ссылаться въ свою пользу на статью «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» народники и субъективисты не имѣли ни малѣйшаго права. Напротивъ, она должна была бы вызывать въ нихъ довольно непріятныя представленія. Они должны были бы сказать себѣ: если Чернышевскій стыдился самого себя потому, что онъ защищалъ русскую общину въ концѣ 50-хъ годовъ, то кольми паче сталъ бы онъ стыдиться насъ, требующихъ отъ полицейскаго государства «закрѣпленія общины» въ 70-хъ, 80-хъ и даже 90-хъ годахъ. Задалъ бы онъ намъ, еслибъ жестокая судьба не удалила его съ литературной сцены.

«Народники не говорили себѣ этого, такъ какъ они совсѣмъ не были расположены вдумываться въ первыя страницы статьи «Критика философскихъ предубѣжденій». Не говоритъ этого своему читателю и г. Ивановъ-Разумникъ»... (VII, 103—105).

Такъ говоритъ г. Плехановъ. Посмотримъ же теперь, чего онъ не говоритъ своему читателю.

Когда была написана Чернышевскимъ эта его статья «Критика философскихъ предубѣжденій»? Въ концѣ 1858 года. Вотъ моментъ, начиная съ котораго Чернышевскій сталъ «стыдиться самого себя» за то, по мнѣнію г. Плеханова, что выступилъ на защиту русской общины; начиная съ этого момента, Чернышевскій понялъ, что въ виду неблагопріятныхъ конкретныхъ условій русской жизни община «становилась вредной для народнаго благосостоянія; а потому нелѣпо было защищать ее»... Чернышевскій понялъ это въ концѣ 1858 года — понялъ и устыдился самъ себя... Запомнимъ это и пойдемъ дальше.

Въ то самое время, когда Чернышевскій писалъ эту свою статью, въ которой стыдился своей былой защиты общиннаго владѣнія въ современной ему Россіи и признавалъ эту общину вредной для народнаго благосостоянія,— въ это самое время Чернышевскій написалъ письмо къ Герцену, а въ немъ—свое знаменитое воззваніе къ русской молодежи: «умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало!» Вы видите, такимъ образомъ, что Чернышевскій признавалъ общину вредной для народнаго благосостоянія—въ «Современникѣ», а въ «Колоколѣ» онъ въ то же самое время призывалъ русскую молодежь умереть

за это вредное для народа начало!.. Тутъ какъ будто что-то не такъ, и читатели г. Плеханова, вѣроятно, не мало смущены такимъ пассажемъ... Но этотъ пассажъ, къ довершенію всего, не является случайнымъ: въ концѣ 1858 года Чернышевскій окончательно устыдился самъ себя и призналъ общинное землевладѣніе вреднымъ для Россіи, и тутъ же, немедленно сталъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ статьяхъ 1859 — 1862 гг. продолжать свою прежнюю защиту общины, доказывать ея пользу для современной ему Россіи. Этого г. Плехановъ не говоритъ своимъ читателямъ. Въ № 7 «Современника» за 1859 годъ, въ библіографіи журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу, Чернышевскій попрежнему отстаиваетъ русскую общину, полемизируя съ нѣкіимъ Тернеромъ; въ № 10 за тотъ же годъ, въ статьѣ «Суевѣріе и правила логики», онъ снова отстаиваетъ общину, но при этомъ снова подчеркиваетъ, что стыдится какихъ-то былыхъ своихъ подвиговъ, «не можетъ не краснѣя вспоминать» о нихъ. Какіе же это подвиги? Ужъ вѣрно не отстаиваніе русской общины, которую Чернышевскій продолжаетъ отстаивать въ этой же самой статьѣ! И позднѣе, въ 1860 и 1861 году, Чернышевскій продолжаетъ стоять на прежней точкѣ зрѣнія на русскую общину; въ заключительныхъ строкахъ (1861 г.) своего комментированнаго перевода Милля онъ снова повторяетъ свои исконныя мысли и требуетъ «законодательнаго охраненія» общины. Можно привести еще десятки и десятки цитатъ изъ статей Чернышевскаго 1859 — 1861 г., и во всѣхъ нихъ будетъ все то же отстаиваніе русской поземельной общины, и ни въ одной не будетъ подтвержденія невѣроятной теоріи г. Плеханова. И въ то же время Чернышевскій все болѣе и болѣе «стыдится» былыхъ своихъ «подвиговъ», не можетъ вспоминать о нихъ «не краснѣя»; впервые это и высказано имъ на первыхъ страницахъ «Критики философскихъ предубѣжденій».

Какіе же это «подвиги»? Чего «стыдится» Чернышевскій? Почему восклицаетъ онъ: «какъ я былъ глупъ!»? Это осталось совершенно непонятнымъ г. Плеханову; онъ принялъ à la lettre всѣ восклицанія Чернышевскаго, рѣшилъ, что Чернышевскій призналъ общину вредной и стыдился ея былой защиты... Трудно вѣрить, что на этомъ можетъ настаивать человѣкъ, имѣющій хоть небольшое понятіе объ исторіи общественныхъ теченій шестидесятыхъ годовъ... Дѣлать нечего, приходится объяснить г. Плеханову въ чемъ тутъ было дѣло *).

Чего «стыдился» Чернышевскій? — «Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это какъ могу», — отвѣчаетъ самъ Чернышевскій. Отчего же это ему «трудно объяснить»? Трудно, конечно, лишь по внѣшнимъ, цензурнымъ условіямъ, потому что причина «стыда» Чернышевскаго лежитъ въ области роста политическаго сознанія отъ 1856 до 1861 года. Когда Чернышевскій впервые выступилъ съ рядомъ статей въ защиту общиннаго землевладѣнія (это было въ 1856 году),—между обществомъ и правительствомъ не было еще расхожденія. Общество вѣрило въ благія начинанія правительства, въ широту великой реформы—освобожденія крестьянина. Въ 1857 г. это отношеніе еще продолжалось, несмотря на нерѣшительныя дѣйствія правительства, на его колебанія, на его непослѣдовательность. Когда въ концѣ 1857 года появились знаменитые рескрипты (отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г.), то въ «либеральномъ» лагерѣ было всеобщее ликованіе; а въ то время почти все прогрессивное русское общество стояло въ рядахъ «либерализма». Чернышевскій радовался и умилялся вмѣстѣ со всѣми, вѣрилъ въ возможность коренной реформы сверху и не отставалъ въ проявленіи своихъ чувствъ отъ самыхъ пылкихъ либераловъ. Просмотрите его «Замѣтки о журналахъ» 1856 — 1857 г.—и вы увидите, какъ Чернышев-

*) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ: «Общественныя и умственныя теченія шестидесятыхъ годовъ»,—«Ист. русск. литер. XIX в.», изд. «Міръ», т. III.

скій, пережившій черную полосу 1848—1855 гг., восхищался «кроткимъ и правосуднымъ правленіемъ Александра II», какъ онъ возлагалъ «непоколебимыя надежды на счастливыя судьбы русскаго народа», ибо онѣ составляютъ «предметъ заботъ и желаній нашего Монарха, любящаго Свой народъ и любимаго имъ»... («Современникъ», 1856 г., № 9). Въ 1857 году Чернышевскій менѣе экспансивно выражаетъ свои восторги—онъ видитъ медлительность и нерѣшительность правительства; онъ начинаетъ возлагать надежды не на благія намѣренія высокопоставленныхъ лицъ, а на «главную движущую силу жизни» той эпохи—-экономическое развитіе («Современникъ», 1857 г., № 11). Но какъ-разъ въ это время появляются рескрипты отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г.—объ открытіи Губернскихъ Комитетовъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ; этимъ положено начало освобожденія крестьянъ. Въ самомъ началѣ 1858 года Чернышевскій пишетъ статью «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», эпиграфомъ къ которой беретъ слова: «возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой»... («Современникъ», 1858 г., № 2).

И вдругъ, въ концѣ того же самаго 1858 года Чернышевскій пишетъ покаянныя первыя страницы «Критики философскихъ предубѣжденій». Что̀ случилось? Въ серединѣ 1858 г. случился быстрый, но давно назрѣвавшій переходъ лѣваго крыла русскаго общества въ оппозицію, сперва умѣренную, а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе рѣзкую, революціонную. Совершалась дифференціація русскаго общества шестидесятыхъ годовъ на разныя политическія группы; былой, наивный, всеобщій либерализмъ отжилъ свое время. Въ серединѣ 1858 года окончательно опредѣляется демократическое и соціалистическое направленіе «Современника»; Добролюбовъ рѣзко разрываетъ съ «либералами» на извѣстномъ обѣдѣ въ память Бѣлинскаго 6 іюня 1858 г.; «Современникъ» начинаетъ безпощадно высмѣивать многоглаголаніе либераловъ, ихъ безпочвенныя надежды, ихъ вѣру въ реформу свыше. Чернышевскій безповоротно отказывается отъ этой вѣры, отъ мысли о возможности провести освобожденіе крестьянъ въ полномъ размѣрѣ—съ достаточнымъ количествомъ общинной земли и безъ отягощенія выкупными платежами. Что̀ было тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который заставилъ Чернышевскаго и его группу покончить всѣ счеты съ былыми упованіями и надеждами? Этимъ толчкомъ было окончательно опредѣлившееся направленіе бюрократическаго творчества и первые практическіе шаги Губернскихъ Комитетовъ въ серединѣ того же 1858 года. Сразу выяснилась безповоротность двухъ главныхъ пунктовъ приближавшейся реформы: громадность выкупной суммы и нищенскіе надѣлы. При этихъ условіяхъ даже община не можетъ спасти крестьянство отъ разоренія,—думалъ Чернышевскій. А если такъ, то пусть лучше реформы совсѣмъ не будетъ, пусть лучше остается крѣпостное право: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Тогда, быть можетъ, реформа не будетъ дана въ урѣзанномъ видѣ сверху, а будетъ взята и добыта снизу, въ полномъ своемъ объемѣ. Такъ перешелъ Чернышевскій на революціонный путь и продолжалъ идти по нему все дальше и дальше до самаго конца своей короткой дѣятельности.

Въ автобіографическомъ романѣ «Прологъ пролога», написанномъ Чернышевскимъ уже въ Сибири, мы найдемъ яркую обрисовку этихъ мыслей Чернышевскаго послѣ его разрыва съ либерализмомъ. «Толкуютъ: освободимъ крестьянъ,—говоритъ герой этого романа, Волгинъ, въ лицѣ котораго Чернышевскій хотѣлъ дать свой портретъ.— Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что́ выйдетъ?—самъ судите, что̀ выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать. Натурально, что̀: испортишь дѣло выйдетъ мерзость... Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею!—вотъ хвастуны-

то, вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то!» *). И, стоя на такой точкѣ зрѣнія, Волгинъ-Чернышевскій склоняется къ теоріи «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»: «пусть дѣло объ освобожденіи крестьянъ будетъ передано въ руки людямъ помѣщичьей партіи. Разница не велика»... Съ нимъ спорятъ: «изъ-за чего идетъ борьба между прогрессистами и помѣщичьей партіей? Изъ-за того, съ землею или безъ земли освободить крестьянъ. Это колоссальная разница».—«Нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная, — отвѣчаетъ Волгинъ. — Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее у человѣка, но взять съ него плату за нее — все равно... Выкупъ—та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли.

— Я не ждалъ услышать отъ васъ это,—сказалъ Соколовскій **):—вы говорите, какъ человѣкъ помѣщичьей партіи.

— Вопросъ поставленъ такъ, — вяло отвѣчалъ Волгинъ:—поэтому я и не интересуюсь имъ.

— Чего же вы хотѣли бы? Освобожденія съ землею безъ выкупа? Это невозможно.

— Я и говорю: вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ-за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне»... (Чернышевскій, Собр. соч., т. X, ч. I; «Прологъ пролога», стр. 91, 163—164 и др.).

Если читателю извѣстно все это, то онъ легко пойметъ и три первыя страницы «Критики философскихъ предубѣжденій», непонятыя г. Плехановымъ. Чернышевскій не вѣритъ больше въ реформу свыше; онъ стыдится своихъ былыхъ увлеченій, своихъ диѳирамбовъ правительству, своего «легкомыслія» по вопросу объ освобожденіи и по вопросу объ общинѣ. Точно тутъ въ общинѣ дѣло!— говоритъ Чернышевскій:—вѣдь все дѣло въ освобожденіи безъ выкупа или съ самымъ небольшимъ выкупомъ: «на предположеніи этихъ двухъ условій была основана та горячность, съ какою я выставлялъ общинное владѣніе необходимымъ довершеніемъ гарантій благосостоянія» (ibid., т. IV, стр. 307). Но теперь надежды эти рухнули— а если такъ, то и община ничему не поможетъ; если такъ, то хоть обезземеливайте крестьянъ — хуже не будетъ... «Какъ бы то ни было, но пошло въ ходъ глупымъ образомъ начатое мною дѣло объ общинномъ владѣніи. Не всѣ смотрятъ на него съ тѣмъ чувствомъ отвращенія и негодованія, какое внушаетъ оно мнѣ теперь, по разрушеніи надеждъ, въ которыхъ было начато мною. Теперь, я уже сказалъ, я желалъ бы, быть можетъ, чтобы все оно пропало»... (ibid.; подчеркнуто нами). А такъ какъ все равно оно «пропасть» не можетъ, то Чернышевскій—«дѣлать нечего»—участвуетъ въ его дальнѣйшемъ веденіи (ibid.) и все-таки продолжаетъ отстаивать общину, а не обезземеливаніе и не частную земельную собственность. И тутъ же, сознавая свою былую «глупость» и «стыдясь» ея, онъ восклицаетъ (въ письмѣ къ Герцену): «умрите за общинное начало!»

А теперь перечтите тѣ цитаты, которыя сдѣлалъ изъ статьи Чернышевскаго г. Плехановъ, перечтите слова самого г. Плеханова—и вы увидите, до какой степени «наоборотъ» понялъ Чернышевскаго нашъ марксистъ. Это nec plus ultra пониманія навыворотъ. «Община становилась вредной для народнаго благосостоянія»! «Чернышевскій стыдился самого себя потому, что онъ защищалъ русскую общину въ концѣ 50-хъ годовъ»!—Вѣдь это же крайній предѣлъ непониманія! Бюрократическая реформа сверху — вотъ что̀ становилось вреднымъ для народнаго

*) Чернышевскій относитъ этотъ разговоръ къ осени 1857 года; въ дѣйствительности онъ могъ происходить только осенью 1858 г., когда Чернышевскій-Волгинъ разошелся во взглядахъ съ «либералами»—Кавелинымъ (Рязанцевъ) и другими «эмансипаторами».

**) Подъ именемъ Соколовскаго выведенъ Сѣраковскій, офицеръ-полякъ (о немъ см. въ перепискѣ Плещеева), впослѣдствіи убитый во время возстанія 1863—64 гг.

благосостоянія; своей былой вѣры въ эту реформу—вотъ чего «стыдился» Чернышевскій. «Мы увлекались, да увидѣли, что насъ дурачили»,—такъ характеризовалъ Чернышевскій (въ 1861 г.) періодъ своего либерализма; вотъ почему восклицалъ онъ: «какъ я былъ глупъ!». А г. Плехановъ съ неподражаемымъ простодушіемъ увѣряетъ, что Чернышевскій устыдился своей защиты русской общины! Еще бы, помилуйте: самъ Чернышевскій заявляетъ, что съ отвращеніемъ и негодованіемъ смотритъ на начатое имъ дѣло объ общинномъ владѣніи!

Эта душевная невинность нашего марксиста до того меня трогаетъ, что я, въ pendant ему, хочу открыть еще два совершенно новыхъ и никѣмъ раньше не замѣченныхъ основныхъ воззрѣнія Чернышевскаго. Вотъ первый пунктъ: въ романѣ «Прологъ пролога» Соколовскій уговариваетъ Волгина добиваться уничтоженія тѣлеснаго наказанія розгами и шпитцрутенами, а Волгинъ-Чернышевскій отвѣчаетъ: «...я не хочу помогать вашему проекту. Я не желаю, чтобы дѣлались реформы, когда нѣтъ условій, необходимыхъ для того, чтобы реформы производились удовлетворительнымъ образомъ»... (op. cit., стр. 121). Слово въ слово то самое, что и объ освобожденіи крестьянъ съ землею въ общинномъ владѣніи! И если въ послѣднемъ случаѣ это означало, что Чернышевскій признаетъ русскую общину «вредной для народнаго благосостоянія», то въ случаѣ только-что указанномъ это означаетъ — эврика! — что по мнѣнію Чернышевскаго отмѣна розги тоже вредна для народнаго благосостоянія! Удивительно, какъ никто раньше этого не замѣтилъ! И чего смотрѣлъ г. Плехановъ? — А вотъ и пунктъ второй: если въ концѣ 1858 года Чернышевскій сознался въ своей «глупости» за защиту имъ русской общины и если г. Плехановъ съ умилительнымъ простодушіемъ понялъ это текстуально, то позвольте мнѣ принять за чистую монету и слѣдующее «сознаніе» Чернышевскаго — на этотъ разъ ужъ не въ «глупости», а въ «измѣнѣ народу». Въ первомъ

изъ знаменитыхъ «Писемъ безъ адреса» (т.-е. писемъ къ Александру II) Чернышевскій говоритъ о самомъ себѣ: «...я понимаю, что дѣлаю: я измѣняю народу... Да, я измѣняю своему убѣжденію и своему народу. Это низко»... и т. д. (Собр. соч., т. X, ч. II, стр. 295). Это «сознаніе» говоритъ само за себя: Чернышевскій въ началѣ 1862 года «измѣнилъ народу» и перешелъ на сторону бюрократіи,—какъ этого «не замѣтилъ» г. Плехановъ, удивляюсь! Странно, правда, что за эту «измѣну народу» Чернышевскаго скоро посадили въ крѣпость, а затѣмъ держали двадцать лѣтъ въ Сибири; странно—но что подѣлаешь! Вѣдь это не болѣе странно, чѣмъ то необъяснимое обстоятельство, что только-что признавъ въ одной статьѣ русскую общину «вредной для народнаго благосостоянія», Чернышевскій тѣмъ же перомъ и тѣми же чернилами тутъ же написалъ другую статью, въ которой восклицалъ: «умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало».

Вотъ сколько новыхъ открытій ad usum г. Плеханова! Чернышевскій—сторонникъ сохраненія розги и Чернышевскій—измѣнникъ народу: это открытіе не меньшей цѣнности, чѣмъ невѣроятное открытіе г. Плеханова о Чернышевскомъ—противникѣ русской общины! Г. Плехановъ выпускаетъ въ настоящее время въ свѣтъ свою новую толстую книгу о Чернышевскомъ sub specie marxismi: неужели же мы не найдемъ въ ней всѣхъ этихъ трехъ новыхъ точекъ зрѣнія на Чернышевскаго?!.

X.

Я позволилъ себѣ сказать, что г. Плехановъ **исказилъ** одинъ изъ основныхъ пунктовъ міровоззрѣнія Чернышевскаго; полагаю, что это теперь достаточно подтверждено неоспоримыми данными. Но если даже обликъ Чернышевскаго былъ такъ грубо искаженъ въ зеркалѣ мар-

ксистской истины, то можно себѣ представить, что́ получилось въ этомъ зеркалѣ отъ міровоззрѣнія Михайловскаго! Весь хваленый «объективизмъ» нашего марксиста сразу сошелъ на нѣтъ, лишь только рѣчь зашла о «субъективизмѣ»! Отнестись къ Михайловскому пристрастнѣе и несправедливѣе г. Плеханова—довольно мудрено; какъ видно, г. Плехановъ и до сихъ поръ еще злобствуетъ на него, сводитъ съ нимъ старые полемическіе счеты... А казалось бы, можно съ бо́льшей вдумчивостью остановиться передъ еще свѣжей могилой и безпристрастнѣе оцѣнить послѣдняго изъ ряда великихъ русскихъ публицистовъ XIX вѣка.

Но г. Плехановъ не хочетъ воздать должное своему былому противнику; онъ силится смотрѣть на него сверху внизъ, несмотря на то, что ихъ взаимное положеніе какъ разъ обратное... Онъ заявляетъ, что Чернышевскій былъ «по крайней мѣрѣ на три головы» выше Михайловскаго, что міровоззрѣніе Михайловскаго было «страшнымъ пониженіемъ» уровня русской общественной мысли по сравненію съ уровнемъ начала сороковыхъ годовъ и—договоримъ за г. Плеханова—съ уровнемъ девяностыхъ годовъ. Послѣднее само собой разумѣется: чѣмъ ниже Михайловскій, тѣмъ выше г. Плехановъ, чѣмъ слабѣе и ошибочнѣе народничество, тѣмъ сильнѣе и истиннѣе марксизмъ. Но именно потому нашему марксисту и слѣдовало, хотя бы изъ чувства личнаго достоинства и самоуваженія, скорѣе переоцѣнить, чѣмъ недооцѣнить Михайловскаго. А онъ вмѣсто этого занялся измѣреніемъ роста... Я сильно опасаюсь однако, какъ бы г. Плехановъ не оказался «по крайней мѣрѣ на три головы» ниже того человѣка, на котораго онъ столь тщетно пытается смотрѣть сверху внизъ...

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти партійные счеты; Михайловскій выше ихъ. И тѣмъ хуже для г. Плеханова, если онъ не хочетъ или не умѣетъ воздать должное своему былому противнику: этимъ онъ себя не возвеличитъ.

Обратимся лучше къ той критикѣ, которой г. Плехановъ въ тысячу первый разъ подвергаетъ «субъективизмъ» Михайловскаго съ высоты своего объективнаго величія.

«...Въ чемъ заключается главная отличительная черта субъективизма?»—спрашиваетъ г. Плехановъ, обращаясь за отвѣтомъ къ «Исторіи русск. общ. мысли», и приводитъ отвѣтъ: «субъективизмъ есть признаніе телеологизма въ соціологіи». Если г. Плехановъ пожелалъ обратиться за отвѣтомъ къ моей книгѣ, то онъ долженъ былъ привести полный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ, а не замалчивать двѣ трети отвѣта. На страницахъ 175—187 второго тома своей книги я подробно говорю о томъ, что «субъективизмъ» Михайловскаго характеризуется тремя главными отличительными чертами—примѣненіемъ къ соціологіи телеологизма, категоріи справедливости и категоріи возможности: «эти три стороны главнымъ образомъ и опредѣляютъ собой субъективизмъ Михайловскаго» (т. II, стр. 179; см. еще стр. 184 и др.). Кажется, это достаточно ясно сказано; отчего же нашъ критикъ умалчиваетъ о двухъ изъ этихъ трехъ сторонъ? Причина простая: о категоріи справедливости, о примѣненіи этики къ соціологіи онъ молчитъ потому, что ему слишкомъ памятны тѣ удары критики, которые испыталъ на себѣ марксизмъ за отрицаніе этого примѣненія. Именно въ этой области субъективизмъ Михайловскаго одержалъ полную побѣду надъ марксизмомъ; именно въ этой области марксисты стали въ концѣ концовъ растерянно отмалчиваться на всѣ возраженія—характерные примѣры этого приводятся въ моей книгѣ (напр., т. II, стр. 381—384). И г. Плехановъ предпочитаетъ не упоминать объ этомъ щекотливомъ вопросѣ; не думаю, чтобы эта тактика замалчиванія могла помочь марксизму. Молчитъ г. Плехановъ также и о примѣненіи къ соціологіи категоріи возможности, характерномъ для «субъективизма». Причина тоже простая: вся дальнѣйшая критика г. Плеханова построена на смѣшеніи понятій детерминизма и фата-

лизма; его возраженія не могли бы имѣть мѣста, если бы онъ обратилъ вниманіе свое и читателей на то положеніе субъективизма, что «въ соціологіи примѣнима не только категорія необходимости, но и категорія возможности» (ibid., т. II, стр. 176). Таковы пріемы критики нашего марксиста. Что прикажете дѣлать съ людьми, которые не то что не могутъ понять, а просто не хотятъ понять, не хотятъ даже услышать, и, заткнувъ пальцами уши, кричатъ по-фамусовски: «не слушаю! подъ судъ! подъ судъ!»

Читатель видитъ, до какой степени «не объективно» (мягко говоря) поступаетъ нашъ объективный соціологъ съ ненавистнымъ ему «субъективизмомъ»: онъ на двѣ трети замалчиваетъ его. Такъ и быть, оставимъ въ сторонѣ то, о чемъ «не говоритъ» г. Плехановъ; посмотримъ, что́ же онъ «говоритъ» о субъективизмѣ. Вотъ его главный доводъ: субъективизмъ противопоставляетъ субъективныя стремленія людей объективному ходу общественнаго развитія, а это «просто-на̀просто нелѣпо», ибо первыя обусловливаются вторымъ. «Другими словами, ошибка субъективизма,—какъ и всякаго утопизма вообще,—заключается въ томъ, что онъ, смотря на сознательную дѣятельность людей, какъ на причину общественнаго развитія, не понимаетъ того, что прежде чѣмъ стать его причиной, дѣятельность эта по необходимости должна явиться его слѣдствіемъ» (VII, 109 и 114). Нѣтъ, Михайловскій хорошо понималъ эту старую истину, но кромѣ того онъ понималъ еще и другую, недоступную сознанію господъ объективныхъ соціологовъ: онъ понималъ, что, будучи слѣдствіемъ общественнаго развитія, сознательная дѣятельность людей въ свою очередь неизбѣжно является причиной его. Между объективнымъ ходомъ общественнаго развитія и субъективными стремленіями людей имѣется не простое одностороннее дѣйствіе, а взаимодѣйствіе, и отрицать это — «просто-на̀просто нелѣпо»...

Но тутъ нашъ марксистъ выставляетъ слѣдующую неотразимую дилемму: «или субъективныя стремленія соціологовъ противорѣчатъ объективному ходу общественнаго развитія и тогда такому соціологу не суждено видѣть свои стремленія осуществленными; или же его субъективныя стремленія опираются на объективный ходъ общественнаго развитія и выражаютъ его собой, и тогда соціологу нѣтъ ни малѣйшей надобности становиться на особую субъективную точку зрѣнія по той простой причинѣ, что тогда субъективное совпадаетъ съ объективнымъ» (VII, 109). Пусть такъ; намъ осталось только узнать этотъ единый и неизбѣжный «объективный ходъ общественнаго развитія». Марксисты и даютъ намъ его въ своемъ «научномъ прогнозѣ», увѣренные въ его фатальности. Блаженны вѣрующіе — и такими вѣрующими фаталистами всегда были ортодоксальные марксисты; они не видѣли возможности разнопричинности тождественныхъ слѣдствій, возможности того, что одно и то же слѣдствіе можетъ быть результатомъ различныхъ причинныхъ рядовъ (см. объ этомъ въ «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 366—367). Это значитъ, иными словами, что остается неопровергнутой возможность различныхъ путей объективнаго хода общественнаго развитія, остается неопровергнутымъ примѣненіе категоріи возможности къ соціологіи. Все наше отношеніе къ живымъ вопросамъ общественности покоится на этомъ неопровергнутомъ—ибо неопровержимомъ — положеніи; наша практика исходитъ изъ этой теоріи *). А если такъ, то и неотразимая дилемма г. Плеханова рѣшается совсѣмъ просто: да, мои субъективныя стремленія или противорѣчатъ, или не противорѣчатъ объективному ходу развитія; но какъ быть, если этотъ «объективный ходъ» можетъ направиться по двумъ путямъ? Марксисты вѣрятъ, что путь этотъ только

*) См. послѣднія страницы предыдущей статьи «Жизнь и теорія» (выше, стр. 102—107).

единъ и что они стоятъ на немъ — въ этомъ вѣдь и заключается абсолютная марксистская истина; эта вѣра марксизма въ свой «научный прогнозъ» умилительна, но не общеобязательна, это не наука, а религія. Въ области же науки мы здѣсь вплотную подошли къ ряду глубочайшихъ философскихъ проблемъ — о детерминизмѣ, о свободѣ воли, о категоріи возможности и т. п.; разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ г. Плехановъ совершенно безсиленъ, такъ какъ стоитъ на почвѣ наивной матеріалистической философіи.

Мнѣ незачѣмъ подробно останавливаться на вопросѣ: что́ же лежитъ въ основѣ этого расхожденія марксистскаго «объективизма» съ народническимъ «субъективизмомъ»? Читатели знаютъ, что въ основѣ этого расхожденія лежитъ различное отношеніе къ человѣческой личности. Анти-индивидуалистическая теорія марксизма и индивидуалистическая концепція народничества не примиримы и не соединимы; выборъ между ними дѣлается безсознательно и на психологической почвѣ. Читатель знаетъ, что для насъ личность есть высшая точка человѣческаго міровоззрѣнія и всемірной исторіи; отношеніе же марксизма къ личности достаточно извѣстно. Спорить тутъ не о чемъ; тутъ надо только установить фактъ расхожденія.

Но когда отъ этого общаго положенія споръ переходитъ на частные вопросы, то тутъ уже нельзя оставлять безъ вниманія явныя искаженія и намѣренныя или ненамѣренныя извращенія. Мы уже видѣли, что г. Плехановъ дѣйствительно исказилъ центральную мысль Чернышевскаго; мы вынуждены теперь показать, до какой степени «наоборотъ» понимаетъ нашъ критикъ Михайловскаго. И, къ сожалѣнію, при этомъ безспорно выяснится, что искаженіе это является явно намѣреннымъ.

Рѣчь идетъ о синтезѣ «соціализма» и «политики» во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ народовольцами вообще и Михайловскимъ въ особенности. Какъ извѣстно,

Михайловскій сначала отрицательно относился ко всякимъ политическимъ реформамъ, полагая, что буржуазная конституція можетъ ухудшить положеніе народа; свобода и права, конечно, желательны, но—«да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами (народу), но еще увеличатъ ихъ!» Такъ восклицалъ Михайловскій (въ 1873 году) и высказывалъ этимъ завѣтнѣйшую мысль всего современнаго ему народничества. Но скоро онъ сознавалъ свою ошибку; онъ понялъ, что, отстраняясь отъ политической борьбы, соціалисты только способствуютъ развитію буржуазіи; уже въ 1876 году Михайловскій твердо сталъ на эту точку зрѣнія, къ которой вскорѣ склонилось почти все народничество. Въ первыхъ нумерахъ «Народной Воли» за 1879 г. Михайловскій имѣлъ возможность ясно и открыто высказать эту свою мысль, отъ которой впослѣдствіи никогда не отказывался (См. обо всемъ этомъ «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 109 — 111, 114 — 116 и др.).

Все это общеизвѣстно. Но вотъ г. Плеханову хочется доказать, что и въ восьмидесятыхъ годахъ Михайловскій стоялъ на своей первоначальной точкѣ зрѣнія. Это онъ доказываетъ двумя путями. Первый — ссылка на статью г. Николадзе «Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго» («Былое», 1906 г., № 9). Г. Николадзе разсказываетъ, что когда онъ—дѣло было въ 1882 году—въ разговорѣ съ Михайловскимъ выразилъ изумленіе, что народовольцы въ своихъ переговорахъ со Священной Дружиной предъявляютъ лишь «требованія узко-соціалистическаго характера, безъ политической подкладки», то Михайловскій будто бы отвѣтилъ, что партія теперь убѣдилась, что политическія реформы поведутъ къ упроченію во власти буржуазіи и что это будетъ не прогрессъ, а регрессъ (loc. cit., стр. 255—256). «Нечего сказать, превосходный **синтезъ соціализма и политики!**»—иронически комментируетъ это г. Плехановъ. Нечего сказать, превосходный способъ критики! Имѣя

передъ собою десятокъ томовъ сочиненій Михайловскаго, г. Плехановъ обращается къ статьѣ г. Николадзе. Онъ забываетъ при этомъ сообщить своимъ читателямъ, что сама редакція «Былого» дважды подчеркиваетъ крайнюю субъективность этой статьи; онъ забываетъ при этомъ обратить вниманіе на воспоминанія самого Михайловскаго и его отзывъ о г. Николадзе (напечатано въ № 54 «Революціонной Россіи» и перепечатано въ «Быломъ», 1907 г., № 9, стр. 212). Если даже и допустить, что память не измѣнила г. Николадзе и что Михайловскій дѣйствительно произнесъ приписываемую ему фразу, то это еще нисколько не рѣшаетъ вопроса, почему Михайловскій могъ сказать это г. Николадзе, которому онъ «не особенно довѣрялъ» (ibid.). Все это надо принять во вниманіе, прежде чѣмъ позволять себѣ судить обо всемъ этомъ.

Но главное: вѣдь отъ Михайловскаго намъ осталось богатое литературное наслѣдство, въ которомъ г. Плехановъ можетъ искать подтвержденія своей невѣроятной мысли о томъ, что Михайловскій не признавалъ «синтеза соціализма и политики». И г. Плехановъ пытается сдѣлать это. Онъ переписываетъ изъ статьи Михайловскаго (1873 года!) большую цитату, заканчивающуюся извѣстнымъ намъ «проклятіемъ» правамъ и свободѣ,—и заключаетъ: «этотъ „синтезъ" такъ хорошъ, что теперь рѣшительно не стоитъ вдаваться въ его критику» (VII, 116). Да, дѣйствительно, не стóитъ, такъ какъ самъ Михайловскій три-четыре года спустя призналъ, какъ мы знаемъ, ошибочность этой своей мысли; это не мѣшаетъ ей оставаться яркимъ, рѣзкимъ и характернымъ выраженіемъ міровоззрѣнія семидесятыхъ годовъ. Но г. Плеханову хочется доказать, что и въ восьмидесятыхъ годахъ Михайловскій держался своего прежняго ошибочнаго взгляда. «Достаточно сказать одно,—заявляетъ онъ:—Михайловскій уже значительно позже, въ «Литературныхъ замѣткахъ» 80-хъ годовъ, съ гордостью вспоминалъ этотъ свой „синтезъ" и снова формулировалъ его такъ»... (VII, 116). И

г. Плехановъ цитируетъ слѣдующія слова Михайловскаго: «свобода великая и соблазнительная вещь, но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличитъ нашъ вѣковой долгъ народу.... Я твердо знаю, что (сказавъ это) выразилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей нашего времени»...

Странная вещь, непонятная вещь! Неужели же дѣйствительно Михайловскій, въ 1876—1878 г. увидѣвшій свою былую ошибку отрицанія «политики», теперь, два года спустя, снова впадаетъ въ свою прежнюю ошибку? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стоитъ только перечесть «инкриминируемую» Михайловскому его статью въ т. IX «Отечественныхъ Записокъ» за 1880 годъ (Собр. соч., т. IV, стр. 940—952). Перечтите—и вы увидите, въ чемъ заключается легкомысленная передержка г. Плеханова. Въ этой статьѣ Михайловскій подводитъ итогъ міровоззрѣнію семидесятыхъ годовъ; вспоминаетъ онъ и о своей старой формулѣ, такъ ярко характеризующей эту эпоху. Тутъ-то и встрѣчается та фраза, первую половину которой привелъ г. Плехановъ: «я твердо знаю, что выразилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей нашего времени; ту именно, которая придаетъ семидесятымъ годамъ оригинальную физіономію и ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшныя, неисчислимыя жертвы, о чемъ впрочемъ говорить еще рано»... (Собр. соч., т. IV, стр. 949). И далѣе Михайловскій переходитъ къ разсказу о томъ, какъ и почему создалось такое воззрѣніе: «наше дѣло вотъ какъ происходило», —начинаетъ разсказывать онъ. Вы понимаете, что теперь, въ 1880 году, все это для Михайловскаго—уже исторія, общіе контуры которой онъ мастерски набрасываетъ въ этой своей статьѣ. А г. Плехановъ убѣждаетъ своихъ читателей, что Михайловскій говоритъ здѣсь не о прошломъ, а о настоящемъ, о восьмидесятыхъ годахъ!

Что это: незнаніе или намѣренное искаженіе мыслей былого противника? Конечно, не незнаніе, такъ какъ г.

Плехановъ, какъ видимъ, знаетъ эту статью 1880 года. Если же онъ не знаетъ этого (допустимъ!), то ужъ зато, конечно, знаетъ статьи Михайловскаго въ «Русскомъ Богатствѣ» конца девяностыхъ годовъ, въ эпоху жаркой полемики Михайловскаго съ марксистами, въ томъ числѣ и съ г. Плехановымъ; эти статьи г. Плехановъ, конечно, знаетъ гораздо лучше, не такъ ли? Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ напомнить про небольшой урокъ, данный Михайловскимъ одному изъ марксистскихъ критиковъ — бойкому, небездарному, но крайне поверхностному Евгенію Соловьеву (Андреевичу). Этотъ марксистскій критикъ цитировалъ тѣ же самыя, что и г. Плехановъ, слова Михайловскаго о долгѣ народу, о проклятіи правамъ и свободѣ—и тоже находилъ, подобно г. Плеханову, что этотъ «синтезъ» Михайловскаго такъ хорошъ, что заслуживаетъ только насмѣшекъ. Отвѣчая ему, Михайловскій приводитъ рядъ цитатъ изъ своей статьи 1873 года и замѣчаетъ по поводу ихъ: «ахъ, это очень молодо, и тѣ же семидесятые годы научили меня многому — см., напримѣръ, замѣтки 1880 г., Сочиненія IV, 952. (Здѣсь Михайловскій ссылается на ту самую статью, которую мы цитировали выше и которая извѣстна г. Плеханову.—И.-Р.). Но вѣдь это написано четверть вѣка назадъ, напечатано сначала въ журналѣ и перепечатано четыре раза въ изданіяхъ сочиненій. Какой же конструкціи лобъ надо имѣть, чтобы по поводу именно этой статьи утверждать...» — то, что̀ утверждалъ слишкомъ развязный Е. Соловьевъ (см. «Русское Богатство» 1899 г. № 10). Послѣ этого прошло еще десять лѣтъ; и теперь г. Плехановъ не желаетъ замѣчать того, что́ было уже не четыре, а шесть разъ перепечатано въ сочиненіяхъ Михайловскаго по вопросу о синтезѣ политики и соціализма. Какъ думаетъ г. Плехановъ, не повторилъ ли бы теперь Михайловскій свой прежній вопросъ о «конструкціи лба», но только въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ? Я этого не повторю, но скажу только: да будетъ г. Плеханову стыдно.

Въ заключеніе—вторая, не менѣе любопытная параллель. Какой-то фельетонистъ казенной газеты «Россія», озлобленно разбирая въ рядѣ фельетоновъ (1907 г.) мою книгу и въ частности мою критику Михайловскаго, заявилъ: «г. Ивановъ-Разумникъ старается доказать, что въ этой области («мнимой научности и дремучей идейности») онъ умнѣе покойнаго Михайловскаго. Но, повидимому, въ этой области «умнѣе» — неумѣстно. Возможенъ только одинъ вопросъ: кто глупѣе?» — Г. Плехановъ повторяетъ то же самое, nur mit ein bischen anderen Worten: «г. Ивановъ-Разумникъ,—говоритъ онъ,—могъ только перепутать то, что было и безъ того запутано въ утопическихъ построеніяхъ Михайловскаго» (VII, 113). Какъ видите, это все тотъ же вопросъ: «кто глупѣе?» Долженъ признаться, что такая постановка вопроса является для меня незаслуженно лестной: если г. Плехановъ и фельетонистъ «Россіи» хотятъ поставить меня по «глупости» и «запутанности» рядомъ съ Михайловскимъ, то я чувствую себя болѣе, чѣмъ удовлетвореннымъ...

Сотрудника «Россіи» — самъ Богъ проститъ; но какъ же не стыдно г. Плеханову писать о Михайловскомъ весь тотъ вздоръ, который такъ обильно разсыпанъ въ главкѣ, посвященной этому большому писателю?

XI.

По-марксистски расправившись съ Михайловскимъ, г. Плехановъ переходитъ къ апологіи марксизма. Ортодоксальный марксизмъ есть система абсолютной истины; и хотя Энгельсъ когда-то утверждалъ, что «діалектическая философія» марксизма на всемъ видитъ печать неизбѣжнаго паденія и что устоять передъ нею не можетъ ничто—но, разумѣется, это не относится къ марксизму, который именно и есть та діалектическая философія, передъ которой ничто не устоитъ... О чемъ же тутъ спорить? Нашъ

марксистъ поэтому обходитъ мимо всѣ общіе вопросы моей критики марксизма и останавливается лишь на частныхъ вопросахъ—объ общинѣ, о «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», о Zusammenbruchs и Verelendungstheorie и т. д. При этомъ онъ обвиняетъ меня въ искаженіи марксизма, въ недобросовѣстномъ къ нему отношеніи и тому подобныхъ преступленіяхъ...

Прежде чѣмъ отвѣчать на это по существу, отмѣчу мимоходомъ слѣдующее курьезное обстоятельство: спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія разбираемой нами статьи г. Г. Плеханова, въ томъ же журналѣ появилась рецензія нѣкоего г. Г. П. на мою книгу «О смыслѣ жизни»—рецензія, подобно статьѣ г. Г. Плеханова, очень неблагосклонная. Подобно г. Г. Плеханову, г. Г. П. крайне недоволенъ и изложеніемъ и содержаніемъ моей книги, но въ то же время такъ аттестуетъ пишущаго эти строки: «авторъ—трудолюбивый и добросовѣстный писатель, и долженъ же онъ понимать, что...» («Совр. Міръ», 1909 г., № 3, стр. 132). Что я долженъ понимать—это намъ здѣсь неинтересно, а интересно вотъ что: кому же вѣрить? Почтенному г. Г. Плеханову, который обвиняетъ меня въ недобросовѣстности, или не менѣе, надѣюсь, почтенному г. Г. П., который тогда же и на страницахъ того же журнала столь лестно именуетъ меня «добросовѣстнымъ писателемъ»?

Но это только къ слову: конечно, г. Г. Плехановъ не отвѣтствененъ за мнѣнія г. Г. П., а г. Г. П. въ свою очередь можетъ писать нѣчто діаметрально-противоположное тому, что пишетъ г. Г. Плехановъ; но все-таки любопытно, насколько мнѣнія людей могутъ расходиться... А теперь оставимъ въ сторонѣ лестную для меня аттестацію г. Г. П. о моей добросовѣстности и обратимся къ г. Г. Плеханову, который негодуетъ на мою недобросовѣстность въ очень нелестныхъ выраженіяхъ. Замѣчу кстати, что и г. А. Луначарскій, слѣдуя по стопамъ г. Г. Плеханова, обвиняетъ меня въ шуллерствѣ, недобросо-

вѣстности, чудовищно-наглой лжи и прочихъ милыхъ преступленіяхъ по отношенію къ марксизму. Tantaene animis marxistibus irae! Я еще не теряю однако надежды, что какъ послѣ такихъ же обвиненій г. Г. Плеханова меня оправдалъ нѣкій г. Г. П., такъ и послѣ брани г. А. Луначарскаго меня, быть можетъ—сладкая надежда!—похвалитъ какой-нибудь г. А. Л... Но если даже эта лестная надежда и не осуществится, то все же я могу только съ улыбкой сожалѣнія смотрѣть на всю эту кучу брани, выдвинутую господами Г. Плехановымъ и А. Луначарскимъ вмѣсто аргументовъ. Оба моихъ Юпитера сердятся, но не опровергаютъ. Приведя изъ «Ист. русск. общ. мысли» цитату, относящуюся къ марксистской теоріи «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», г. Плехановъ замѣчаетъ: «безполезно оспаривать это, но полезно обратить на это вниманіе для характеристики г. Иванова-Разумника» (VII, 122). И г. Луначарскій повторяетъ вслѣдъ за г. Плехановымъ чуть ли не слово въ слово: «спорить съ этимъ, доказывать, что это безпардонное вранье—совершенно безполезно» (273). Это очень грубо сказано—но вѣдь зато же это и вѣрно сказано: да, господа, вамъ «совершенно безполезно» спорить съ этимъ «безпардоннымъ враньемъ»—безполезно потому, что мнѣ очень легко доказать истинность своихъ утвержденій.

Главный вопросъ здѣсь въ томъ—какъ построена въ «Исторіи русск. общ. мысли» глава объ ортодоксальномъ марксизмѣ? А построена она на основаніи слѣдующихъ соображеній, которыя я считаю вѣрными и въ настоящее время. Послѣ крупныхъ именъ Герцена, Чернышевскаго, Лаврова, Михайловскаго — именъ, характеризующихъ и опредѣляющихъ собою цѣлыя направленія русской общественной мысли,—появился рядъ почтенныхъ, но сравнительно мелкихъ именъ, сумма которыхъ характеризовала собою большое по значенію теченіе марксизма. Гг. Бельтовъ-Плехановъ, Ленинъ-Ильинъ, П. Струве, М. Туганъ-Барановскій, Л. Аксельродъ, П. Масловъ, М. Филипповъ

и многіе иные въ суммѣ характеризуютъ собою русскій марксизмъ девяностыхъ годовъ. Нѣкоторые изъ нихъ потомъ ушли отъ марксизма, а изъ оставшихся наиболѣе крупнымъ и талантливымъ несомнѣнно былъ и остается г. Плехановъ (что отмѣчено и въ моей книгѣ). Но, конечно,—не настолько крупнымъ и не настолько талантливымъ, чтобы имъ однимъ можно было характеризовать весь русскій марксизмъ, чтобы вмѣсто главы «Девяностые годы» можно было въ «Исторіи русск. общ. мысли» помѣщать главу «Плехановъ». А потому мнѣ пришлось, говоря о марксизмѣ, взять своего рода средній типъ ортодоксальнаго марксиста, какимъ онъ сложился въ моемъ пониманіи послѣ добросовѣстнаго (апеллирую къ мнѣнію г. Г. П...) изученія марксистскихъ журналовъ, книгъ и брошюръ той эпохи. Утверждаю, что вся глава «Исторіи русск. общ. мысли» о марксизмѣ построена на данныхъ, почерпнутыхъ мною главнымъ образомъ изъ статей «Новаго Слова», «Начала», «Жизни», «Научнаго Обозрѣнія»—марксистскихъ журналовъ девяностыхъ годовъ, гдѣ подъ псевдонимами писалъ и самъ г. Плехановъ.

Правда, такой процессъ своего рода «интегрированія» марксизма отъ «Новаго Слова» до «Искры», черезъ всѣ иногда безконечно-малыя статьи и статейки, является дѣломъ довольно затруднительнымъ вслѣдствіе массы взаимныхъ противорѣчій, которыми былъ такъ богатъ марксизмъ девяностыхъ годовъ именно изъ-за отсутствія одного большого, центральнаго писателя. Тутъ приходилось выбирать наиболѣе общій взглядъ, не обращая вниманія на частныя противорѣчія. Позволю себѣ привести одинъ примѣръ, случайно подвернувшійся подъ руку. Въ «Исторіи русск. общ. мысли» вы найдете слѣдующую фразу: «мы не придаемъ никакого вѣса кассандровскимъ пророчествамъ (марксистовъ) о грядущей скорой гибели русской внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи» (т. II, стр. 520). По поводу этой фразы одинъ изъ мало

замѣтныхъ марксистовъ (г. Кранихфельдъ) полемизируетъ съ авторомъ, считая, что авторъ навязываетъ марксистамъ «невообразимую чепуху»... «Гдѣ и когда,—спрашиваетъ онъ, — гдѣ и когда ортодоксальные русскіе марксисты пророчили русской (внѣсословной и внѣклассовой—И.-Р.) интеллигенціи быстрое увяданіе и умираніе? Гдѣ и когда сопоставляли они судьбу интеллигенціи съ судьбами русской общины? Гдѣ и когда строили они тѣ «поистинѣ удивительные силлогизмы», которые имъ приписываетъ Ивановъ-Разумникъ?—Нигдѣ и никогда, долженъ будетъ отвѣтить намъ самъ авторъ этой игривой выходки. Вѣдь онъ, такъ добросовѣстно точно цитирующій чужія слова (еще разъ добросовѣстность!—И.-Р.), такъ старательно сопровождающій каждую взятую имъ цитату ссылкой на соотвѣтствующаго автора и даже на страницу—здѣсь, въ интерпретаціи марксистской позиціи, даже не намекнулъ о томъ, отъ кого онъ могъ слышать весь этотъ вздоръ». Это напечатано на 38-ой страницѣ февральскаго тома журнала «Современный Міръ» за 1908 годъ. А на страницахъ 84—95 той же книги того же года и того же журнала помѣщена статья другого марксиста (г. Іорданскаго) подъ заглавіемъ «Кризисъ интеллигенціи»; въ статьѣ этой доказывается именно та мысль, что внѣклассовая русская интеллигенція самимъ ходомъ вещей обречена на увяданіе и умираніе. Итакъ, второй марксистъ высказываетъ именно то самое, что первый марксистъ полусотней страницъ выше называлъ «вздоромъ» и «невообразимой чепухой»... Какъ тутъ быть бѣдному будущему историку? Правда, оба эти марксиста — не то что dii minimi, а просто незамѣтно малыя величины во всемъ теченіи русскаго марксизма; но все же правъ-то вѣдь только кто-нибудь одинъ изъ нихъ! Выборъ сдѣлать не трудно: г. Іорданскій выражаетъ очень распространенный взглядъ марксистовъ на интеллигенцію, а г. Кранихфельдъ, считающій этотъ взглядъ «вздоромъ» и «невообразимой чепухой», занимаетъ совершенно оди-

нокую позицію, которая представитъ интересъ только для будущаго біографа и истолкователя твореній г. Кранихфельда... А все-таки любопытная картина: одинъ марксистъ спрашиваетъ—где и когда марксисты пророчили гибель русской интеллигенціи, гдѣ и когда они говорили такую «невообразимую чепуху», а другой марксистъ тамъ же и тогда же пророчитъ русской интеллигенціи скорую гибель... Маленькое недоразумѣніе двухъ сотрудниковъ одного журнала.

Итакъ, читатель видитъ, какимъ путемъ дѣлается выборъ общаго взгляда, характеризующаго марксизмъ, независимо отъ частныхъ противорѣчій отдѣльныхъ мелкихъ представителей марксизма. Я не намѣренъ въ настоящей статьѣ доказывать правильность такого отбора, произведеннаго въ «Исторіи русск. общ. мысли» надъ цѣлымъ рядомъ частныхъ вопросовъ; но я готовъ, если пожелаетъ г. Плехановъ, взять любой вопросъ—напримѣръ, вопросъ о «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», якобы столь невѣрно освѣщенный въ моей книгѣ — и доказать путемъ обращенія къ журнальной марксистской литературѣ девяностыхъ годовъ, что мною правильно выбрана изъ ряда марксистскихъ мнѣній та равнодѣйствующая, которая характеризуетъ собою весь марксизмъ. Конечно, г. Плехановъ можетъ пожелать, чтобы я характеризовалъ марксизмъ инымъ путемъ—путемъ изученія мнѣній и мыслей одного его, г. Плеханова; вѣдь общая тенденція критическихъ статей этого писателя можетъ быть выражена формулой «marxisme—c'est moi», ибо всѣхъ марксистовъ, несогласныхъ съ нимъ, нашъ авторъ не желаетъ признавать настоящими марксистами: русскій марксизмъ это г. Плехановъ съ немногими подобными ортодоксами. Но читателю извѣстно, почему мы держимся иного мнѣнія и не считаемъ возможнымъ замѣнить главу о девяностыхъ годахъ главою о г. Плехановѣ.

Итакъ, повторяю: если г. Плехановъ выразитъ желаніе, то я готовъ ему доказать указаннымъ выше путемъ

правильность своей характеристики марксизма. Читатели тогда будутъ имѣть случай убѣдиться, что если гг. Плехановъ и Луначарскій вкупѣ и влюбѣ говорятъ: «безпардонное вранье», то это надо читать: «истина». Неужели же и наоборотъ? Это было бы очень печально для марксистской истины... А что иногда дѣло обстоитъ именно такъ, въ этомъ читатель сейчасъ убѣдится.

Г. Плехановъ встрѣтилъ въ «Исторіи русск. общ. мысли» слѣдующую фразу: ортодоксальный марксизмъ опирался на «перевернутаго вверхъ ногами Гегеля» (т. II, стр. 447). Эта фраза возмутила нашего марксиста и онъ замѣчаетъ по ея поводу: «любопытны критическіе пріемы... г. Иванова-Разумника. Ортодоксальный марксизмъ опирается у него на перевернутаго вверхъ ногами Гегеля. Приписавъ марксизму столь «шаткую» опору, онъ съ удовольствіемъ констатируетъ потомъ, что марксизмъ рухнулъ внизъ отъ легкаго толчка. Откуда же взялся перевернутый вверхъ ногами Гегель? Марксъ говорилъ, что діалектика Гегеля даетъ въ общихъ чертахъ вѣрное изображеніе процесса развитія дѣйствительности, но, благодаря своему идеалистическому характеру, переворачиваетъ его вверхъ ногами. Поэтому необходимо перевернуть это изображеніе, поставить его на ноги, т.-е. сдѣлать діалектику матеріалистической. Такова была мысль Маркса. Кто не соглашается съ ней, разумѣется имѣетъ полное право критиковать ее. Но нашъ авторъ предпочелъ ограничиться извращеніемъ этой мысли: онъ перевернулъ ее вверхъ ногами и написалъ, что марксизмъ опирался на перевернутаго вверхъ ногами Гегеля. Я уже сказалъ, — заканчиваетъ г. Плехановъ изысканной любезностью, — что неразуміе обнаруживаетъ подчасъ тоже порядочную хитрость»... (VII, 124). Вотъ вамъ примѣръ обвиненія пишущаго эти строки въ «извращеніи», въ «неразумной хитрости», въ «безпардонномъ враньѣ» и проч., и проч.; за марксистскую истину вступается г. Плехановъ и возстановляетъ извращенную мною мысль Маркса. Пре-

красно. А теперь позвольте мнѣ привести слѣдующія слова Энгельса: «діалектика понятій (въ марксизмѣ) сама становилась лишь сознательнымъ отраженіемъ діалектическаго движенія внѣшняго міра. Вмѣстѣ съ этимъ гегелевская діалектика была перевернута на голову, а лучше сказать на ноги, такъ какъ на головѣ стояла она прежде»... Какъ «лучше сказать»—въ этомъ мы разойдемся съ марксистами; но не ясно ли зато, что моя фраза о перевернутомъ вверхъ ногами Гегелѣ, фраза, которую г. Плехановъ считаетъ возмутительнымъ извращеніемъ, является почти текстуально словами Энгельса! Энгельсъ говоритъ: «гегелевская діалектика была перевернута на голову», я говорю о «перевернутомъ вверхъ ногами Гегелѣ», а г. Плехановъ возмущается, что я извращаю мысли марксистовъ! Какъ прикажете это назвать? Мое «безпардонное вранье» оказалось истиной; но чѣмъ же оказалась въ такомъ случаѣ марксистская «истина»?..

Я охотно извинилъ бы г. Плеханова тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ—какъ это ни невѣроятно—не знаетъ вышеприведенныхъ словъ Энгельса: вѣдь лучше незнаніе, чѣмъ завѣдомо ложное обвиненіе противника. Но къ величайшему своему сожалѣнію я лишенъ возможности сдѣлать такое хоть слегка извиняющее моего критика допущеніе, и вотъ по какой причинѣ: приведенныя выше слова Энгельса взяты мною изъ его брошюры L. Feuerbach und der Ausgang des klassischen Philosophie» въ переводѣ на русскій языкъ самого г. Плеханова... *).

XII.

Пора, однако, и распрощаться съ г. Плехановымъ. Отвѣтить подробно на его критику было необходимо, а

*) «Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ». Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. В. Плеханова. Изд. «Всеобщей библіотеки» Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1906 г., стр. 62.

столковаться мы съ нимъ все равно не столкуемся: слишкомъ различны наши исходныя точки. Но это не мѣшаетъ намъ, сторонникамъ «субъективизма», относиться объективно къ противнику и видѣть не только его слабыя, но и его сильныя стороны. Такой сильной стороной г. Плеханова всегда была область вопросовъ соціально-политическихъ; методологическій пріемъ марксизма и даже марксистскія шоры въ этой области являлись вполнѣ умѣстными. Зато слабая сторона г. Плеханова—эти же шоры, этотъ же пріемъ въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ областямъ, а также и та его «философія», которая приводитъ къ такимъ плачевнымъ результатамъ не одного нашего критика, но и весь марксизмъ. Объ этой «философіи» мы и скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ.

«Философія» ортодоксальнаго марксизма—это перевернутый вверхъ ногами Гегель, это «діалектическій матеріализмъ» Энгельса; вотъ «законъ и пророки» г. Плеханова, который, разъ увѣровавъ въ Энгельса, такъ и остался до сихъ поръ въ такой позиціи. И онъ твердо увѣренъ, что эта «философія» — послѣдняя, окончательная, вѣчная истина, «единственно правильная философія» (VII, 126); онъ не подозрѣваетъ, что философія и близко не проходила около марксистской истины... Нашъ марксистъ соглашается съ тѣмъ, что въ «философской... литературѣ къ матеріализму Энгельса-Маркса относятся теперь совершенно отрицательно», но онъ утѣшаетъ себя той мыслью, что вся современная немарксистская («идеалистическая») философія «во всемъ цивилизованномъ мірѣ представляетъ собой философію буржуазіи временъ упадка», а потому,— заявляетъ г. Плехановъ, — «я горжусь тѣмъ, что мои философскіе взгляды не нравятся декадентамъ философіи»... (VII, 126).

Вотъ вамъ примѣръ марксистскихъ шоръ, марксистской истины: философія есть надстройка на экономическомъ фундаментѣ; на почвѣ буржуазно-капиталистической можетъ выросли только «философія буржуазіи»... Какое

печальное непониманіе сущности вопроса! Поймите, наконецъ, что вѣсъ философскихъ истинъ вы измѣряете своимъ экономическимъ аршиномъ! Вѣдь это все равно какъ если бы мы сказали: система Коперника выросла на почвѣ феодализма временъ упадка, а потому мы гордимся тѣмъ, что отрицаемъ эту систему! Поймите же, наконецъ, что вопросъ объ истинности той или иной системы лежитъ совершенно въ иномъ измѣреніи, чѣмъ вопросъ объ ея происхожденіи! Вотъ еще наглядный примѣръ: мы знаемъ, что Михайловскій считалъ дарвинизмъ типично буржуазнымъ растеніемъ *), но развѣ это является аргументомъ въ пользу истинности или неистинности дарвинизма? Эти аргументы мы должны искать не въ области соціологіи, а въ области біологіи; пусть дарвинизмъ дѣтище буржуазіи, но развѣ это умаляетъ его научное значеніе? Неужели возможно, вмѣсто аргументовъ, ограничиваться безсильнымъ восклицаніемъ: «что добраго изъ Виѳлеема!»? Неужели же есть «буржуазная» и «пролетарская» истина въ наукѣ и философіи?

Все это труизмы, которые совѣстно повторять, до того все это элементарно, но вѣдь марксисты и до сихъ поръ не понимаютъ всей этой элементарщины. Они не понимаютъ, что одна страница «буржуазной философіи» не то что Канта (далеко до Канта!), а какого-нибудь профессора Александра Введенскаго — по своему философскому значенію перевѣшиваетъ всю «пролетарскую философію» Энгельса-Маркса вмѣстѣ взятую. Прочтите хотя бы крошечную послѣднюю брошюрку только-что названнаго профессора: «Новое и легкое доказательство философскаго критицизма» (Спб. 1909 г.)—и посмотрите, до чего безпомощно-дѣтскимъ покажется вамъ послѣ нея «пролетарско-философское» лепетанье хотя бы г. Плеханова... Послѣдній не можетъ даже понять, даже поставить тѣ вопросы, которые составляютъ центръ тяжести современной «буржуазной философіи». А вѣдь г. Плехановъ—самый крупный представитель русскаго ортодоксальнаго марксизма...

*) См. выше, стр. 18 — 20 и «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 157—162.

До какихъ глубинъ непониманія доходила и доходитъ эта «пролетарская философія», видно хотя бы изъ знаменитаго утвержденія Энгельса, что философскія положенія кантіантства «лучше всего разбиваются... самой практикой, т.-е. опытомъ и промышленностью. Мы можемъ доказать правильность нашего (матеріалистическаго) пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что мы сами его вызываемъ, порождаемъ его изъ его условій и заставляемъ его служить нашимъ цѣлямъ»... (Энгельсъ, op. cit., стр. 42—43). Это по заслугамъ высмѣянное критиками юмористическое «возраженіе» всецѣло принимаетъ и г. Плехановъ; онъ пытается оправдать злосчастную фразу Энгельса, объяснить ее. Онъ говоритъ: занимаясь промышленностью, я долженъ производить продукты, а производя ихъ, я заставляю кантовскую «вещь въ себѣ» дѣйствовать на мое «я» и такимъ образомъ познаю свойства непознаваемаго (ibid., стр. 118). Вотъ Кантъ и опровергнутъ! Центральный вопросъ критической философіи именно объ этомъ «дѣйствіи», т.-е. объ отношеніи субъекта къ объекту, рѣшенъ, какъ видите, въ четырехъ-пяти строкахъ... Нашъ марксистъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, что выставляемое имъ противъ кантіантства «возраженіе» (примѣненіе категоріи причинности къ вещи въ себѣ) имѣетъ цѣлую философскую литературу, въ которой—увы!—возраженія Энгельса и г. Плеханова даже и не упоминаются... Философія идетъ себѣ впередъ и возраженій г. Плеханова совсѣмъ не примѣчаетъ! *).

Вотъ почему такъ курьезно видѣть «гордость» г. Плеханова по тому поводу, что его «философскіе взгляды»

*) Мнѣ уже приходилось однажды упоминать о книгѣ И. Лапшина «Законы мышленія и формы познанія»; пусть хотя бы изъ нея г. Плехановъ почерпнетъ свѣдѣнія объ отношеніи категорій, формъ созерцанія и ощущеній къ «вещамъ въ себѣ».

«не нравятся» философамъ. Это курьезно потому, что на «философскіе взгляды» г. Плеханова и всего ортодоксальнаго марксизма никто изъ философовъ не обращаетъ ровно никакого вниманія! Г. Плехановъ дивитъ свой только муравейникъ; вся «марксистская философія» относится всецѣло къ области той семейной литературы, которая совершенно не интересна для всѣхъ прочихъ смертныхъ. А потому всѣ эти «воинствующіе матеріализмы» г. Плеханова («materialismus militans»—заглавіе его статей) бьютъ по пустому мѣсту: никто съ нимъ не сражается, никто его не замѣчаетъ. Гг. Плехановъ, Ленинъ, Богдановъ, Базаровъ, Луначарскій, П. Юшкевичъ и прочіе марксистскіе философы, «марксисты и махисты»—всѣ они варятся въ собственномъ соку, пишутъ другъ о другѣ, возражаютъ другъ другу, дополняютъ и исправляютъ другъ друга, признаютъ произведенія другъ друга «дѣлающими эпоху»,—и не выходятъ изъ рамокъ этой семейной философіи... Но часть даже и этихъ представителей одного муравейника поняла, наконецъ, всю безнадежную слабость позиціи «діалектическаго матеріализма», всю шаткость перевернутаго вверхъ ногами Гегеля; появились попытки «примирить» Маркса съ Авенаріусомъ, съ Махомъ. А г. Плехановъ остался сидѣть у разбитаго корыта «діалектическаго матеріализма», упорно не мѣняя своей позиціи даже и до сего дня... Помните великолѣпнаго прутковскаго барона фонъ-Гринвальдуса? Отвергла жестокая Амалія баронову руку—и сидитъ баронъ, принахмурясь, предъ замкомъ Амаліи:

Года за годами...
Бароны пируютъ,
Бароны воюютъ,—
Баронъ фонъ-Гринвальдусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ...

А Амалія попрежнему неблагосклонна... Такъ и съ г. Плехановымъ: философія попрежнему неблагосклонна къ нашему марксисту, попрежнему она даже близко не проходила около него, а онъ все сидитъ предъ недоступнымъ ему за̀мкомъ философіи и держится за свой діалектическій матеріализмъ. «Года за годами... Георгій Плехановъ, сей доблестный рыцарь, все въ той же позицьи на камнѣ сидитъ»... И давно уже слѣдовало бы г. Плеханову понять, что его «философскіе взгляды» уже отжили свой вѣкъ, что въ настоящее время они являются «философіей» только для дѣтей младшаго возраста, что они далеко оставлены позади даже многими былыми соратниками г. Плеханова. А если онъ пойметъ это, то онъ послѣдуетъ извѣстному совѣту, данному когда-то итальянкой Руссо: «lasciate la donna e studiate la matematica». Донна-философія не ко всякому бываетъ благосклонна, а насильно милъ не будешь; есть другая область—соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ ихъ практическомъ приложеніи къ жизни—гдѣ г. Плехановъ силенъ и представляетъ изъ себя крупную величину среди современныхъ ему общественныхъ дѣятелей. Пусть онъ туда и обратится; зачѣмъ пытаться работать въ совершенно несвойственной ему области философской мысли?

Впрочемъ, если занятіе своей семейно-марксистской философіей доставляетъ ему удовольствіе, то отчего же и не позаняться ею; надо только помнить, что такое мирное семейное удовольствіе не имѣетъ никакого общественнаго и философскаго значенія. «Діалектическій матеріализмъ» сыгралъ свою значительную роль въ исторіи русскаго сознанія девяностыхъ годовъ (см. объ этомъ въ «Исторіи русск. общ. мысли», т. II, стр. 450 и сл.); остановиться на этомъ «энгельсированномъ гегельянствѣ», не идти впередъ, замереть на точкѣ могутъ только послѣдніе могикане ортодоксальнаго марксизма, но русская общественная мысль пройдетъ мимо этой мертвой точки. Правда, г. Плехановъ заявляетъ, что онъ идетъ впередъ, что онъ не слѣпо повторяетъ и перефразируетъ энгельсированное гегельянство, а истолковываетъ Энгельса своимъ

умомъ, даетъ намъ, такъ сказать, уже «плеханизированное энгельсіанство»... Быть можетъ, явятся въ марксизмѣ и дальнѣйшіе эпигоны, которые будутъ продѣлывать съ г. Плехановымъ то самое, что онъ теперь продѣлываетъ надъ Энгельсомъ, но это еще болѣе ускоритъ выясненіе всей философской убогости «діалектическаго матеріализма». Энгельсируйте, плеханизируйте его, дѣлайте съ нимъ все, что вамъ угодно, но кромѣ «томпаковой посредственности» (говоря словами Герцена), вы все равно ничего не получите. Русская общественная мысль уже сдвинулась съ этой точки, и куда бы она ни пошла, но ужъ назадъ, конечно, не вернется.

Г. Плехановъ, разумѣется, думаетъ иначе; кто изъ насъ правъ—покажетъ будущее, а въ ожиданіи этого будущаго мы можемъ считать нашу задачу рѣшенной. Мы шагъ за шагомъ шли за «критикой» г. Плеханова, отвѣчали на его столь многочисленные вопросы, указывали на невѣроятныя ошибки его въ пониманіи основныхъ теченій русской общественной мысли, отмѣчали его свойство понимать многое «какъ-разъ наоборотъ» и т. п. Но если бы вся суть настоящаго отвѣта заключалась только въ характеристикѣ подобныхъ пріемовъ г. Плеханова или въ указаніи его ошибокъ, то мы совершенно отказались бы отъ удовольствія вести разговоръ съ г. Плехановымъ: это было бы слишкомъ мелочной задачей для большой статьи. Я полагаю, однако, что многое въ этомъ спорѣ представляетъ и общій интересъ для уясненія различныхъ эпизодовъ исторіи русской общественной мысли, для пониманія воззрѣній Герцена, Чернышевскаго, Михайловскаго; въ этомъ главная задача настоящихъ строкъ. Возражая г. Плеханову, я говорю не съ нимъ, а съ тѣми читателями, которые еще не застыли безъ движенія на разъ принятой догмѣ, которые не останавливаются на отжившей свое время истинѣ, которые вѣрятъ въ вѣчное творчество человѣческаго духа и не соединяютъ соціальную революціонность съ духовной консервативностью. Для

нихъ я пишу; г. Плехановъ далъ только поводъ. И, прощаясь съ г. Плехановымъ, я могу только напомнить ему, что раньше или позже духовная и идейная консервативность неизбѣжно обращается въ духовную реакціонность—и къ этому концу давно идетъ, если уже не пришелъ, ортодоксальный марксизмъ. Спорить объ этомъ незачѣмъ, это, повторяю, покажетъ будущее; а пока—мы съ г. Плехановымъ можемъ прекратить безплодный споръ и разойтись въ разныя стороны. Пусть нашъ марксистъ все ближе и ближе подходитъ къ идейной и духовной реакціонности, но мы за нимъ не послѣдуемъ:

Ступай себѣ направо,
А я пойду налѣво...

XIII.

Когда я впервые прочелъ извѣстную теперь читателямъ статью г. Плеханова, я былъ очень удивленъ однимъ бросающимся въ глаза обстоятельствомъ. Дѣло вотъ въ чемъ: критикъ твердитъ на тысячи ладовъ, что книга моя—невѣжественное, безграмотное, лубочное произведеніе; читатели достаточно часто слышали это. Но въ такомъ случаѣ меня удивляетъ только одно обстоятельство: зачѣмъ Мальбругъ въ походъ поѣхалъ? Вѣдь какъ-никакъ, а г. Плехановъ считается генераломъ-отъ-марксизма; и если книга моя дѣйствительно такъ слаба, какъ объ этомъ настойчиво твердитъ г. Плехановъ, то онъ долженъ былъ бы, вмѣсто того, чтобы ѣхать на нее походомъ, сказать своимъ товарищамъ по брани:

Туда умнаго не надо—
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Но нѣтъ: г. Плехановъ распалился гнѣвомъ, вооружился, поѣхалъ въ походъ и посвятилъ мелочному разбору ни-

чтожной книги громадную статью чуть не въ сотню страницъ... Что сей сонъ значитъ?

Этого я не могъ понять, пока на мою книгу не поѣхалъ новымъ походомъ одинъ изъ марксистскихъ Реадовъ—г. Луначарскій. Что́ у г. Плеханова на умѣ, то у г. Луначарскаго на языкѣ: только съ этой точки зрѣнія и представляетъ извѣстный интересъ еще болѣе громоздкая статья этого марксистскаго Реада. Прочитавъ ее, я знаю теперь причины, побудившія гг. марксистовъ поѣхать въ столь продолжительный походъ... Но объ этихъ причинахъ — потомъ; теперь нѣсколько словъ вообще о статьѣ г. Луначарскаго.

Если и г. Плехановъ — эта тяжелая артиллерія марксистовъ-меньшевиковъ—не заставилъ меня отказаться ни отъ одного положенія моей книги, то еще менѣе это могло удаться поверхностному г. Луначарскому, этому гарцующему кавалеристу «большевиковъ». Поэтому я позволю себѣ уклониться отъ сомнительнаго удовольствія разбирать шагъ за шагомъ «критику» этого марксиста—довольно съ насъ и г. Плеханова! Ограничусь лишь двумя-тремя примѣрами критическихъ пріемовъ г. Луначарскаго; это намъ покажетъ, стоитъ ли разговаривать съ этимъ марксистскимъ критикомъ.

Пріемъ полемики г. Луначарскаго отличается своеобразною развязностью. Тамъ онъ ошибочно перепишетъ цитату, тамъ пропуститъ главную мысль, тутъ вставитъ въ кавычки фразу, совершенно не обрѣтающуюся въ контекстѣ, здѣсь извратитъ ясный смыслъ до неузнаваемости и внесетъ отъ себя такіе «комментаріи», что остается только руками развести...

Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ. Характеризуя восьмидесятые годы XIX вѣка какъ «эпоху общественнаго мѣщанства», я указываю («Ист. русск. общ. мысли», т. II, гл. V), что идеологія «культурнаго общества» той эпохи стояла на трехъ китахъ—самосовершенствованіи, постепеновствѣ и теоріи малыхъ дѣлъ. Сами

по себѣ эти факторы являются неизбѣжными и величайшими двигателями человѣческой дѣятельности, если мы подчиняемъ ихъ болѣе общему началу нашего міровоззрѣнія, нашей общей конечной (хотя и субъективной) цѣли. Если же мы возведемъ ихъ въ принципъ независимо отъ этой конечной цѣли, если мы провозгласимъ, напримѣръ, что самосовершенствованіе есть самоцѣль, то раньше или позже мы впадемъ въ безпросвѣтное мѣщанство. Этой участи, какъ извѣстно, едва не подверглись «кающіеся дворяне» шестидесятыхъ годовъ; Михайловскій отмѣчаетъ, что кающихся дворянъ отъ такой участи спасъ разночинецъ. Восьмидесятниковъ же отъ этой участи никто не спасъ: они возвели въ принципъ самосовершенствованіе, постепеновство, теорію малыхъ дѣлъ, ибо не имѣли болѣе общаго начала міровоззрѣнія, той основной движущей идеи, которая даетъ возможность человѣку отвѣчать на вопросъ—что̀ есть твой Богъ? Для чего ты живешь?

Такова основная мысль главы о восьмидесятыхъ годахъ. Иллюстрируя эту мысль, я привожу прелестную сказочку Салтыкова—о двухъ бобылкахъ, Умѣренности и Аккуратности, проживающихъ на задворкахъ Добродѣтелей и потихоньку водящихъ знакомство съ Пороками, которымъ онѣ разводятъ вѣчную канитель: «помаленьку-то покойнѣе, а потихоньку—вѣрнѣе»... Если возвести эту Умѣренность и Аккуратность въ принципъ («понятія эти мы прилагаемъ, конечно, къ области идеологій»—тамъ же замѣчаю я), то мы придемъ къ картофельной нравственности и къ морали рабовъ; но это не значитъ, что если мы возведемъ въ принципъ Неумѣренность и Неаккуратность, то мы избавимся отъ мѣщанства: оба эти пути приводятъ въ мѣщанское болото. Нельзя въ основу міровоззрѣнія класть самосовершенствованіе или постепеновство, умѣренность или аккуратность: «лишь только мы возведемъ (ихъ) въ принципъ, какъ тѣмъ самымъ немедленно впадемъ въ мѣщанство» (т. II, стр. 324—325).

«Какая пошлость!—восклицаетъ въ отвѣтъ на это г. Луначарскій—надо быть, видите ли, умѣреннымъ въ аккуратности, неумѣренная аккуратность это уже крайность! Надо быть также аккуратно-умѣреннымъ, неаккуратная умѣренность это уже черезчуръ серединность! Да, перещеголялъ г. Ивановъ-Разумникъ западныхъ мѣщанъ съ ихъ juste milieu. Нѣтъ, говоритъ, золотая середина это уже крайность, а надо держать какъ-то этакъ: на золотую середину между золотой серединой и крайностью!» (стр. 228).

Не буду касаться того, что всю предыдущую цитату изъ моей книги г. Луначарскій переписалъ съ различными произвольными вставками и пропусками; это еще мелочь. Но неужели же у меня еще есть хоть немного столь же «проницательныхъ» читателей, какъ г. Луначарскій? Неужели же еще кто-нибудь, кромѣ этого марксистскаго Реада, не понялъ, что «умѣренность и аккуратность» въ данномъ случаѣ есть только конкретное выраженіе любого практическаго правила поведенія, неправильно кладущагося во главу угла міровоззрѣнія? Вѣдь это же подчеркнуто въ текстѣ, вѣдь тамъ указано, что понятія эти мы прилагаемъ, конечно, къ области идеологій! Объ этомъ г. критикъ почему-то умолчалъ... И смыслъ всей цитаты не въ томъ, что надо быть «умѣренно-аккуратнымъ» или «аккуратно-умѣреннымъ» (какое поистинѣ пошлое пониманіе! Вотъ ужъ дѣйствительно: избавь насъ, Боже, отъ такихъ читателей!), а въ томъ, что не надо быть по принципу ни «умѣреннымъ», ни «неумѣреннымъ», что не надо возводить на степень общей идеи міровоззрѣнія подчиненныя ему правила поведенія—напримѣръ, хотя бы принципъ самосовершенствованія. Неужели это не ясно, и неужели хоть кто-нибудь изъ читателей могъ понять меня столь пошло, какъ этого хочетъ г. Луначарскій?

Пропустивъ страницъ тридцать столь же вѣской «критики», остановимся еще на любопытномъ образчикѣ другого полемическаго пріема. На страницѣ 19 перваго тома «Исторіи русск. общ. мысли» читатели найдутъ ту мысль, что авторъ счелъ возможнымъ «избѣжать загроможденія центральнаго понятія личности вспомогательными философско-метафизическими построеніями», и что въ дальнѣйшемъ авторъ будетъ понимать личность исключительно эмпирически. «Авторъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія позитивизма, — говорится далѣе, — будучи сторонникомъ имманентной школы. Однако въ предлагаемой работѣ идетъ рѣчь исключительно объ эмпирической личности, ибо метафизическая сторона этого вопроса вышла на большую дорогу исторіи русской интеллигенціи только въ началѣ XX вѣка, почему мы и считали себя въ правѣ миновать эту проблему, изучая исторію интеллигенціи XIX столѣтія»... Съ подчеркнутою мною теперь фразой можно не соглашаться, можно доказывать необходимость философско-метафизическаго опредѣленія «личности» для цѣлей «Исторіи русск. общ. мысли»; такъ и поступали другіе критики (напр., г. Волжскій въ статьѣ «Новая книга о русской интеллигенціи», «Русская Мысль», 1907 г., № 6). Можно спорить о правильности соображеній автора, но нельзя одного—нельзя говорить о томъ, какъ авторъ рѣшаетъ проблему, разъ онъ категорически заявляетъ, что не рѣшаетъ, а минуетъ ее. Но естественно, что г. Луначарскій и поступаетъ именно такъ, какъ не слѣдуетъ поступать. Онъ пишетъ: «невозможно не отмѣтить одного курьеза: говоря такъ много о личности, о ея правахъ, свойствахъ, о ея цѣнности и т. п., г. Ивановъ-Разумникъ лишь въ одномъ примѣчаніи пытается опредѣлить, что же такое эта личность? И насколько ясное получается у него опредѣленіе, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель»... (стр. 255). Затѣмъ г. критикъ переписываетъ, съ добрымъ десяткомъ ошибокъ, слѣдующую цитату все съ той же 19-ой страницы, являющуюся непосредственнымъ продолженіемъ подчеркнутой выше фразы: «вкратцѣ точка зрѣнія автора такова:

имманентная философія неизбѣжно приводитъ къ солипсизму и даже болѣе того—къ признанію, что «я» есть только рядъ безсвязныхъ элементовъ сознанія. Признаніе этого ряда элементовъ сознанія за цѣльную «личность» есть уже вполнѣ метафизическое построеніе; на метафизической почвѣ дѣлается и дальнѣйшій шагъ—преодолѣніе солипсизма, утвержденіе цѣльности и дѣйствительности «личностей» вообще, и далѣе—признаніе «эмпирической личности». Все это тѣ метафизическіе лѣса, которые необходимы при построеніи міровоззрѣнія, но которые нужно снять, чтобы увидѣть построенное зданіе» (т. I, стр. 19). «Что за жалкая участь! — восклицаетъ въ отвѣтъ на это г. критикъ:—быть яростнымъ индивидуалистомъ и растерянно бормотать что-то невразумительное, когда отъ васъ потребуютъ опредѣлить основное понятіе вашего міросозерцанія!» (стр. 255).

Вотъ вамъ образчикъ пріемовъ этого марксистскаго критика. Авторъ заявляетъ, что намѣренно минуетъ опредѣленіе личности, обходитъ его по такимъ-то причинамъ, а марксистскій критикъ заявляетъ: вотъ какъ авторъ «пытается опредѣлить» личность! А вѣдь кажется ясно, что въ приведенной выше цитатѣ я вовсе не «пытаюсь опредѣлить» личность, а только вкратцѣ и схематически намѣчаю ту точку зрѣнія, съ которой надо подходить къ такому опредѣленію, намѣчаю рядъ этаповъ мысли на пути къ опредѣленію «личности» имманентной философіей. Отъ ряда безсвязныхъ элементовъ сознанія (о чемъ см. у Джемса) до признанія «я», до трансцендентальнаго единства апперцепціи (говоря словами Канта), и далѣе—отъ этого признанія до преодолѣнія солипсизма имманентной философіей (о чемъ см. у Шуппе и Шубертъ-Зольдерна)—вотъ путь, который кажется г. критику «невразумительнымъ». Пусть это для него невразумительно, но гдѣ же здѣсь «попытка опредѣленія личности»—недоумѣваю; вполнѣ вхожу въ положеніе того читателя, къ которому апеллируетъ г. Луначарскій, говоря: «насколько

ясное получается у г. Иванова-Разумника опредѣленіе (личности), объ этомъ пусть судитъ самъ читатель»... Читатель, можетъ быть, и радъ бы «судить», но, увы!—судить нечего, ибо никакого corpus delicti не имѣется, никакого «опредѣленія» нѣтъ... А что касается того обстоятельства, что приведенныя выше мысли кажутся г. критику неясными и невразумительными, то, быть можетъ, онѣ стали бы ему яснѣе, если бы онъ хоть немного ознакомился съ главными работами на эту тему Джемса, Шуппе, Шубертъ-Зольдерна, не говоря уже о Кантѣ. Впрочемъ, по словамъ г. Луначарскаго, Кантъ—это просто «кенигсбергскій китаецъ,... безсмертный Далай-Лама мѣщанства» (290). Относясь съ такой «дѣтской рѣзвостью» къ титану философіи, неужели же г. Луначарскій будетъ обращать вниманіе на какого-нибудь Шуппе? Его воля, конечно: пусть не обращаетъ вниманія, но пусть и не жалуется тогда на «невразумительность», которая происходитъ только отъ его собственнаго незнанія и отъ его дѣтской рѣзвости по отношенію къ философіи. Правда, я выразился хотя и вполнѣ опредѣленно, но недостаточно элементарно; если когда-нибудь мнѣ вздумается выпустить въ свѣтъ упрощенное и облегченное изданіе «Исторіи русской общественной мысли», то я непремѣнно буду имѣть въ виду уровень пониманія гг. Луначарскихъ.

Еще одно замѣчаніе—и мы отпустимъ г. Луначарскаго на всѣ четыре стороны. Мнѣ уже случилось упомянуть, что г. Луначарскій именуетъ меня «эпигономъ народничества»; обиднаго въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего, такъ какъ всѣ мы въ буквальномъ смыслѣ—«эпигоны», т.-е. «послѣ-рожденные», это еще Михайловскій сказалъ. Но есть и другого рода эпигоны—эпигоны не въ смыслѣ «послѣ-рожденія», а въ смыслѣ «вырожденія»; эпигонами въ этомъ смыслѣ являются тѣ, которые боятся сдѣлать хоть одинъ шагъ за черту, проведенную «раньше-рожденными», тѣ, которые боятся новыхъ путей и продолжаютъ упираться лбомъ въ ту стѣну, черезъ которую уже пере-

шагнула общественная и философская мысль ихъ времени. Эти эпигоны-вырожденцы доводятъ до идейнаго тупика творчество своихъ духовныхъ предковъ, отказываясь отъ творчества своей мысли; эти эпигоны-вырожденцы—типичные консерваторы, духовные реакціонеры, вѣчные догматики, сторонники принципа magister dixit, слѣпые ученики великихъ учителей. Такіе люди бываютъ во всѣхъ партіяхъ, во всѣхъ общественныхъ группахъ, во всѣхъ соціальныхъ и философскихъ школахъ,—конечно, не только въ марксизмѣ, но и въ народничествѣ, не только въ области соціальной мысли, но и въ философіи, и въ религіи, и въ наукѣ, и въ искусствѣ—всюду. Они типичные «дикари высшей культуры», говоря словами Лаврова, типичные мѣщане, лишенные дара творчества и способные лишь держаться за разъ навсегда установленную догму. Это о нихъ я высказываю цитируемое г. Луначарскимъ положеніе: «несомнѣнно, что среди многихъ интеллигентовъ, твердо и безповоротно увѣровавшихъ въ ту или иную догму и приходящихъ въ ужасъ отъ малѣйшаго вѣянія критики—не мало самыхъ настоящихъ мѣщанъ; но они и не входятъ въ группу интеллигенціи, для которой творчество есть альфа и омега бытія» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. XXIX). Г. Луначарскій комментируетъ: «читай: марксистовъ, соціалъ-демократію я не защищаю; но пощадите эсеровъ, ради такихъ праведниковъ, какъ н.-с., анархистовъ—ради такихъ, съ позволенія сказать, представителей, какъ анархо-мистики!» (стр. 232).

Нѣтъ, читатель, не читайте того, что у меня не написано, ибо и на этотъ разъ г. комментаторъ попадаетъ, съ позволенія сказать, пальцемъ въ небо. Рѣчь идетъ не о марксистахъ, не о народникахъ, не о соціалъ-демократахъ, не о соціалистахъ-революціонерахъ; насъ интересуютъ не мистики, позитивисты, идеалисты, матеріалисты, не тѣ или иныя соціальныя и идейныя группы; нѣтъ, мы говоримъ о всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ, о тѣхъ входящихъ въ ихъ составъ людяхъ, которые отказались отъ творчества, уцѣпились за догму, привели къ вырожденію исповѣдуемые ими взгляды. Эти эпигоны-вырожденцы толкутся на одномъ мѣстѣ въ хвостѣ общественной мысли, думая, что идутъ впередъ во главѣ ея. Такіе эпигоны марксизма—слѣпые сторонники былой «ортодоксіи»; такіе эпигоны народничества—упорные послѣдователи Михайловскаго, блюдущіе каждую іоту его ученія. Всякое ученіе, всякое міровоззрѣніе имѣетъ такихъ эпигоновъ. И я думаю, что эпигонство въ этомъ смыслѣ—не мой удѣлъ; ошибаюсь ли я или не ошибаюсь, но въ этомъ меня не могутъ убѣдить или разубѣдить голословныя завѣренія марксистскихъ критиковъ.

Этимъ небольшимъ отступленіемъ pro domo sua я позволю себѣ закончить навсегда всякіе разговоры съ г. Луначарскимъ. Подробно отвѣтивъ на тяжеловѣсную критику г. Плеханова, я считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ легковѣсныя нападенія г. Луначарскаго. Если мы остановились на статьѣ этого марксиста, то только оттого, что нашли въ ней разъясненіе любопытнаго вопроса: зачѣмъ марксистскіе Мальбруги поѣхали въ столь дружный походъ на столь ничтожную, по ихъ мнѣнію, книгу? Согласитесь, вѣдь странно же: книга ничтожная, слабая, а на нее наваливаются двѣ громадныя статьи, свыше двухсотъ страницъ, цѣлая книга! Въ чемъ же причина этого марксистскаго похода?

Г. Плехановъ на это не отвѣчаетъ, а г. Луначарскій, по простотѣ душевной или въ азартѣ полемики, объясняетъ намъ простыя причины такой странной непослѣдовательности...

XIV.

Дѣло, оказывается, вотъ въ чемъ. Гг. марксистовъ очень безпокоитъ возможность «концентраціи интеллигенціи» въ настоящее время: а пишущаго эти строки они

считаютъ «идеологомъ интеллигенціи», «поднимающимъ обще-интеллигентское знамя, враждебное пролетаріату»... Эта ужасная мысль становится навязчивой идеей г. Луначарскаго. То онъ пишетъ: «если бы интеллигенція могла серьезно сплотиться и стать силой въ Россіи въ нашу эпоху—г. Ивановъ-Разумникъ былъ бы личностью до нѣкоторой степени исторической, хотя, конечно, избраніе въ вожди г. Иванова-Разумника отнюдь не говорило бы въ нашихъ глазахъ въ пользу интеллигенціи» (стр. 225). То ему рисуется слѣдующая идиллическая, но и опасная картина: «г. Ивановъ-Разумникъ—разумный интеллигентъ, здравосмысленный; тихонько говоритъ онъ свое: клу-клу-клу, какъ умная и добрая насѣдка, и собираетъ цыплятъ подъ крыло» (стр. 226). Какъ тутъ не перепугаться! И нашъ встревоженный марксистъ убѣждаетъ русскую интеллигенцію, что если ужъ она такъ-таки не хочетъ идти въ единоспасающій марксизмъ, то пусть лучше погрузится она въ «метафизическій и старчески-сладострастный пессимизмъ» Ѳ. Сологуба или пусть лучше возьметъ своимъ credo «безнадежный пессимизмъ Л. Андреева»—лишь бы только не пошла она по пути имманентнаго субъективизма: «все это было бы красивѣе и почетнѣе, чѣмъ взять себѣ въ руководители такого разсудительнаго ментора, какъ г. Ивановъ-Разумникъ, этотъ настоящій нѣкто въ сѣромъ нашей литературы. Впрочемъ—утѣшаетъ себя и успокаиваетъ читателей г. Луначарскій—врядъ-ли это случится» (стр. 277). Вотъ какъ заботится этотъ марксистъ о той самой интеллигенціи, на голову которой онъ съ такой комичной безпощадностью обрушиваетъ свои громы не изъ тучи, и которую онъ считаетъ безнадежно проникнутой духомъ мѣщанства... Если такъ, то казалось бы— что́ онъ Гекубѣ, что́ ему Гекуба? А онъ вотъ какъ себя безпокоитъ: предостерегаетъ, утѣшаетъ, совѣты даетъ, вооружается, въ походъ ѣдетъ...

Напрасно гг. марксисты такъ себя безпокоятъ; но напрасно также они себя и утѣшаютъ. Быть «вождемъ», «насѣдкой», «менторомъ» или чѣмъ-либо подобнымъ—пишущій эти строки никогда не собирался и не собирается; но это не мѣшаетъ ему думать, что субъективизму въ той или иной его формѣ предстоитъ еще широкая дорога, что геніальныя концепціи Герцена и взгляды его преемниковъ еще не одинъ разъ привлекутъ къ себѣ русскую интеллигенцію *). Конечно, это не будетъ значить, что интеллигенція «взяла себѣ въ руководители г. Иванова-Разумника», а будетъ значить только то, что тѣ чувства и мысли, однимъ изъ выразителей которыхъ является пишущій эти строки, вновь пробили себѣ дорогу среди трансцендентныхъ—и позитивныхъ и мистическихъ—теченій русской общественной мысли. Вопросъ о личности выразителя отходитъ при этомъ на второй планъ: «пусть я бездаренъ, да тема-то моя талантливая!» — остроумно замѣтилъ по тождественному поводу одинъ современный очень талантливый публицистъ.

Оттого-то и наши Мальбруги въ походъ поѣхали. Пусть авторъ бездаренъ, пусть книга ничтожна, но тема—«талантливая», этого они не могутъ скрыть ни отъ себя, ни отъ читателей. Тема это—человѣческая личность, къ которой марксизмъ всегда былъ совершенно равнодушенъ, и отъ которой всегда исходило народничество; въ этомъ—центръ нашей антроподицеи, та вѣчная истина, противъ которой безсильны всѣ марксистскія «истины» въ кавычкахъ.

Въ марксизмѣ, кромѣ его методологіи, имѣетъ извѣстное значеніе то чувство общественности, которое столь враждебно ультра-индивидуализму подпольнаго человѣка; но и въ народничествѣ эта «общественность» была однимъ изъ краеугольныхъ камней, и притомъ была соединена съ высокимъ культомъ человѣческой личности. «Личность никогда не должна быть принесена въ жертву,—писалъ Михайловскій въ своихъ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ»

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ «О смыслѣ жизни».

(1877 г.)—она свята и неприкосновенна»; и тотъ же Михайловскій былъ однимъ изъ величайшихъ противниковъ ультра-индивидуализма, однимъ изъ величайшихъ борцовъ за общественность. Герценъ задолго до Михайловскаго обосновалъ «русскій соціализмъ» на этомъ двойномъ фундаментѣ—и никакія марксистскія истины не разрушатъ его. Но и обратно: никакіе доводы и доказательства не пошатнутъ марксистскаго презрѣнія къ человѣческой личности, ибо здѣсь безсильна логика, здѣсь рѣшающій голосъ имѣетъ различіе психологическихъ типовъ. Примиреніе, соглашеніе—повторю еще разъ свои слова—здѣсь невозможно; можно и должно только выяснить основу непримиримаго разногласія и затѣмъ прекратить споръ, который далѣе становится безплоднымъ. Для Бѣлинскаго «человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества», для марксизма она—quantité nulle: о чемъ же тутъ спорить? Тутъ только и можно повторить: иди себѣ направо, а я пойду налѣво...

Но зато можно и должно возставать противъ тѣхъ марксистскихъ «истинъ», которыя претендуютъ на абсолютное значеніе и которыя оказываютъ такое печальное вліяніе на развитіе общественной мысли, сдавливая ее въ тискахъ узкаго догматизма, принижая и обѣдняя ее, суживая ея горизонтъ. Психологическіе типы людей останутся различными, но эти «истины» уже и теперь удовлетворяютъ только нетребовательныхъ людей И такъ какъ сами марксисты утверждаютъ, что ихъ «діалектическая философія разлагаетъ всѣ представленія объ окончательной, безусловной истинѣ», что философія эта «на всемъ и во всемъ видитъ печать неизбѣжнаго паденія и ничто не можетъ устоять передъ нею, кромѣ непрерывнаго процесса возникновенія и уничтоженія» (такъ говоритъ Энгельсъ въ переводѣ г. Плеханова, op. cit., стр. 33),— то мы только позволяемъ себѣ приложить эти слова къ самому ортодоксальному марксизму, къ его «истинамъ». Мы думаемъ, что пришло время разложенія, неизбѣжнаго

паденія и уничтоженія этихъ марксистскихъ истинъ, какъ ни распространены онѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ европейской и русской интеллигенціи.

Послѣднее, впрочемъ, вполнѣ естественно; объ этомъ остроумно говорилъ еще ибсеновскій докторъ Штокманъ. «Всякая нормальная (не абсолютная) истина—говорилъ онъ—живетъ обыкновенно... лѣтъ двадцать, не болѣе того; и въ такомъ почтенномъ возрастѣ эти истины чаще всего страшно худосочны и тощи. Но какъ-разъ въ это время ими и начинаетъ интересоваться большинство, навязывающее ихъ обществу въ качествѣ здоровой пищи; а питательнаго-то матеріала въ этихъ истинахъ уже почти совсѣмъ не осталось... Всѣ такія истины, любезныя сердцу большинства, похожи на прошлогоднюю селедку или на высохшую пересоленную ветчину. Вотъ эти-то истины и даютъ начало той нравственной цынгѣ, которая заражаетъ собою все общество»... Эту нравственную цынгу мы называемъ этическимъ мѣщанствомъ; и этой болѣзнью все серьезнѣе и сильнѣе болѣетъ ортодоксальный марксизмъ, когда-то бодрый и живой, а нынѣ — высохшій, догматичный, отмирающій, нетерпимый, по инерціи выговаривающій мертвымъ языкомъ мертвыя слова.

Конечно, марксисты съ этимъ не согласятся; для нихъ вся истина заключена въ міркѣ марксизма, а марксизмъ съ давнихъ поръ считаетъ этотъ свой мірокъ—цѣлой вселенной. Старая исторія! Но не худо бы вспомнить, что еще Мефистофель ядовито высмѣивалъ то людское самообольщеніе, которое

. . . . die kleine Narrenwelt
Gewöhnlich für ein Ganzes hält.

Марксисты злоупотребляютъ такимъ самообольщеніемъ, считая себя обладателями абсолютной истины и полагая, что смерть ортодоксальнаго марксизма была бы равносильна гибели Истины вообще... Мы, «субъективисты», въ этомъ случаѣ послѣдовательнѣе примѣняемъ къ развитію

идеологiй «дiалектическую философiю», столь любезную сердцу марксистовъ: было и прошло старое народничество, былъ и прошелъ ортодоксальный марксизмъ—остались однѣ развалины. Но снова и снова будетъ человѣчество строить на развалинахъ старыхъ теорiй и вѣрованiй новыя ученiя и системы, снова и снова цѣнные элементы стараго будутъ входить въ новыя воздвигаемыя зданiя; разрушенiе и гибель стараго должны придавать человѣку новыя силы для новой постройки, для новаго стремленiя впередъ. Чудесно сказалъ Гете,—и эти его слова вѣчно звучатъ въ исторiи всего человѣчества:

Mächtiger
Der Erdensöhne,
Prächtiger
Baue sie wieder,
In deinem Busen baue sie auf!
Neuen Lebenslauf
Beginne,
Mit hellem Sinne,—
Und neue Lieder
Tönen darauf!

Еще о смыслѣ жизни.

I.

Вѣчное разрушенiе стараго, вѣчное созиданiе новаго изъ разрушенныхъ обломковъ—имѣетъ ли этотъ безконечный процессъ какую-нибудь конечную объективную цѣль?

Три главныхъ отвѣта даются на этотъ вопросъ вотъ уже сотни и тысячи лѣтъ. Всего три отвѣта, всего три пути—не значитъ ли это, что всѣмъ намъ суждено только дословно повторять сказанное тысячи лѣтъ тому назадъ? Конечно, нѣтъ: семь тоновъ гаммы, три основныхъ спектральныхъ цвѣта—даютъ намъ безконечныя средства для новаго проявленiя художественнаго творчества. Такъ и три отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни человѣка и человѣчества даютъ намъ только формы, въ которыя будетъ вкладываться вѣчно новое содержанiе творчества философскаго и религiознаго.

Богъ, Человѣчество, Человѣкъ — вотъ эти три отвѣта, три пути. Цѣль историческаго процесса есть Богъ, говорятъ мистики-объективисты; исторiя имѣетъ великiй трансцендентный смыслъ, великое божественное значенiе; Богъ незримо ведетъ человѣчество къ совершенiю Своего

предначальнаго и божественнаго замысла, постепенное осуществленіе котораго и является смысломъ исторіи. Цѣлью историческаго процесса является Человѣчество,—говорятъ позитивисты - объективисты,—земное устроеніе его; исторія имѣетъ трансцендентный смыслъ лишь по отношенію къ человѣку, но имманентный—по отношенію къ Человѣчеству, которое идетъ къ ясной объективной конечной цѣли, къ блаженной жизни въ будущемъ золотомъ вѣкѣ. Цѣль историческаго процесса лежитъ въ Человѣкѣ,—говорятъ «имманентные субъективисты» (которые могутъ быть и мистиками и позитивистами, но не могутъ только мириться съ объективно-трансцендентной цѣлью, лежащею внѣ человѣка); исторія не имѣетъ никакого объективнаго смысла, но мы сами вкладываемъ въ нее великій субъективный смыслъ, имманентный по отношенію ко всякому человѣку, который и является самоцѣлью.

Развитію послѣдняго ряда мыслей посвящена наша книга «О смыслѣ жизни»; настоящая статья является ея дополненіемъ и продолженіемъ. Кое-что автору хотѣлось вновь доказать, кое-что досказать, другое дополнить, иное подчеркнуть. Но, конечно, тема эта настолько обширна, что въ цѣлыхъ книгахъ можно затронуть только уголокъ ея.

II.

Объективнаго смысла, объективной цѣли жизни человѣка и человѣчества нѣтъ; этотъ смыслъ вкладываемъ въ жизнь мы сами. Шопенгауеръ замѣчаетъ, что цѣлесообразность и осмысленность, которыя мы склонны видѣть въ событіяхъ нашей жизни, похожи на тѣ человѣческія фигуры и группы, которыя мы видимъ, смотря на облака или на запачканную сыростью стѣну. Мы сами вносимъ осмысленную связь въ пятна и формы, созданныя случайностью, а затѣмъ удивляемся премудрости

Бога, предустановленной гармоніи и міровому порядку, не подозрѣвая, что эта гармонія и этотъ порядокъ лежатъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ. Кантовская теорія субъективизма естественной цѣлесообразности никѣмъ не была до сихъ поръ не то что опровергнута, но даже и поколеблена.

Джемсъ (въ своей книгѣ «Разнообразіе религіознаго опыта») замѣчаетъ, что если я брошу на столъ тысячу зеренъ, то буду въ состояніи построить изъ нихъ любую геометрическую фигуру: стоитъ только убрать нѣкоторыя зерна, не трогая остальныхъ. Эту работу можно продѣлать и мысленно: глазъ человѣка послушенъ его воображенію. Этотъ столъ—внѣшній міръ, эти зерна на немъ—факты нашей жизни, которые мы только и умѣемъ комбинировать въ правильныя фигуры, руководствуясь регулятивнымъ принципомъ цѣлесообразности. То, что лежитъ внѣ этихъ линій—находится внѣ поля нашего вниманія и пониманія.

И любопытно вотъ что̀: въ самой явной безсмыслицѣ мы тщимся найти смыслъ. На что ужъ, кажется, явно случайны названія буквъ алфавита; но и въ сочетаніи ихъ люди пытались найти осмысленность. Пушкинъ обезсмертилъ имя одного грамотея начала XIX-го вѣка, автора «Разсужденія о древней русской словесности», Н. Ѳ. Грамматина, который «вздумалъ составить апоѳегмы» изъ буквъ славянской азбуки: азъ, буки, вѣди, глаголь, добро и т. д. Смыслъ этого случайнаго набора словъ, по мнѣнію Грамматина, слѣдующій: азъ Бугъ вѣдю (т.-е. я Бога вѣдаю); глаголъ добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслитъ; нашъ онъ покой рцу; слово твержу... «и прочая» («вѣроятно въ прочемъ не могъ онъ уже найти никакого смысла»—замѣчаетъ въ скобкахъ Пушкинъ). Тутъ же Пушкинъ приводитъ и шуточную трагедію, составленную изъ буквъ французской азбуки; но шутка шуткой, а фактъ остается фактомъ: человѣкъ склоненъ даже явно случайное сочетаніе признавать объективно

осмысленнымъ. Событія человѣческой жизни, всѣ эти faits divers, изъ безчисленнаго сочетанія которыхъ слагается вся наша жизнь—чѣмъ они связнѣе разрозненныхъ буквъ азбуки? Но мы выдѣляемъ изъ этой необозримой массы разныхъ фактовъ немногіе опорные пункты, черезъ которые перебрасывается мостъ регулятивнаго принципа цѣлесообразности. Этотъ мостъ позволяетъ намъ субъективно осмыслить нашу жизнь; объективные же телеологи «не сдѣлаютъ по немъ пяти шаговъ—какъ тотчасъ въ воду»...

Для сторонниковъ осмысленности во что бы то ни стало, намъ хотѣлось бы привести небольшое стихотвореніе въ прозѣ одного современнаго автора. Правда, смыслъ его не особенно ясенъ, но ужъ, разумѣется, яснѣе трансцендентнаго смысла всемірной исторіи и тому подобныхъ построеній. Вотъ это стихотвореніе въ прозѣ:

Предразсвѣтный сумракъ долгъ, — побѣждайте радость!
Въ полѣ не видно ни зги. Отвори свою дверь: я лицо укрылъ бы въ маскѣ...
Для чего въ пустынѣ дикой, въ одеждѣ пыльной пилигрима, вижу зыбку надъ могилой?
Мнѣ страшный сонъ приснился: просыпаюсь рано, порою туманной, на сѣрой кучѣ сора...
Былыя надежды почили въ безмолвной могилѣ... Другъ мой тихій, другъ мой дальній: живи и вѣрь обманамъ! Уставъ брести житейскою пустыней, не надѣйся, не смущайся!

Читатель не будетъ слишкомъ строго относиться къ нѣкоторымъ несовершенствамъ этого произведенія, когда узнаетъ, что оно представляетъ изъ себя только дословно переписанное начало оглавленія третьей книги стиховъ Ѳ. Сологуба...

III.

Какъ! Въ человѣческой исторіи не больше объективнаго, общеобязательнаго, внѣ насъ лежащаго смысла, чѣмъ въ оглавленіи книги, въ буквахъ азбуки или въ пятнахъ сырости! «Какъ человѣку надобно свихнуть себѣ душу, чтобы примириться съ этими выводами и привыкнуть къ нимъ!» Такъ говорилъ когда-то Герцену Хомяковъ и выводилъ отсюда необходимость вѣры. Въ «Дневникѣ» Герцена приведенъ этотъ ходъ мыслей Хомякова, крайне характерный для всѣхъ мистиковъ-объективистовъ; мы напомнимъ его читателямъ. «Философія ведетъ къ имманенціи,—говорилъ Хомяковъ;—но если самопознаніе, субъективность развертывается погруженная въ міръ реальный, а міръ реальный idealiter долженъ развиться въ самопознаніе, но можетъ gehemmt sein на дорогѣ случайностью, стало, можно предположить такую эпоху вселенной, въ которой субъективности, сознанія вовсе нѣтъ, а есть dumpfes unklares für sich броженіе; а если планета такая же индивидуальность, какъ индивидуальность человѣка, то и развившись до сознанія она можетъ погибнуть, и съ нею весь побѣжденный процессъ, который долженъ бы былъ продолжаться на всѣхъ. Но изъ нихъ каждое также зависитъ отъ случайности—отсюда хаотическое, страшное воззрѣніе... Философія доводитъ реальное въ послѣднемъ словѣ до имманенціи и распадающагося хаотическаго атомизма, слѣдовательно до нелѣпости... Итакъ, логическимъ путемъ однимъ нельзя знать истину. Она воплощается въ самой жизни—отсюда религіозный путь» *).

Вотъ вѣчный путь борьбы съ имманентной филосо-

*) «Дневникъ» Герцена отъ 21 декабря 1842 г.; ср. разговоръ Герцена и Хомякова, приведенный въ «Быломъ и Думахъ». См. «О смыслѣ жизни», стр. 272—274.

фіей: противъ объективной безсмысленности жизни выдвигается фантомъ случайности, а спасеніе отъ этого фантома указывается въ области вѣры. «Для этого надобно вѣру»—говоритъ Герцену Хомяковъ, на что Герценъ отвѣчаетъ: «на нѣтъ и суда нѣтъ»...

Но насъ хотятъ убѣдить, что вѣра у насъ есть, что она должна быть. Намъ говорятъ: вотъ вы возстаете противъ вѣры въ объективную осмысленность жизни, противъ основанной на вѣрѣ мистической теоріи прогресса; но развѣ у васъ самихъ нѣтъ совершенно такой же вѣры—хотя бы, напримѣръ, вѣры въ реальность міра или въ чужое одушевленіе? Вы постулируете, что есть міръ, что есть чужое «я», а мы постулируемъ, что есть Богъ, что есть объективный смыслъ жизни.

Вашей вѣры въ Бога, вѣры въ объективный смыслъ жизни мы ни на минуту не отвергаемъ и не оспариваемъ; наоборотъ, мы признаемъ, что блаженны вѣрующіе... Но какъ быть тѣмъ, у которыхъ этой вѣры нѣтъ? Вѣдь на нѣтъ и суда нѣтъ. Соглашаемся, далѣе, что и въ нашемъ міровоззрѣніи имѣются элементы «вѣры» — въ чужое одушевленіе, напримѣръ. (Правда, вѣра въ объективный смыслъ жизни и «вѣра» въ чужое одушевленіе—это «двѣ большія разницы», хотя бы по одному тому, что одна есть вѣра вопреки очевидности, а вторая—согласно съ очевидностью. Но это только въ скобкахъ; опредѣленію понятія «вѣры» въ его многихъ значеніяхъ посвящены многочисленныя работы старыхъ и новыхъ философовъ). Пусть такъ, пусть мы «вѣримъ» въ чужое одушевленіе; но почему же мы обязаны вѣрить тогда и въ объективный смыслъ жизни? Развѣ наличность одной вѣры является аргументомъ для принятія другой?

Противъ вѣры въ Бога, противъ вѣры въ объективный смыслъ жизни мы не возражаемъ, такъ какъ признаемъ логическую возможность подобной вѣры; наше отрицаніе зиждется на другой, психологической почвѣ. Когда-то Паскаль думалъ убѣдить всѣхъ люцей математической

теоріей вѣроятности въ неизбѣжности вѣры въ Бога, и аргументы его впослѣдствіи не разъ были развиваемы. Дѣйствительно, Богъ или существуетъ (1), или не существуетъ (2); я въ Него или вѣрю (3), или не вѣрю (4). Комбинаціи этихъ четырехъ возможностей могутъ быть или истинными, или ложными. Такъ, сочетанія 1+3 или 2+4 истины; комбинаціи 1+4 или 2+3 ложны. Но при комбинаціи 1+4 я самъ осудилъ себя на вѣчную погибель въ будущей жизни (дѣло идетъ о церковномъ, католическомъ пониманіи Бога); а при сочетаніи 2+3 я совершаю только безобидную ошибку. Выбирайте же, что лучше: вѣрить въ несуществующаго Бога или не вѣрить въ существующаго... Выборъ не труденъ: конечно, надо вѣрить во всѣхъ случаяхъ и во что бы то ни стало, ибо рискъ такъ малъ, а выигрышъ такъ великъ... On perd si peu et on gagne si beaucoup!

Когда-то все это звучало убѣдительно... Но времена перемѣнились. Наше понятіе о Богѣ теперь уже другое и наши отношенія къ проблемѣ «богоискательства» совсѣмъ иныя. Чистый, догматическій атеизмъ отходитъ теперь въ область преданія и во всякомъ случаѣ становится удѣломъ очень нетребовательныхъ людей. Вѣра, невѣріе—не въ этомъ лежитъ теперь центръ тяжести. Можно признавать Бога и въ то же время не принимать Его.

«Я не Бога не принимаю, я міра Имъ созданнаго не принимаю и не могу согласиться принять», — говорилъ когда-то Иванъ Карамазовъ. Но есть точка зрѣнія и совершенно противоположная: міръ мы принимаемъ (ибо принуждены его принять, если хотимъ жить), но Бога не принимаемъ, если даже онъ и существуетъ. Мы не хотимъ трансцендентнаго оправданія міра, мы хотимъ стоять на человѣческой точкѣ зрѣнія; для насъ невозможенъ Богъ міроправитель, допускающій дѣтскія неоправданныя слезы и безвинную человѣческую муку. Эти страданія, эти муки будутъ оправданы, возмѣщены и отомщены въ будущей

жизни—утѣшаетъ вѣрующихъ религія; но нѣтъ той небесной награды, которая могла бы уравновѣсить муку невинно погибшаго, растерзаннаго собаками ребенка. Такова наша человѣческая точка зрѣнія; на сверхъ-человѣческой, а потому и безчеловѣчной, мы отказываемся стоять. Допускающій безвинную муку Богъ — не нашъ Богъ, если даже онъ и существуетъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Джемсъ въ своей отмѣченной выше книгѣ, существуетъ Богъ, требующій человѣческихъ жертвоприношеній, но принять такого Бога мы не можемъ.

Итакъ, вопросъ заключается вовсе не въ томъ, вѣримъ мы или нѣтъ въ существованіе Бога, а въ томъ, принимаемъ ли мы Его, хотя бы и существующаго. Параллельно съ этимъ возникаетъ вопросъ и о принятіи нами міра: міръ существуетъ, какъ фактъ, но онъ можетъ быть нами или принятъ, или не принятъ. Эти четыре элемента—1) міръ, 2) Богъ, 3) принятіе, 4) непринятіе—въ четырехъ различныхъ сочетаніяхъ исчерпываютъ собою проблему смысла жизни. Наша точка зрѣнія опредѣляется соединеніемъ 1+3 и 2+4; Иванъ Карамазовъ соединялъ 2+3 и 1+4; мистическая теорія прогресса принимаетъ 1+3 и 2+3; наконецъ, возможенъ и случай 1+4 и 2+4. Это случай разрыва не только съ Богомъ, но и съ міромъ—отказъ отъ жизни, разъ въ ней нѣтъ объективнаго смысла.

Всѣ эти точки зрѣнія логически равно возможны; склоняться къ той или иной насъ заставляютъ психологическія побужденія. Вопросъ о «вѣрѣ» становится мелкимъ передъ этими новыми возникающими проблемами, такъ геніально поставленными Достоевскимъ.

IV.

Непріятіе міра есть самоистребленіе. Часто, слишкомъ часто приходится сталкиваться съ людьми, которые не

въ силахъ перенести мысли объ отсутствіи объективнаго смысла жизни. Сплошь и рядомъ вы встрѣтите въ газетной хроникѣ записки самоубійцъ, Бога не пріявшихъ и міръ отвергшихъ. «Бога нѣтъ, жить нѣтъ цѣли и на свѣтѣ все глупо»,—пишетъ одинъ изъ нихъ передъ смертью. «Кто не нашелъ ключа смысла жизни, тотъ не долженъ жить. Счастливы тѣ, которые, сознавая свое безсиліе, по своей волѣ уходятъ отъ жизни» — пишетъ другой передъ покушеніемъ на самоубійство. Приватъ-доцентъ Кіевскаго университета отравляется ціанистымъ кали, «убѣдившись въ безцѣльности жизни». Въ Одессѣ стрѣляется шестнадцатилѣтній реалистъ, которому «стало скучно на этомъ маленькомъ земномъ шарѣ, гдѣ такъ много прекраснаго». Въ Костромѣ восемнадцатилѣтній юноша кончаетъ самоубійствомъ для того, чтобы «выразить своимъ самоубійствомъ протестъ противъ законовъ природы, которые дѣлаютъ жизнь человѣка сплошнымъ рядомъ страданій» *). Шестидесятилѣтній старикъ бросается подъ поѣздъ, оставляя записку: «долгимъ опытомъ убѣдился, что нѣтъ смысла въ жизни. Для чего жить?»

Мы безсильны переубѣдить людей, непринимающихъ міра. Какъ и чѣмъ убѣдить ихъ, что смыслъ жизни создаемъ мы сами, что отъ насъ зависитъ расширить свой міръ до предѣловъ вселенной или низвести его до комочка грязи, что объективный смыслъ жизни не нуженъ для того, кто субъективно осмысливаетъ свою жизнь. Развѣ можно все это доказать? Это надо чувствовать. Но все же психологія отвергающихъ міръ намъ понятна; мы не можемъ раздѣлять ихъ взглядовъ, мы не можемъ принимать ихъ, но мы можемъ ихъ понимать. Вы не принимаете міра, мы принимаемъ міръ: споръ тутъ невозможенъ.

Психологія людей, принимающихъ міръ и оправдывающихъ Бога—значительно дальше отъ насъ. Мы знаемъ,

*) Ср. Достоевскій «Дневникъ Писателя», 1876 г., № 10.— Всѣ перечисленные факты взяты нами изъ газетъ первыхъ мѣсяцевъ 1909 года.

что есть не мало людей, готовыхъ принять отъ руки Бога все, даже самое безсмысленное, даже невинныя муки ребенка; но ихъ душевный строй намъ чуждъ почти настолько же, какъ и вѣра въ какое-нибудь божество, требующее человѣческихъ жертвоприношеній. Оправдывать всѣ человѣческія жертвоприношенія, ежеминутно совершающіяся въ жизни человѣчества и въ жизни человѣка; безропотно принимать ихъ не какъ неизбѣжное, а какъ долженствующее и нравственно пріемлемое, ибо исходящее отъ божественной воли—вотъ вѣчная участь рабовъ трансцендентнаго. Помните, какъ у Достоевскаго: «тараканъ не ропщетъ»... Этотъ «тараканъ отъ дѣтства» никогда не ропщетъ, хотя онъ и «попалъ въ стаканъ полный мухоѣдства»... Онъ ждетъ съ тупымъ покорствомъ или благоговѣйнымъ смиреніемъ—не все ли равно? — рѣшенія своей участи, когда къ стакану подойдетъ «Никифоръ—бла-а-роднѣйшій старикъ» и выплеснетъ всю эту дрянь «мухоѣдства» въ бездонную яму Смерти. А пока— таракан принимаетъ всю эту мерзость, весь этотъ ужасъ жизни не какъ причинно-необходимое, а какъ этически-должное: «тараканъ не ропщетъ»... И право, если такого тупо-смиреннаго таракана давитъ своей пятой «бла-а-роднѣйшій старикъ Никифоръ» (онъ же—Рокъ, Судьба, Природа, Богъ, Дьяволъ, Нѣкто въ сѣромъ или какъ тамъ его еще зовутъ), то невольно иногда думается: да полно, ужъ не по заслугамъ ли его воздается ему? Таракан не ропщетъ!

Психологія Ивана Карамазова намъ ближе и понятнѣе; но «непріятіе міра» не доводится имъ до конца. Онъ не принимаетъ міра только на словахъ; центростремительная сила перевѣшиваетъ въ немъ центробѣжную и онъ остается жить. А между тѣмъ истинное непріятіе міра есть самоистребленіе; и не тотъ отвергаетъ міръ, кто говоритъ: «міра не принимаю», и затѣмъ идетъ въ трактиръ ѣсть уху съ растегаями, а тотъ, кто молча сводитъ послѣдніе счеты съ жизнью. Не Иванъ Карамазовъ, а лакей Смердяковъ дѣйствительно не принялъ міра.

Остается послѣдняя возможность: мы принимаемъ міръ не какъ этически-должное, а какъ причинно необходимое; но мы не принимаемъ того Бога, котораго признаютъ мистики-объективисты. Мы не признаемъ объективной осмысленности жизни, но мы видимъ въ ней явный субъективный смыслъ; цѣль мы видимъ въ каждомъ человѣкѣ, смыслъ мы видимъ въ полнотѣ бытія. Эту точку зрѣнія «имманентнаго субъективизма» мы развивали подробно въ нашей книгѣ «О смыслѣ жизни»; мы видѣли тамъ, что она тѣсно связана со всѣмъ прошлымъ исторіи русскаго сознанія: Пушкинъ, Герценъ, Бѣлинскій, Толстой—въ разныя времена различно исповѣдывали этотъ имманентный субъективизмъ. Здѣсь мы хотимъ иллюстрировать эту точку зрѣнія примѣромъ великаго украинскаго поэта Шевченко — конечно, въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ.

V.

Нѣтъ объективнаго смысла жизни: Шевченко это не смущало. Все проходитъ, все мимолетно, все смертно; ни въ чемъ не видно конечной цѣли, да и нѣтъ ея. Эти мотивы проходятъ черезъ всю поэзію Шевченко, быть можетъ ярче всего проявляясь въ великолѣпномъ вступленіи къ «Гайдамакамъ»:

Все йде, все минае—і краю немае...
Куди-ж воно ділось? Відкіля взялось?
І дурень і мудрий нічого не знае.
Живе... умірае... Одно зацвіло,
А друге завяло, на віки завяло,
І листя пожовкле вітри рознесли.
А сонечко встане, як перше вставало;
І зорі червоні, як перше плили,
Поплибуть і потім; і ти, білолиций,
По синьому небу вийдеш погулять,
Вийдешь подивиться в жолобок, криницю
І в море безкрае, і будеш сиять,

Як над Вавилоном, над його садами,
І над тим, що буде з нашими синами...

Равнодушная природа сіяетъ мертвою красою—но это признаніе не заставляетъ поэта пасть духомъ; наоборотъ, въ признаніи этомъ сказывается великое примиреніе съ міромъ. Равнодушная природа, преломленная сквозь человѣческія чувства, загорается живой красою, сіяньемъ жизни; надо только исполнять великій завѣтъ природы, которая (по выраженію Герцена) всѣми языками своими безпрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всякому свое vivere memento! Въ исполненіи этого завѣта, но лишь во всей его полнотѣ — весь смыслъ человѣческой жизни; и тотъ несчастенъ, кто поздно приходитъ къ этому сознанію, какъ бѣдный чеховскій дядя Ваня, который на порогѣ старости съ ужасомъ созналъ, что «пропала жизнь! погибла жизнь!» Въ ядовитомъ посланіи къ Н. Тарновской, написанномъ за три мѣсяца до смерти, Шевченко обращается къ типу такихъ добровольныхъ мучениковъ, которые, говоря стариннымъ присловьемъ, «никѣмъ же мучими сами ся мучають»:

Великомученице кумо!
Дурна еси ти, нерозумна!
В раю веселому зросла,
Рожевим цвітомъ процвіла,
І раю красного не зріла,
Не бачила—бо не хотіла
Поглянути на божий день,
На ясний світ животворящий!
Сліпа була-еси, незряща,
Недвига серцемъ...

О какомъ раѣ говоритъ поэтъ? Этотъ рай — земля; и всякій, имѣющій очи, можетъ его видѣть, хотя и не всякій хочетъ его видѣть и имъ удовлетвориться. Люди жаждутъ трансцендентнаго смысла бытія, полнота земной жизни ихъ не удовлетворяетъ, земной рай имъ кажется

блѣднымъ и они ищутъ рая небеснаго. Шевченко негодуетъ:

Якого-ж ми раю
У Бога благаем?!
Рай у вічі лізе,
А ми в церкву лізем
Заплющивши очі:
Такого не хочем!

Правда, этотъ земной рай люди превратили въ «пекло»— Шевченко это чувствовалъ острѣе, чѣмъ кто-либо иной: недаромъ же онъ провелъ десять лѣтъ своей короткой жизни въ ужасныхъ условіяхъ подневольной солдатчины въ оренбургскихъ и аральскихъ степяхъ. И вотъ именно за то, что Богъ—«сивий Верхотворець» — допускаетъ существованіе «пекла» на прекрасной землѣ, именно за это поэтъ и не принимаетъ Бога, признавая его существованіе. Вѣрить въ Бога и въ то же время не принимать его—это соединеніе особенно ярко выразилось въ поэзіи Шевченко. Человѣкъ призываетъ къ отвѣту Бога за человѣческія страданія, за кровь, за му́ку, за слезы; старое богоборчество воскресаетъ съ новой силой въ новыхъ формахъ. Вотъ, смотри, — обращается поэтъ къ «сивому Верхотворцю»: —

Он гай зелений похиливсь,
А он з-за гаю виглядае
Ставок, неначе полотно,
А верби геть по-над ставо́м
Тихесенько собі купають
Зелені віти... Правда, рай?
А подивися та спитай,
Що там твориться у тім раї!
Звичайне, радість та хвала
Тобі единому святому
За дивниї Твої діла...
Оттим бо й ба! Хвали—нікому,
А кров, та сльози, та хула,
Хула всьому! Ні, ні! нічого
Нема святого на землі!

Мені здається, що й самого
Тебе вже люде проклялн...

Это разрывъ съ Богомъ, а не съ міромъ: міръ, жизнь поэтъ принимаетъ, но лишь какъ сущее, а не какъ должное. Какъ никто другой, Шевченко чувствовалъ всю тяжесть, весь ужасъ хотя бы одной соціальной несправедливости въ человѣческой жизни; мало того, что существуютъ горе, болѣзнь, смерть на землѣ, — ихъ еще усугубляютъ звѣрскія отношенія человѣка къ человѣку: мы — горько шутитъ поэтъ — «з братами тихо живемо, лани братами оремо, і їх сльозами поливаем»...

Такиї, Боже наш, діла
Ми творимо у нашім раї
На праведній Твоїй землі!
Ми в раї пекло розвели,
А в Тебе другого благаем...

И поэту непонятно только одно: какъ можетъ «сам сивий Верхотворець» допускать и терпѣть это «пекло» въ раю; если Онъ допускаетъ все это—говоритъ поэтъ,— то Онъ либо безсиленъ, либо жестокосердъ. А быть можетъ онъ, какъ андреевскій «Нѣкто въ сѣромъ», просто смѣется надъ нами, надъ человѣческимъ горемъ, надъ людскими страданіями:

А може й те ще... Ні, не знаю,
А так здається, сам еси...
(Бо без Твоеї, Боже, волі,
Ми б не нудились въ раї голи!)
А може й Сам на небеси
Сміешся, батечку, над нами?!...

Шевченко безсознательно чувствовалъ то, что̀ до сихъ поръ еще не понимаютъ очень многіе: центръ тяжести міровоззрѣнія лежитъ не въ вѣрѣ или невѣріи, а въ принятіи или отверженіи Бога. Въ послѣднемъ случаѣ совершенно обходится неразрѣшимая метафизическая про-

блема о бытіи или небытіи Бога и на мѣсто ея ставится неизмѣримо болѣе важная альтернатива пріятія или непріятія Бога, пріятія или непріятія міра. И на примѣрѣ великаго украинскаго поэта мы лишній разъ убѣждаемся въ возможности отвѣта: міръ пріемлю, но Бога не принимаю. Бога не принимаю — это значитъ: отказываюсь принимать трансцендентный смыслъ имманентной безсмыслицы. Міръ пріемлю — это значитъ: вижу въ жизни великій субъективный смыслъ и силою психологическаго оптимизма побѣждаю метафизическій пессимизмъ. Такъ чувствовалъ и Шевченко:

Тяжко жить на світі, а хочеться жить:
Хочеться дивитись, як сонечко сяє,
Хочеться послухать, як море заграє,
Як пташка щебече, байрак гомонить,
Або чорнобрива въ гаю заспіває...
О, Боже мій милий, як весело жить!

Жить всѣми сторонами личной и общественной жизни— въ этомъ весь имманентный смыслъ человѣческаго существованія.

VI.

Поэзія Шевченко является, быть можетъ, лучшимъ примѣромъ соединенія идей (вѣрнѣе, не столько идей, сколько чувствъ) имманентнаго субъективизма съ крайнимъ радикализмомъ и демократизмомъ въ области идей соціальныхъ и политическихъ. Это слѣдуетъ отмѣтить хотя бы по одному тому, что обычнымъ возраженіемъ противъ имманентнаго субъективизма со стороны «объективныхъ» позитивистовъ является указаніе на анти-соціальность этого воззрѣнія и на его анти-демократичность. Жить полной жизнью, жить всѣми струнами души— это, якобы, рецептъ только для крайняго индивидуалиста, да къ тому же еще достаточно обезпеченнаго трудами

рукъ сотенъ тысячъ «трудящихъ»... А эти «трудящіе—они просто несчастные... лошади»—по выраженію горьковскаго Ѳомы Гордѣева, и философія имманентнаго субъективизма не для нихъ и не про нихъ писана.

Въ такихъ словахъ кроется крайне вульгарное пониманіе «полноты бытія». Жизнь широкая и полная не за деньги покупается; и тотъ босякъ М. Горькаго, который могъ часами сидѣть на берегу моря, вслушиваясь въ говоръ волнъ, глубже и полнѣе жилъ въ это время, чѣмъ большинство изъ слушающихъ моднаго тенора въ дорогомъ театрѣ. Вспомните также тургеневскихъ «Пѣвцовъ» и рѣшите, гдѣ глубже эстетическое чувствованіе, гдѣ интенсивнѣй полнота переживаній. И то, что́ справедливо въ области эстетики, то сохраняетъ свою силу и въ области всей человѣческой жизни, всѣхъ мыслей, переживаній, чувствованій; если бы понадобились доказательства и подтвержденія этого и если бы переживанія и мысли Шевченко показались бы неубѣдительными, то мы могли бы обратиться къ Гл. Успенскому, къ его чуткому и проникновенному пониманію крестьянской жизни.

Въ своихъ удивительныхъ очеркахъ «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ» (которые намъ представляются высшей точкой творчества Успенскаго, превышающей даже его знаменитую «Власть земли»), Гл. Успенскій попытался объяснить себѣ смыслъ жизни народной. Несомнѣнно, что самъ народъ, въ своемъ большинствѣ, объясняетъ свою жизнь съ точки зрѣнія трансцендентнаго объективизма; взглядъ этотъ давно уже сталъ догмой, пропитавшей народныя массы, несмотря на различныя теченія, борющіяся въ ея глубинѣ. Это хорошо зналъ и понималъ Гл. Успенскій. «Типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена одна изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ,—говорилъ Гл. Успенскій,—безъ сомнѣнія является Платонъ Каратаевъ, такъ удивительно изображенный Л. Толстымъ»... Какія же это народныя свойства, по крайней мѣрѣ одна

группа изъ нихъ? «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь,—приводитъ Гл. Успенскій слова Л. Толстого: — она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ»... Это цѣлое — «Рассея», «міръ», а на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія еще общнѣе: «Человѣчество»—это цѣлое, какъ бы оно ни называлось, позволяетъ намъ объяснять смыслъ нашей жизни отсыланіемъ отъ Понтія къ Пилату, отъ человѣка къ человѣчеству. Но и въ самомъ народѣ были и есть другія группы, не удовлетворявшіяся такимъ отвѣтомъ, и самъ Гл. Успенскій не могъ удовлетвориться имъ. А если трансцендентный объективизмъ не удовлетворяетъ, то волей-неволей приходится перейти на почву имманентнаго субъективизма.

Каковъ смыслъ жизни крестьянина — какого-нибудь Ивана Ермолаевича, о которомъ говоритъ Гл. Успенскій? Мистическая теорія прогресса чужда Гл. Успенскому; ничего не объясняетъ ему и позитивная теорія прогресса. Иванъ Ермолаевичъ живетъ и «бьется» надъ работой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ точно такъ же бились тысячу лѣтъ подъ рядъ его предки («въ настоящее время давно распаханные подъ овесъ и въ видѣ овса съѣденные скотиной»...). Трудъ поглощалъ и поглощаетъ всю жизнь крестьянина, не оставляя ему ни минуты досуга; а если случайно появится этотъ досугъ, то вліяніе его на крестьянскую жизнь только отрицательное. Гдѣ ужъ тутъ, казалось бы, говорить о «полнотѣ бытія», когда «невѣроятные размѣры труда» поглощаютъ собою всю крестьянскую жизнь безъ остатка! «Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что́ это за жизнь, и посудите, изъ-за чего человѣкъ бьется. Крестьянская пословица говоритъ: лѣто работаетъ на зиму, а зима на лѣто. И точно: лѣтомъ съ утра до ночи безъ передышки бьются съ косьбой, съ жнивомъ, а зимой скотина съѣстъ сѣно, а люди хлѣбъ; весну и осень идутъ хлопоты приготовить пашню для людей и животныхъ,

лѣтомъ соберутъ, что́ дастъ пашня, а зимой съѣдятъ. Трудъ постоянный — и никакого результата, кромѣ навоза, да и того не остается, ибо и онъ идетъ въ землю: земля ѣстъ навозъ, люди и скотъ ѣдятъ, что̀ даетъ земля. Самъ Богъ, Отецъ Небесный, поминается только какъ участникъ въ этой безплодной по результатамъ дѣятельности лабораторіи. Богъ даетъ дождь, вёдро, нужные для сѣна, овса, ржи, которые нужны для лошадей, овецъ, коровъ и людей, а въ результатѣ—навозъ, нужный для земли, и т. д. до безконечности»...

Какой смыслъ всего этого круговорота? «Объясняя себѣ эту загадку существованія, я приходилъ къ самымъ мрачнымъ и безобразнымъ выводамъ», — говоритъ Гл. Успенскій. Онъ пробовалъ объяснять себѣ эту загадку разными «трансцендентными» отвѣтами, но ничего путнаго не получалось: «тайна безплодности и непрестанности труда, изъ которыхъ сотканы дни, часы и годы существованія Ивана Ермолаевича и многихъ ему подобныхъ, такъ и оставалась досадною, неразгаданною тайной»—до тѣхъ поръ, пока Гл. Успенскій не сталъ искать отвѣта на почвѣ имманентнаго субъективизма. Тогда онъ сразу понялъ: смыслъ жизни Ивана Ермолаевича лежитъ въ ней самой; объективно безсмысленный круговоротъ событій имѣетъ глубокій субъективный смыслъ. Въ жизни Ивана Ермолаевича Гл. Успенскій увидѣлъ тогда ту самую «полноту бытія», которая субъективно осмысливаетъ жизнь каждаго человѣка; въ томъ трудѣ, который казался ему объективно безсмысленнымъ и безцѣльнымъ, онъ увидѣлъ субъективный смыслъ, увидѣлъ даже «поэзію земледѣльческаго труда».

«Жизнь Ивана Ермолаевича, что называется, полнехонька впечатлѣніями до краевъ», — увидѣлъ тогда Гл. Успенскій; онъ увидѣлъ, что «Иванъ Ермолаевичъ, кромѣ видимыхъ міру слезъ, бѣдствій, недоимокъ, всевозможныхъ притѣсненій и другихъ мрачныхъ чертъ, рисующихъ его жизнь, какъ безпрерывное мученіе и каторгу, имѣетъ

въ самой глубинѣ своего существованія нѣчто такое, что̀ даетъ ему силу переносить всѣ эти невзгоды цѣлыя тысячелѣтія»; онъ увидѣлъ, что «кажущееся влаченіе по браздамъ, безплодное, тяжкое существованіе — оказывается явленіемъ вполнѣ объяснимымъ, а главное — вовсе не влаченіемъ, а существованіемъ,... въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ»... Гл. Успенскій увидѣлъ «творчество» въ крестьянскомъ трудѣ, увидѣлъ эстетическую цѣльность и красоту въ земледѣльческомъ укладѣ жизни. Онъ понялъ, что Иванъ Ермолаевичъ «бьется» не потому только, чтобы быть сытымъ и платить подати, «но и потому еще, что земледѣльческій трудъ со всѣми его развѣтвленіями, приспособленіями, случайностями поглощаетъ и его мысль, сосредоточиваетъ въ себѣ почти всю его умственную и даже нравственную дѣятельность»... Полнота бытія—это слово придаетъ смыслъ всякой человѣческой жизни, и въ этомъ отношеніи имманентный субъективизмъ является настолько же всечеловѣческимъ, какъ и два другихъ трансцендентныхъ пути.

Правда, не всѣ такъ счастливы, какъ Иванъ Ермолаевичъ: не у всякаго трудъ является въ то же время элементомъ, субъективно осмысливающимъ жизнь. Именно такое счастливое сочетаніе заставляло, между прочимъ, старыхъ народниковъ такъ рьяно отстаивать земледѣльческій укладъ жизни. Кромѣ крестьянства, немногіе могутъ считать свой трудъ элементомъ полноты бытія: это удѣлъ сравнительно очень немногихъ «свободныхъ профессій». Для остальныхъ трудъ есть только средство и жизнь идетъ мимо, полнота бытія не захватываетъ трудъ; но такъ или иначе—полнота бытія и только она есть вѣчный субъективный смыслъ всякой жизни. Имманентный субъективизмъ, повторяемъ это, не есть путь для немногихъ; по этому пути идетъ, кто хочетъ; по этому пути могутъ идти всѣ люди, все живое, существующее въ мірѣ.

VII.

Крайній индивидуализмъ, крайняя анти-соціальность этого пути также являются вполнѣ миѳическими. Девизъ «vivere memento!» ведетъ, якобы, къ крайностямъ абсолютнаго эгоизма; всякій прожигатель жизни можетъ укрыться за философіей имманентнаго субъективизма. Да, можетъ; но вѣдь даже и за ученіемъ Христа укрывались и укрываются разные великіе и малые инквизиторы, вѣдь нѣтъ ни одного ученія, ни одной системы, ни одной теоріи, ни одного вѣрованія, которыхъ не могли бы запятнать своимъ признаніемъ и сочувствіемъ разные человѣкоподобные. «У всякаго человѣка есть своя обезьяна»: у всякаго ученія есть или можетъ быть пародія, кривляющееся отображеніе; у всякаго Ивана Карамазова есть свой Смердяковъ или свой Чортъ—обезьяна или «лакей». Эти «лакеи», эти обезьяны неизбѣжны тамъ, гдѣ есть исканіе, творчество. Они сейчасъ же хватаются за результаты, отвлеченные отъ процесса ихъ выработки, треплютъ ихъ, вульгализируютъ, толкуютъ на свой ладъ, искажаютъ до неузнаваемости. За примѣромъ недалеко ходить: въ свое время имманентный субъективизмъ Герцена уже подвергся такому разлагающему процессу въ нигилизмѣ конца шестидесятыхъ годовъ.

Первый шагъ къ этому сдѣлали уже «мыслящіе реалисты» типа Писарева. Писаревъ впервые развилъ для широкой публики взгляды Герцена, выраженные послѣднимъ десятью годами ранѣе; но при этомъ даже Писаревъ слишкомъ упростилъ, слишкомъ обезцвѣтилъ глубокія мысли Герцена: будто перевелъ его мысли изъ области трехъ въ область двухъ измѣреній. Вотъ, прочитайте, напримѣръ, слѣдующія строки Писарева (изъ «Схоластики XIX вѣка»):

«Цѣль жизни! Какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ довѣрчиваго слушателя... Старайтесь жить полной жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы—и, живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите. Васъ затрудняетъ, можетъ быть, одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству? Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы—существо очень доброе, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ, и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга»...

Читаешь это — точно въ кривое зеркало глядишься: такъ, вѣроятно, чувствовалъ себя Герценъ при чтеніи этихъ строкъ; недаромъ подобныя мысли Писарева Герценъ считалъ проявленіемъ крайней незрѣлости мысли, говоря про «базаровщину», что «болѣзнь эта къ лицу только до окончанія университетскаго курса; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершеннолѣтію не пристала». Эти наивныя утвержденія, что «человѣкъ отъ природы существо очень доброе» и что потому онъ будетъ помогать людямъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія—что все это такое, какъ не младенческое прорѣзываніе зубовъ русской мысли и въ то же время—искаженіе имманентнаго субъективизма Герцена?

Vivere memento! — этотъ девизъ ведетъ вовсе не къ такимъ наивно-гедонистическимъ положеніямъ. Полнота бытія, полная жизнь—вовсе не однозначна съ жизнью въ свое удовольствіе; «жить во-всю» (по словамъ Михайловскаго) вовсе не значитъ жить для себя. Жить во-всю и жить внѣ могучаго чувства соціальности—невозможно; и

тотъ, кто живетъ лишь для себя—не зналъ и не знаетъ, что такое полнота бытія. Чувствовать свое «я» неразрывно слитымъ съ общественнымъ «ты» — это значитъ безгранично расширить діапазонъ своей личной жизни; изолировать свое «я» отъ соприкосновенія съ общественнымъ «ты» — это значитъ безмѣрно суживать границы своего бытія. И тотъ, кто прожилъ всю жизнь на холодныхъ вершинахъ крайняго индивидуализма -- тотъ духовно бѣденъ и нищъ, какъ бы ни была напряженна и богата личными переживаніями его жизнь; онъ бѣденъ и нищъ, ибо лишенъ громаднаго и могучаго чувства соціальности, придающаго такую полноту человѣческой жизни.

Чувство соціальности въ духовномъ мірѣ человѣка аналогично зрѣнію въ области его физическихъ чувствъ: эти чувства вводятъ насъ въ общеніе не только съ непосредственно окружающимъ насъ, но и съ отдѣленнымъ отъ насъ громадными разстояніями. И не потому я вижу, что это доставляетъ мнѣ удовольствіе, а потому, что я не могу не видѣть; наоборотъ, часто я вижу вещи, доставляющія мнѣ острое страданіе. «О, если бы не видѣть!»— восклицаемъ иногда мы; но мы не можемъ не видѣть и никогда не захотимъ добровольно лишить себя зрѣнія; быть можетъ, мы предпочтемъ умереть, чѣмъ не видѣть. Въ чувствѣ зрѣнія есть различныя градаціи: есть нормальное зрѣніе, есть болѣзни его, есть близорукость, дальнозоркость, дальтонизмъ, есть величайшее несчастіе— слѣпота; и хотя мы часто проклинаемъ то, что видимъ, но никогда не согласимся промѣнять муки зрѣнія на невѣдѣніе слѣпоты. Все это отъ слова до слова примѣнимо къ нашему нравственному міру, къ чувству соціальности, дающему возможность единичному «я» видѣть и чувствовать многочисленное «ты». Не потому мы подчиняемся чувству соціальности, что это доставляетъ намъ удовольствіе, а потому, что мы не можемъ не подчиняться ему; наоборотъ, это чувство заставляетъ насъ часто испытывать острое страданіе. Правда, не всѣ обладаютъ этимъ

чувствомъ: иные страдаютъ притупленіемъ и ослабленіемъ его, иные нравственнымъ дальтонизмомъ; есть, наконецъ, люди, у которыхъ это чувство вполнѣ атрофировано. Эта соціальная слѣпота — величайшее несчастіе человѣка; и хотя наше чувство соціальности доставляетъ намъ часто острыя страданія, но мы, быть можетъ, предпочтемъ умереть, чѣмъ добровольно лишить себя чувства соціальности, предаться соціальной слѣпотѣ. Смерть и мученія за соціальные идеалы -- развѣ это такое рѣдкое явленіе? Вспомните хотя бы исторію русской интеллигенціи за послѣднія сто лѣтъ...

Итакъ, «полнота бытія» немыслима внѣ чувства соціальности; тѣ человѣкоподобные, которые хотятъ запачкать своимъ признаніемъ имманентный субъективизмъ Герцена, напрасно теряютъ время и трудъ: имъ не удастся запятнать міровоззрѣніе Герцена такъ же, какъ не удастся отождествить свое прожиганіе жизни съ «полнотой бытія». Тщетно пытались бы ухватиться за имманентный субъективизмъ и тѣ крайніе индивидуалисты, у которыхъ атрофировано чувство соціальности, которые страдаютъ соціальной слѣпотой: какъ бы ни была полна ихъ жизнь эстетическими переживаніями или творчествомъ философской и научной мысли, но если они лишены переживаній соціальныхъ, то не имъ говорить о полнотѣ бытія. Имманентный субъективизмъ есть міровоззрѣніе всечеловѣческое; но именно потому оно дѣйствительно только на соціальной почвѣ, именно потому оно соединяетъ признаніе величайшей цѣнности человѣческой личности съ величайшей соціальной активностью.

VIII.

Но если такъ, если міровоззрѣніе имманентнаго субъективизма оказывается соціальнымъ и не можетъ быть

инымъ, то, спрашивается, какая же разница между нимъ и позитивной теоріей прогресса? Вѣдь тамъ тоже соціальность выдвигается на первый планъ — настолько выдвигается, что даже смыслъ жизни человѣка оказывается лежащимъ въ Человѣчествѣ, въ его блаженномъ будущемъ.

Вотъ именно въ этомъ и лежитъ коренной пунктъ расхожденія. Позитивная теорія прогресса придаетъ объективный смыслъ и значеніе человѣческой жизни, считая ее кирпичемъ для зданія будущаго; для насъ же никакіе грядущіе «хрустальные дворцы» не въ силахъ осмыслить безсмыслицу настоящаго. Осуществленіе въ грядущемъ идеаловъ правды-справедливости не придастъ объективнаго смысла моей настоящей жизни, но моя борьба за осуществленіе идеаловъ правды-справедливости входитъ въ рядъ переживаній, субъективно осмысливающихъ мою жизнь. Здѣсь пунктъ расхожденія имманентнаго субъективизма со всѣми трансцендентными теоріями и системами.

Это расхожденіе несомнѣнно, и оно позволяетъ намъ говорить о трехъ путяхъ, о трехъ отвѣтахъ на вопросъ о смыслѣ жизни. Но при этомъ не надо забывать, что всякое раздѣленіе схематично, что оно намѣчаетъ только рѣзкія черты, сглаживая оттѣнки. Богъ, Человѣчество, Человѣкъ — эти три пути несомнѣнны, но не менѣе несомнѣнна и возможность различнаго пересѣченія различныхъ тропинокъ этихъ путей. Мы только-что видѣли, что, исходя отъ человѣка, мы неизбѣжно приходимъ къ человѣчеству, если не хотимъ пожертвовать безпредѣльно расширяющимъ нашу жизнь чувствомъ соціальности; и хотя мы рѣзко расходимся съ позитивной теоріей прогресса, но указанное сближеніе двухъ путей слишкомъ несомнѣнно. Точно также, какъ ни рѣзко расходимся мы съ мистической теоріей прогресса, но и съ ней у насъ есть точки пересѣченія.

Если, исходя отъ человѣка, мы приходили къ человѣчеству, то не менѣе неизбѣжно мы приходимъ отъ человѣка къ вселенной, къ космосу, къ космической жизни. Если отсутствіе чувства соціальности мы называли великимъ несчастьемъ, соціальной слѣпотой, то не менѣе великимъ несчастьемъ является и то, что́ можно назвать «космической слѣпотой», отсутствіемъ того чувства, проявленія котораго носятъ въ философіи крайне неудачное названіе «универсальнаго аффекта». Это вселенское чувство, говоря словами Канта, «расширяетъ мое единеніе среди міровъ надъ мірами и системами изъ системъ»; это вселенское чувство, въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, выводитъ человѣка на міровой просторъ изъ узкаго тупика его личной жизни. Это вселенское чувство — психологическій фактъ *); соотвѣтствуетъ ли этому факту что-либо внѣ насъ — мы не знаемъ: категорическое «да» мистиковъ здѣсь настолько же голословно, какъ и категорическое «нѣтъ» позитивистовъ.

Намъ одинаково чужда и эта мистическая вѣра и эта позитивная увѣренность. Міръ есть великая Тайна; и мы менѣе всего хотѣли бы проповѣдывать позитивную удовлетворенность, отрицать великую Загадку бытія. Но мы заранѣе отвергаемъ одно изъ возможныхъ рѣшеній этой вселенской Загадки — рѣшеніе, открывающееся на трансцендентной почвѣ. Да, міръ есть вѣчная Тайна, которую не перестанутъ разгадывать религіозные мыслители, философы и поэты; да, мы не можемъ утверждать съ непоколебимой достовѣрностью, что безвинныя муки не найдутъ себѣ объясненія — а значитъ и оправданія — «въ томъ мірѣ, гдѣ нѣтъ времени». Но имъ нѣтъ оправданія съ нашей земной, человѣческой точки зрѣнія; всю вселенскую гармонію мы отдадимъ за одну слезу ребенка. И если «тамъ» мы могли бы найти нуменальный смыслъ дѣтской слезинки, то мы теперь «заблаговременно» (какъ

*) Обо всемъ этомъ см. въ цитированной выше книгѣ Джемса.

говорилъ Иванъ Карамазовъ) отказываемся отъ этой вселенской гармоніи, отъ трансцендентнаго примиренія и оправданія. Мы отвергаемъ это рѣшеніе міровой Загадки, хотя бы оно и было сверхъ-человѣческой Истиной: эта Истина—не для человѣка.

Да къ тому же еще вопросъ: эта трансцендентная Истина — полно, истинна ли она? Эта «трансцендентная гармонія» — не великій ли соблазнъ, великое испытаніе человѣческаго духа? И быть можетъ, по слову Л. Шестова, «кто выдержитъ его, это испытаніе, кто отстоитъ себя, не испугавшись ни Бога, ни Дьявола съ его прислужниками — тотъ войдетъ побѣдителемъ въ иной міръ»? Мы только скажемъ—не въ иной міръ, а въ земной міръ, въ міръ человѣческихъ слезъ, радостей, печалей, творчества, исканій, борьбы, полноты бытія...

IX.

Заключаемъ тѣмъ, съ чего начали: указаніемъ на три пути, по которымъ люди идутъ за поисками смысла жизни. Мы видѣли только-что, что боковыя тропинки этихъ путей переплетаются, но это не мѣшаетъ главнымъ дорогамъ расходиться далеко въ разныя стороны отъ одного общаго исходнаго пункта.

Всѣ мы помнимъ сказочнаго витязя у камня, на распутіи трехъ дорогъ: сидитъ мо́лодецъ на добро́мъ конѣ и читаетъ надпись на камнѣ. А на камнѣ томъ написано: направо поѣдешь—вмѣстѣ съ конемъ пропадешь; налѣво поѣдешь — голову сложишь, а конь уцѣлѣетъ; прямо поѣдешь—конь пропадетъ, а самъ будешь живъ. Это исторія каждаго изъ насъ: каждый изъ насъ въ свое время приходитъ къ великому распутію трехъ дорогъ; каждый изъ насъ — на добро́мъ конѣ (имя ему — «метафизическія иллюзіи»), и летаетъ этотъ конь выше дерева стоячаго,

выше облака ходячаго... И читаемъ мы на камнѣ при распутіи великія и загадочныя слова: Богъ, Человѣчество, Человѣкъ...

Мистическая теорія прогресса усиленно убѣждаетъ насъ повернуть направо, увѣровать въ Бога, увѣровать въ великій трансцендентный смыслъ исторіи, въ божественный смыслъ всего бытія. Но на этой дорогѣ, того и гляди, вмѣстѣ съ конемъ пропадешь: будешь всю жизнь вѣровать въ невѣроятное, будешь возлагать надежды на трансцендентное—и все ближе и ближе будешь подходить къ тому мѣсту пути, гдѣ ждетъ тебя неизбѣжная Смерть. И что же, если тогда окажется, что (по слову Ренана) nous avons été dupés? Когда потухнетъ наше сознаніе, когда мы перейдемъ во мракъ и небытіе, когда метафизическія иллюзіи — состоянія нашего сознанія—погибнутъ вмѣстѣ съ нимъ, когда великій трансцендентный смыслъ бытія окажется насмѣшливой сказкой, тогда исполнится пророчество, начертанное на камнѣ: направо поѣдешь—вмѣстѣ съ конемъ пропадешь...

Позитивная теорія прогресса старается, напротивъ, убѣдить насъ свернуть налѣво, увѣровать въ Человѣчество, въ его счастье, въ его радостное и свѣтлое будущее, построенное на нашей крови и на нашихъ страданіяхъ. Однако на этомъ пути хотя конь, быть можетъ, и уцѣлѣетъ (вѣдь метафизическія иллюзіи этого сорта часто составляютъ своего рода групповое, соціальное вѣрованіе), но самъ-то ужъ навѣрное голову сложишь. Всю жизнь будешь возлагать надежды на будущее, будешь вѣровать въ невѣроятное — въ грядущій земной рай, въ земное блаженство далекихъ поколѣній; всю жизнь будешь считать себя средствомъ для миѳической цѣли — и съ этой вѣрой подойдешь къ тому мѣсту пути, гдѣ стережетъ неизмѣнная Смерть. Что, если только тогда станетъ яснымъ человѣку, что всю жизнь онъ обманывалъ себя дѣтской сказкой, что земное блаженство человѣчества—миѳъ, что рано или поздно все человѣчество исчезнетъ

съ лица земли, что впереди нѣтъ никакой объективной цѣли?..

Остается третій путь, и слѣдовать по этому пути насъ убѣждаетъ міровоззрѣніе имманентнаго субъективизма, геніальнымъ выразителемъ котораго въ русской литературѣ былъ Герценъ. Конь пропадетъ, а самъ будешь живъ: мы должны понять и принять, что объективной цѣли нѣтъ, что субъективной самоцѣлью является Человѣкъ, что смысломъ жизни является вся доступная человѣку полнота бытія — и тогда только «самъ будешь живъ». Правда, и на этомъ пути раньше или позже встрѣтишь неизбѣжную Смерть; но не побѣдительницей является она здѣсь, а побѣжденной. Ибо не въ будущемъ искалъ я смысла и цѣли своего бытія—надъ чѣмъ всегда иронически торжествуетъ Смерть, — а въ каждомъ мигѣ своей жизни. Смерть безсильна загородить дорогу къ той трансцендентной сказкѣ, къ которой человѣкъ вовсе и не стремился; смерть безсильна зачеркнуть прошлое человѣка; смерть безсильна передъ тѣмъ, кто цѣлью считалъ полноту бытія каждаго мига своей жизни... Горе только тому, кто слишкомъ поздно приходитъ къ сознанію бѣднаго дяди Вани: «погибла жизнь! пропала жизнь!»

Эта полнота бытія — главное въ міровоззрѣніи человѣка; если вы принимаете ее, то намъ, пожалуй, даже не о чѣмъ спорить. Васъ утѣшаетъ вѣра въ загробное воздаяніе?—вѣрьте! Вы услаждаетесь мыслью о грядущемъ блаженствѣ человѣчества? — услаждайтесь, утѣшайтесь, вѣрьте въ Бога, въ Человѣчество, въ прогрессъ, во что вамъ угодно, вѣрьте, если не можете жить безъ вѣры. Вѣрьте — но при этомъ живите яркой, живите полной жизнью, живите всѣми струнами души; расширяйте жизнь — а потому дорожите соціальнымъ чувствомъ; углубляйте жизнь—а потому проникайте въ глубь научнаго и художественнаго творчества. Живите «во-всю», живите всѣмъ: и борьбой за великіе субъективные идеалы, и шумомъ валовъ моря, и исканіемъ, и творчествомъ, и

переливомъ голосовъ лѣса, и яркими радостями, и острыми печалями... Живите такой полной жизнью, чтобы, если понадобится, не жаль было завершить ее гибелью за великіе субъективные идеалы человѣческой правды, человѣческой справедливости, во имя великаго чувства соціальности...